

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Дмитриева Наталья Валерьевна

**НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НОВОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ КОНЦА XIX–
НАЧАЛА XX В.: ВЫРАБОТКА ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА**

Специальность
07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Нарежный Анатолий Иванович

Ростов-на-Дону – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Национально-государственное устройство как теоретическая проблема отечественного либерализма	49
1.1. Национальный вопрос в интеллектуальной традиции отечественной либеральной мысли последней четверти XIX в.	49
1.2. Теоретическое осмысление проблемы национально-государственного устройства России в новом либерализме конца XIX–начала XX в.	73
2. Вопросы национально-государственного устройства в либеральных протопартийных организациях: формирование политического курса	103
2.1. Национально-государственная проблематика на страницах либерального журнала «Освобождение»	103
2.2. Национально-государственное устройство России в программных и тактических установках либеральных протопартийных организаций	135
3. Национально-государственный компонент политического курса нового либерализма в условиях Первой русской революции	164
3.1. Дискуссии о национально-государственном устройстве России в отечественном либерализме в первый год революции	166
3.2. Основные положения политической программы конституционно-демократической партии по национально-государственному устройству России	190
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	215
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Для государств с полиэтническим составом населения проблемы организации эффективной системы взаимодействия центральных властей и местных сообществ сохраняют свою актуальность на протяжении всего периода их существования. В мировой практике выработаны различные варианты обеспечения устойчивости и развития подобных гетерогенных государственных образований. Опыт Российской империи демонстрирует один из таких вариантов. Неоднородность входящих в ее состав территорий, проявлявшаяся в этноконфессиональном многообразии населения, а также в уровне их экономического и культурного развития, являлась неотъемлемой характеристикой государства. Как правило, наибольшую актуальность проблемы, сопряженные с необходимостью модификации национально-государственного устройства, приобретали в переходные периоды развития страны. Кардинальные изменения в политической системе, происходившие в России начала XX в., актуализировали пересмотр принципов, составлявших основу взаимодействия государственной власти и местных этнических сообществ. В этот критический момент различными общественно-политическими движениями и организациями в рамках собственных моделей переустройства страны были выработаны политические курсы, направленные на трансформацию принципов национально-государственного устройства Российской империи.

Особый интерес в данном контексте приобретает концепция, разработанная в отечественном новом либерализме конца XIX–начала XX в., формирование и эволюция которого происходили в условиях, во многом отличных от тех, что породили феномен европейской либеральной мысли и либерального движения. Речь идет об особенностях России как континентальной империи, а также специфике российского процесса модернизации.

В XIX в. в Европе получает развитие тенденция к образованию национальных государств и происходит утверждение идеи государств-наций в ка-

честве одного из принципов либерализма. Для русских либералов западные трактовки нации и национального государства нередко требовали дополнительных интерпретаций и адаптации к российским историческим реалиям. Национальная программа была тесно связана с политической, так как реализация либеральной модели конституционного государства с гарантированными правами граждан предполагала значительную трансформацию существовавшего в России механизма взаимодействия центральных властей и местных сообществ. По сути, речь шла о возможности или невозможности сохранить Российскую империю как единое политическое образование. Представителями отечественного нового либерализма в конце XIX–начале XX в. был выработан перспективный политический курс по изменению национально-государственного устройства России, сочетавший в себе западноевропейские теории и практики с российской действительностью.

Наличие в современных многонациональных государствах проблем, связанных с сохранением территориальной целостности и распределением властных полномочий между центром и регионами, определяет общественно-политическую актуальность обращения к идеям и политическим практикам представителей отечественного либерализма начала XX в. в области национально-государственного устройства.

Научная актуальность темы диссертационного исследования обусловлена ее соответствием современным направлениям исторических исследований, связанным с интенсивной разработкой в историографии проблем истории либерализма как отдельного направления отечественной общественно-политической мысли, вопросов становления либерального общественного движения в России, а также характеристикой и оценкой этапов его развития. В то же время процесс выработки концептуальных положений отечественного либерализма по вопросу национально-государственного устройства страны в конце XIX–начале XX в. не выступал предметом отдельного научного исследования. Данная диссертационная работа призвана восполнить этот пробел.

Объект исследования – национально-государственное устройство России в отечественном новом либерализме конца XIX–начала XX в.

Предмет исследования – формирование и эволюция политического курса по национально-государственному устройству России в программных и тактических установках нового либерализма конца XIX–начала XX в.

Степень изученности темы. В историографии проблематика диссертационного исследования длительное время рассматривалась как составная часть проблемного поля российского либерализма конца XIX–начала XX в., привлекая внимание специалистов с первых десятилетий прошлого века до настоящего времени. Значительное количество работ, имеющих в отечественной и зарубежной исторической науке по вопросам формирования национально-государственной составляющей политического курса новых либералов, связаны с общими теоретическими проблемами либерализма как идейного и политического явления, историей развития либерального движения в России в целом.

В первую очередь необходимо отметить наличие комплексных историографических исследований отечественного либерализма, которые содержат подробный анализ научных представлений об этом явлении в динамике. Историографический анализ дореволюционных и советских работ по истории российского либерализма содержится в докторской диссертации и монографии А.Н. Егорова¹. Характеристика состояния современной (постсоветской) историографии по проблеме содержится в статье О.Б. Леонтьевой². В.В. Шелохаевым был проведен анализ советской историографии либераль-

¹ Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010; Егоров А.Н. Очерки историографии российского либерализма конца XIX–первой четверти XX века (дореволюционный и советский периоды). Череповец, 2007.

² Леонтьева О.Б. В чем же истинный либерализм? Российский либерализм рубежа XIX–XX вв. в зеркале отечественной историографии начала XXI в. // Прошлый век. Сб. науч. трудов / редкол.: А.И. Миллер (гл. ред.) и др. М., 2013. С. 187–222.

ного движения накануне и в годы Первой русской революции¹. Обзору зарубежной историографии по истории российского либерализма в советский период была посвящена работа Н.Г. Думовой². На современном этапе этот вопрос рассматривается на примере англо-американской историографии в диссертационном исследовании и монографии Н.В. Макарова³. В указанных исследованиях проблема национально-государственного устройства России не выделяется в качестве самостоятельно направления в истории развития российского либерализма. В то же время в них указан ряд исследований, которые частично ее затрагивают в контексте генезиса ключевых идей и представлений российских либералов о государстве, особенностей процесса партийного строительства в либеральном движении, а также характеристики этапов модернизации Российской империи.

Анализ содержания работ, связанных с темой диссертации в вышеуказанном смысле, позволяет разделить историографию исследования на три группы: дореволюционную и примыкающую к ней эмигрантскую, советскую и современную (постсоветскую).

В дореволюционный период в работах И.П. Белоконского и Б.Б. Веселовского был рассмотрен процесс организационного оформления и становления нового либерализма, выработки его политического курса. И.П. Белоконским представлен обширный материал по большинству эпизодов развития отечественного либерализма конца XIX–начала XX в., приведены программные документы «Союза освобождения», а также резолюции и

¹ Шелохаев В.В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции: сборник статей. М., 1978. С. 236–255.

² Думова Н.Г. История российских буржуазных партий в новейшей англо-американской историографии // История СССР. 1977. № 9. С. 198–217; Думова Н.Г. Российский либерализм в освещении современной англо-американской историографии // История СССР в современной западной немарксистской историографии: критический анализ. М., 1990. С. 100–112.

³ Макаров Н.В. Конституционно-демократическая партия в 1905–1917 гг. в освещении англо-американской историографии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX–начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015.

постановления земских и городских съездов вплоть до времени образования кадетской партии¹. На основе представленного материала автор сделал вывод о принадлежности протопартийных организаций «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов» к общему земскому движению начала XX века; указал, что «правительство, в лице Плеве, добилось в 1903 году объединение земств не только на легальной, но и на нелегальной почве»². Также им была высказана мысль о том, что национально-государственную компоненту политического курса кадетов следует отнести к его отличительным элементам.

В четырехтомном исследовании Б.Б. Веселовского эволюция оппозиционного либерального движения в земской среде представлена более фрагментарно³. В этой связи и национально-государственная проблематика в рамках протопартийных либеральных организаций начала XX в. затронута только при описании общероссийского съезда земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. Автор приводит результаты голосования по вопросу о правах национальностей и децентрализации управления, которые свидетельствуют об отсутствии единой точки зрения в земской среде по данной проблеме. Однако собственная позиция Б.Б. Веселовского по данному вопросу в работе не обозначена⁴.

Развитие отечественного нового либерализма получило отражение в работах представителей социалистического направления общественной мысли. Под редакцией Ю.О. Мартова, П.П. Маслова и А.И. Потресова был опубликован четырехтомный труд «Общественное движение в России в начале XX века»⁵. В нем А. Мартынов дает подробное описание истории формирования конституционно-демократической партии, анализируя роль протопар-

¹ Белокопский И.П. Земское движение. 2-е изд. М., 1914; Белокопский И.П. Земство и конституция. М., 1910.

² Белокопский И.П. Земское движение. 2-е изд. М., 1914. С. 183.

³ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. В 4-х т. СПб., 1909–1911.

⁴ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 3. СПб., 1911. С. 639.

⁵ Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. В 4 т. СПб., 1910–1914.

тийных организаций и их программ в процессе выработки либеральной модели модернизации страны накануне Первой русской революции 1905–1907 гг.¹ По его мнению, «“освобожденцы” и “земцы-конституционалисты” представляли собой две качественно различные струи в возрождавшемся либеральном движении. Это были два различных течения, которые сильно тяготели друг к другу, лишь благодаря условиям предреволюционной эпохи»². Следует отметить, что в целом оценочные характеристики «освобожденцев» и их программы отличаются в данной работе сдержанностью.

В.И. Ленин посвятил значительное количество работ вопросу о расстановке политических сил в России начала XX в. По его определению, в этот период боролись три главных лагеря: «правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса»³. Исходя из данного определения, представители отечественного либерального движения рассматривались как сторонники проправительственного и пробуржуазного лагеря. Из этого тезиса выводилась оценка национально-государственной составляющей их программы. Пункт о сохранении единой и неделимой Российской империи определялся как проявление империалистических устремлений российских либералов. В 1913 г. были опубликованы две статьи, суммировавшие ленинскую критику национальной программы конституционно-демократической партии⁴. Суть ее заключается в выводе об отсутствии как в теории, так и в политической практике отечественных либералов четкого признания прав наций Российской империи. В.И. Ленин придерживался мнe-

¹ Мартынов А. Конституционно-демократическая партия // Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб., 1914. Т. 3. С. 1–82.

² Там же. С. 2.

³ Ленин В.И. Политические партии за 5 лет третьей думы // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 21. С. 172.

⁴ Ленин В.И. Кадеты и «право народов на самоопределение» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 24. С. 208–210; Ленин В.И. Национал-либерализм и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 24. С. 247–249.

ния, согласно которому корни национализма и шовинизма кадетов состояли именно в отсутствии открытого признания права наций на политическое, а не культурное самоопределение. Исходя из классовости методологической основы марксистского подхода, В.И. Ленин стремился подчеркнуть приспособленность кадетской национальной программы «к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации вместо систематической борьбы против этих предрассудков»¹. В 1914 г. была опубликована работа В.И. Ленина «О праве наций на самоопределение», в которой сформулированы представления самого автора о принципе самоопределения наций: «Под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»². Именно эти концептуальные положения В.И. Ленина по национально-государственной проблематике выступили в качестве теоретического основания для советской историографии.

К дореволюционным работам примыкают исследования ученых русского зарубежья, которые также внесли вклад в изучение политического курса отечественного нового либерализма, в т.ч. его национально-государственной составляющей. Основное внимание эмигрантских историков было сосредоточено на анализе революционных потрясений в России, поиске причин крушения империи и поражения либерализма как идейно-политического течения. В концентрированном виде противоположность в оценках требований партии и ее политического курса, в т.ч. по национально-государственной проблематике, демонстрирует полемика П.Н. Милюкова и

¹ Ленин В.И. Национал-либерализм и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 24. С. 249.

² Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 25. С. 259.

В.А. Маклакова, развернувшаяся на страницах «Современных записок» в 20–30-е гг. XX в.¹

В более развернутом варианте оценка национальной составляющей партийной программы и политической практики кадетов приведена П.Н. Милюковым в работе «Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России)»². В ней автор дал оценку достижениям национальных движений предыдущих лет, проанализировал основные принципы решения национального вопроса, заложенные в кадетскую программу, сравнил их с принципами национально-государственной политики большевиков. П.Н. Милюков приходит к выводу о перспективности для многонациональной России при переходе к конституционному строю кадетского варианта решения национально-государственных проблем, замечая, что: «если бы первой революции 1905–1906 гг. удалось создать русскую свободу, то отношения национальностей в освобожденной России, вероятно, были бы построены на началах автономии, национальной и территориальной»³.

Среди работ, написанных в эмиграции, следует также отметить исследование В.В. Леонтовича «История либерализма в России (1762–1914)»⁴, оказавшее существенное влияние на постсоветскую историографию на начальном этапе ее развития. Автор предложил точку зрения, согласно которой либерализмом в подлинном смысле может быть только консервативный либерализм, основанный на отстаивании гражданской свободы личности. Основное внимание автор уделяет либеральной модернизации самодержавия в Рос-

¹ Маклаков В.А. Из прошлого // Современные записки. 1929. № 38. С. 276–314; Маклаков В.А. Из прошлого // Современные записки. 1930. № 41. С. 232–275; Милюков П.Н. Суд над кадетским «либерализмом» // Современные записки. 1930. № 41. С. 347–371; Милюков П.Н. Либерализм, радикализм и революция // Современные записки. 1935. № 57. С. 285–315; Карпович М.М. Два типа русского либерализма Маклаков и Милюков // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 387–407.

² Милюков П.Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1929.

³ Милюков П.Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1929. С. 173.

⁴ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995.

сии, а в качестве либералов рассматривает только тех, кто поддерживает государственную власть. Осуждая солидаризацию освободительного движения с революционерами, автор оценивает положение либералов о возможности предоставления автономии окраинам империи как поддержку политической смуты и национальных сепаратистских настроений¹.

Таким образом, в дореволюционной и эмигрантской историографии шел активный процесс наработки фактологического материала об идейном и организационном оформлении нового либерализма в России в конце XIX–начале XX в. Значимым представляется вклад данных авторов в осмысление причин эволюции российского либерализма в указанный период, в изучение истории разработки партийно-политической программы новых либералов, составной частью которой выступала и национально-государственная проблематика. Исследование проблемы происходило в непосредственной временной близости от описываемых событий в условиях нарастающего политического противостояния. Оценки, данные либеральной концепции национально-государственного устройства политическими оппонентами, в целом носят нейтральный или негативный характер. Этот факт так же можно объяснить развернувшейся борьбой за власть и избирателей в думский период 1906–1917 гг. В либеральной историографии концепция национально-государственного устройства рассматривалась как оригинальная составляющая кадетской политической программы. Социалисты, в лице В.И. Ленина, обвиняли либералов в отстаивании самодержавных интересов.

Дореволюционные и эмигрантские работы оказали существенное влияние на развитие историографии нового либерализма, поскольку не только ввели в научный оборот фактологический материал, но и определили основные направления последующих исследований. Однако в советский период стремление к разностороннему анализу российского либерализма, его политического курса и тактики было прервано.

¹ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 366–367.

В работах советского периода, имевших в качестве теоретико-методологической основы марксистско-ленинскую концепцию с основополагающим тезисом о классовой борьбе, либерализм оценивался как явление враждебное. В 1920-е–первой половине 1950-х гг. отсутствуют значительные работы по истории либерализма. Первым обратился к этой проблеме М.Н. Покровский, рассмотревший либерализм в контексте истории революционного движения в России XIX–XX вв.¹ Допартийный период развития либерализма был фрагментарно описан в ряде работ по истории Первой русской революции и Государственной думы и подвергся в них достаточно поверхностному анализу². Пристально внимание исследователи уделяли классовой принадлежности представителей либерализма, доказывая его буржуазный характер.

С середины 60-х годов XX в. история отечественного либерализма стала изучаться более интенсивно. В поле зрения исследователей попали земско-либеральное движение конца XIX–начала XX в., законотворческая деятельность либеральных партий в Государственных думах, участие либералов во Временном правительстве. С середины 1970-х гг. развернулась дискуссия о единстве и социальном составе либерального движения конца XIX–начала XX в. Е.Д. Черменский, ведущий специалист в области истории отечественного парламентаризма начала XX в., придерживался точки зрения о единстве либерального лагеря, отрицая присутствие новых тенденций в развитии либерализма в этот период³. Его позицию разделял В.Я. Лаверычев, который писал, что «различия между “земцами” и лицами так называемых свободных профессий все же не следует преувеличивать. В конечном итоге они являлись

¹ Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М., 1924.

² Сеф С.Е. Буржуазия в 1905 году. По неизданным архивным материалам. М.; Л., 1926; Слепков А.Н. Классовые противоречия в 1-й Государственной думе. Пг., 1923.

³ Черменский Е.Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. 1965. № 5. С. 41–60; Черменский Е.Д. О социальном облике «освобожденчества» (1902–1905 гг.) // История СССР. 1977. № 6. С. 229–231.

составными частями единого буржуазно-либерального лагеря»¹. Иной точки зрения придерживались К.Ф. Шацилло², Н.М. Пирумова³, В.Д. Карпов⁴. Эти исследователи сходились во мнении, что в начале XX в. в России начинает формироваться новый тип либерализма, отличный по социальному составу, идеологическим основам и политическим убеждениям от земского либерального движения. Базой для «нового либерализма» (термин в научный оборот был введен К.Ф. Шацилло) стали программа и тактика «Союза освобождения», в рамках деятельности которого были заложены основы для разработки в дальнейшем политической программы партии кадетов, в т.ч. по проблемам национально-государственного устройства России. Данная точка зрения была принята большинством исследователей в постсоветской период.

Тематическое разнообразие исследований, однако, не предполагало плюрализма методологических подходов. Русский либерализм, исходя из концепции В.И. Ленина, по-прежнему рассматривался как контрреволюционное направление, «пособник абсолютизма», в силу чего не могло последовать сколько-нибудь объективной оценки его политического курса.

Описание либерального варианта национально-государственного устройства страны нашла отражение в этот период в работах по истории непролетарских партий России. В частности, в одном из обобщающих исследований по данной тематике упоминается, что на конференции оппозиционных и

¹ Лаверычев В.Я. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX–начале XX века // История СССР. 1976. № 3. С. 64.

² Шацилло К.Ф. Новое о «Союзе освобождения» // История СССР. 1975. № 4. С. 132–145; Шацилло К.Ф. О составе русского либерализма накануне революции 1902–1905 годов // История СССР. 1980. № 1. С. 62–74; Шацилло К.Ф. О предыстории «Союза освобождения» Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 330–334; Шацилло К.Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901–1914 гг.) // Исторические записки. 1976. Т. 97. С. 50–98; Шацилло К.Ф. Тактика и организация земского либерализма накануне Первой русской революции // Исторические записки. 1978. Т. 101. С. 217–270; Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985.

³ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.

⁴ Карпов В.Д. Журнал «Освобождение» и некоторые вопросы формирования контрреволюционной либеральной идеологии в России накануне революции 1905–1907 гг. // Молодые обществоведы Москвы Ленинскому юбилею. Материалы конференции. М., 1982. С. 69–72.

революционных партий в Париже в сентябре–октябре 1904 г. с участием либералов была выработана платформа с включением в нее «права национального самоопределения, гарантированного законами свободы национального развития для всех народностей, устранения насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям»¹. Авторы отметили, что эти решения легли в основу будущей программы кадетской партии, оставив без анализа ее конкретные пункты².

Решения Парижского совещания 1904 г., резолюции съездов земских и городских деятелей, а также съездов либеральных протопартийных организаций были детально разобраны в трудах К.Ф. Шацилло. В противовес всей предшествовавшей историографии автор пришел к выводу, что «Парижская конференция – событие, не имеющее аналогов в истории общественного движения и общественной мысли России»³. В работах К.Ф. Шацилло Парижская конференция оценивается как попытка новых либералов сблизиться с революционными партиями, в связи с чем возникшие в ходе встречи дискуссии о национальной политике российских властей и национальном вопросе в целом освещены автором фрагментарно.

В 1976 г. была опубликована монография В.С. Гусаковой и Т.Ю. Бурмистровой «Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России 1905–1917», в которой была предпринята попытка на основе проблемно-хронологического принципа построения материала, фронтально проанализировать национальную составляющую программ всех политических партий в дооктябрьский период. В данном контексте получила оценку и программа партии кадетов, а также ее эволюция в предпарламентский период. Не проводя подробный разбор программных документов либе-

¹ Непролетарские партии России: Урок истории / под общ. ред. И.И. Минца. М., 1984. С. 38.

² Там же. С. 85–86.

³ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 238–252; Шацилло К.Ф. Из истории освободительного движения в России в начале XX века (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре–октябре 1904 года) // История СССР. 1982. № 4. С. 51–70.

ральных протопартийных организаций и либеральных конституционных проектов, авторы заключают, что «русские кадеты, как представители господствующей нации, мечтали о ликвидации всех национальных различий в России на почве полной русификации. ... Их программа не предусматривала ни свержения царизма, ни права наций на политическое отделение»¹. Пункты программы, предусматривавшие автономный статус Царства Польского и Великого княжества Финляндского, характеризовались как заигрывание с восставшими массами в ходе развития событий Первой русской революции в 1905 г. В исследовании дана общая отрицательная оценка национальной составляющей программы и тактики кадетов ввиду их классовой близости к крупной буржуазии².

В 1980-е гг. в изучении истории российского либерализма начала XX в. в целом, и национально-государственной составляющей его политической программы в частности, происходят существенные изменения, связанные с исследовательской деятельностью В.В. Шелохаева. Прделанная им работа по выявлению основных этапов создания конституционно-демократической партии, принципов формирования ее программы, выработке политического курса, анализу национального и социального состава кадетов, распространению местных отделений протопартийных и партийных структур обозначила новые подходы к изучению места и роли национально-государственной составляющей в программе нового либерализма в России конца XIX–начала XX в. Исследователем были введены в научный оборот колоссальный объем архивных материалов³.

На рубеже 80-х–90-х гг. XX в. под влиянием происходивших в стране политических изменений отношение к либерализму как научной проблеме

¹ Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России 1905–1917. М., 1976. С. 31.

² Там же. С. 35.

³ Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; Шелохаев В.В. Численность и состав кадетской партии // Политические партии в России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 115–130.

стало пересматриваться. Происходит отход от марксистско-ленинской методологии. А.Н. Егоров отмечает, что «процесс обновления исторической науки стал развиваться в двух направлениях: 1) освоение новой проблематики, прежде недоступной для исследования; 2) переосмысление сделанного ранее»¹.

Таким образом, в советский период отечественный либерализм как идейно-политическое течение и национально-государственная составляющая его программы в силу идеологических и политических причин не вызывал пристального внимания исследователей. На начальном этапе оформления советской историографии можно отметить снижение исследовательского интереса к истории как либерализма в целом, так и к составным элементам его политической программы. Только с середины 1960-х гг. ситуация постепенно начинает изменяться. В научный оборот вводится широкий корпус источников, оформляется концепция о существовании двух течений в отечественном либерализме начала XX в. Однако примат марксистской теоретико-методологической основы привел к господству одностороннего подхода в научном осмыслении данной проблемы.

К 1990-м гг. относится начало становления постсоветской историографии, характеризующейся методологическим плюрализмом и тематическим разнообразием в исследованиях либерализма в России начала XX в. В обстоятельных работах В.В. Шелохаева², Д.В. Аронова³, А.Н. Медушевского⁴,

¹ Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 30.

² Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16; Шелохаев В.В. Либеральная модель общественного переустройства России: поиски путей модернизации // Либеральная модель общественного переустройства России на рубеже XIX–XX вв.: / Сост.: Н.В. Иллерицкая, А.П. Логунов. М., 1994. С. 28–49; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.

³ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005; Аронов Д.В. Права человека в теории и политико-правовой практике российского либерализма в конце XIX–начале XX в. М., 2007.

⁴ Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23; Медушевский А.Н. Конституционная

А.И. Нарезного¹, А.А. Кара-Мурзы², В.Ф. Пустарнакова³, С.С. Секиринского⁴ и других исследователей анализируются проблемы, которые не получили освещение в советских исследованиях: периодизация развития либерального движения в России, конституционализм как составная часть либерализма, влияние исторической повседневности на формирование взглядов отечественных либералов и другие. Этими исследователями были заложены концептуальные основы изучения российского либерализма в постсоветский период.

Еще одной отличительной чертой исследований 1990-х гг. является презентация результатов исследований преимущественно в формате статей и тезисов докладов на конференциях. В этот период различными государственными и негосударственными научными и образовательными учреждениями проводится значительное число международных и всероссийских конференций по истории либерализма в России⁵. Это свидетельствует о вос-

монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 30–46; Медушевский А.Н. Политические теории российского конституционализма XX века // Российская история. 2010. № 1. С. 45–64; Медушевский А.Н. Диалог со временем. Русские конституционалисты конца XIX–начала XX века. М., 2010; Медушевский А.Н. Ф.Ф. Кокошин и русский конституционализм // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2. С. 179–184; Медушевский А.Н. Либерализм как проблема современной западной историографии // Вопросы истории. 1992. № 8. С. 167–178; Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 1996. С. 173–196.

¹ Нарезный А.И. Проблемы конституционализма в русской консервативно-либеральной мысли второй половины XIX в. Ростов н/Д, 1999; Нарезный А.И. Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX в. Ростов н/Д, 2014; Нарезный А.И. Чичерин Б.Н. // Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М., 2010. С. 5–34.

² Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006; Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. М., 2009. Вып. 2; Кара-Мурза А.А. Российский либерализм: проблемы генезиса, эволюции и типологизации // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 420–429.

³ Либерализм в России / под ред. В.Ф. Пустарнакова. М., 1996.

⁴ Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX–начало XX в.). М., 1995.

⁵ Национальная политика России: история и современность. М., 1997; Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1992; История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М., 1997; Опыт русского либерализма. Ан-

требованности и актуальности данной проблематики в исторической науке, а также стремлении исследователей к совместному ее обсуждению.

Основные пункты либеральной программы по национальному вопросу проанализированы в работах В.В. Шелохаева постсоветского периода. В них показаны расхождения между кадетами, с одной стороны, и октябристами (а также прогрессистами), с другой¹. Исследователь отмечает, что концепция гражданского равноправия стала составной частью кадетской программы. Характеризуя позицию либералов по национальному вопросу, автор указывает, что «будучи по своему мирозерцанию унитаристами, кадеты, прогрессисты и октябристы не признавали право наций на политическое отделение от Российской империи, выступали против федеративного устройства государства. По их мнению, предоставление личности гражданских и политических прав, распространение местного самоуправления на всю территорию России является вполне достаточным для защиты прав национальных меньшинств»². В целом, научные труды В.В. Шелохаева дают целостное представление о предложениях по решению национального вопроса в рамках либеральной модели общественного устройства с момента создания кадетской партии до октября 1917 г., особенно в рамках думской деятельности кадетской фракции.

тология. М., 1997; Европейский либерализм в новое время. Теория и практика / отв. ред. С.П. Пожарская. М., 1995; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999.

¹ Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45–59, № 3. С. 100–115; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

² Шелохаев В.В. Либеральная модель преобразования России начала XX века // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2001. С. 34–35; Шелохаев В.В. Имперская и монархическая составляющие либеральной идеологии (к постановке проблемы) // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел, 2014. С. 6–11; Шелохаев В.В. Общественная мысль России как историографическая и теоретико-методологическая проблема // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 22–49.

Комплексный научный анализ вопросов законотворческой деятельности представителей отечественного либерального движения осуществлен в работах Д.В. Аронова¹. Автор на основе глубокого теоретического осмысления интеллектуального наследия российского либерализма второй половины XIX–начала XX в., программатики политических партий либеральной направленности, а также их думской деятельности приходит к выводу о том, что «концепция комплексного преобразования общества находящегося на кризисном этапе развития посредством правовой реформы, представляет собой не только этап в политической и интеллектуальной истории страны, но и теоретически обоснованный и проработанный способ выхода из кризиса ценной минимального социального напряжения»². Вопрос о сочетании имперского концепта с либеральной идеологией в России начала XX в. рассматривается Д.В. Ароновым на основе либеральных проектов Основного закона, разработанных в предпарламентский период. Данный подход позволил автору прийти к обоснованному заключению «о наличии в либеральной идеологии имперского концепта нового типа, освобождающего старую форму от личностно монархической составляющей и наполняющей ее новым содержанием, отражающим либеральное видение модели реформирования страны в формате новой либеральной империи»³.

В статьях Н.Г. Карнишиной рассмотрены теоретические основания российского либерализма по национально-государственной проблематике в конце XIX–начале XX в. Исследователь приходит к выводу, что «предметом исследования представителей либерального направления являлось, в первую

¹ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.). М., 2005; Аронов Д.В., Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). Орел, 2004; Аронов Д.В. Права человека в теории и политико-правовой практике российского либерализма в конце XIX–начале XX в. М., 2007.

² Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.). М., 2005. С. 411.

³ Аронов Д.В. Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Сборник материалов всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел, 2014. С. 129–130.

очередь, определение государственно-правового статуса присоединенных территорий и возможность его изменения»¹. В работах В.Н. Кудряшева представлена реконструкция взглядов представителей либеральной общественной мысли второй половины XIX в. по национальному вопросу. Автор делает вывод «об общем для всех либералов представлении о сохранении национальности как важнейшего личностного идентификатора и, одновременно, одного из видов солидарности»².

Среди публикаций, которые охватывают протопартийную историю русского либерализма и момент его перехода в партийную эпоху, следует выделить статью А.Ю. Бахтуриной «П.Н. Милюков и польский вопрос». Автор показывает на примере вопроса о польской автономии расхождение взглядов П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова, что привело к последующему разрыву между кадетами и октябристами³. Схожей проблематике был посвящен доклад А.В. Щербины в рамках конференции «Либеральный консерватизм:

¹ Карнишина Н.Г. Национальный вопрос в теории российского либерализма конца XIX–начала XX в. // Сергей Андреевич Муромцев – председатель первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог. Сборник научных статей. Орел, 2010. С. 128–138; Карнишина Н.Г. Национальные окраины Российской империи в модели монархического государства конца XIX–начала XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел, 2014. С. 308–317; Карнишина Н.Г. Проблемы государственного устройства и решения национального вопроса в России в либеральных проектах русских государствоведов второй половины XIX–начала XX в. // Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции. Сборник научных статей. Орел, 2013. С. 271–278; Карнишина Н.Г. Трактовка федерализма и автономии в трудах русских конституционалистов в конце XIX–начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 78–81.

² Кудряшев В.Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013. С. 26; Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 58–66; Кудряшев В.Н. Проблема генезиса наций в либеральной общественной мысли России XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 64–68; Кудряшев В.Н. Проблема формирования национальных государств в интерпретации российских либералов второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 62–68.

³ Бахтурина А.Ю. П.Н. Милюков и польский вопрос // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 335.

история и современность»¹. Исследователь приходит к выводу, что имперское сознание проявлялось в либеральной программе русского либерализма именно через выработанный в его среде вариант решения национального вопроса. Проблема взаимодействия украинского национального движения и российских либералов освящена в статье В.С. Горякиной². Взаимосвязи либеральной политической программы, в частности, конституционных проектов с двухпалатным парламентом и широким местным самоуправлением, и программы национальной, посвящены статьи В.В. Востриковой³.

Определенный вклад в развитие современной отечественной историографии вносят диссертационные исследования, посвященные отдельным вопросам программы либеральных политических партий, в том числе и разработке национально-государственной проблематики⁴. Как правило, исследова-

¹ Щербина А.В. Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 227–228.

² Горякина В.С. Партия кадетов и национальный вопрос в период буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1992. С. 137–145.

³ Вострикова В.В. Концепция представительной власти в трудах представителей нового российского либерализма (конце XIX–начало XX века) // Управление общественными и экономическими системами. 2008. № 2. URL: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2008/2/vostrikova.pdf> (дата обращения: 01.06.2019); Вострикова В.В. Формирование государственно-правовых взглядов российских либералов рубежа XIX–XX вв. // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции. М., 2007. С. 260–265; Вострикова В.В. Представление идеологов либерализма в начале XX века о государстве // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 15–28; Вострикова В.В. Теория заимствования в интерпретации российских либералов начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. II. С. 50–53; Вострикова В.В. Административно-территориальное устройство в теории и программатике российского либерализма начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 51–54.

⁴ Бавкунова Г.Н. Отечественные либеральные партии начала XX века: национальный аспект: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003; Иванников О.В. Политическая борьба в России по национальному вопросу в первой четверти XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Золотовский Ю.Л. Государственное устройство России в программных документах политических партий в начале XX в.: дис. канд. ист. наук. Воронеж, 1998; Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России, конец XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

тели сосредотачиваются на анализе программных установок и их развития, не затрагивая вопросы генезиса концепции.

В конце XX в. началось подробное изучение процесса оформления местных отделений либеральных организаций и их подходов к решению национального вопроса. Подробный анализ распространения либеральной идеологии и формирования отделений конституционно-демократической партии на Северном Кавказе содержится в работах Л.А. Карапетяна¹. Автор показывает деятельность либеральных политических партий в данном регионе во взаимодействии с другими партиями, акцентируя внимание на их взаимовлиянии. Узловые сюжеты истории донских либералов как локального варианта развития либерального движения в России представлены в работах М.В. Братолобовой. Проанализировав количественный состав, социальное происхождение, локализацию, программу донских кадетов, автор приходит к выводу, что либералы Области войска Донского представляли собой уникальное социально-политическое и социокультурное явление². С начала 1990-х гг. появилось несколько публикаций, посвященных национально-либеральным течениям среди мусульманских народов³. С 1996 г. в Казани проводятся комплексные исследования истории татарского либерально-

¹ Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион: (Конец 90-х гг. XIX в.–февр. 1917 г.). Краснодар, 2001; Карапетян Л.А. К вопросу об отношении политических партий и организаций Северного Кавказа к Учредительному собранию в 1917 г. // Клио. 2018. № 12 (144). С. 93–100; Карапетян Л.А. К вопросу о политическом будущем армянского народа в идеологии конституционно-демократической партии России в начале XX в. в контексте международной политики европейских государств // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 14–21.

² Братолобова М.В. Донские либералы: фрагменты исторического бытия. Ростов н/Д, 2010; Братолобова М.В. Взгляды донских либеральных деятелей начала XX в. на проблемы политической реорганизации общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 1 (17). С. 27–34.

³ Исхаков С.М. Мусульманский либерализм в России в начале XX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 391–404; Селаидзе Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной думе России первого-четвертого созывов // Вестник Межпарламентской ассамблеи. 1996. № 2. С. 24–26; Хэфнер Л. «Конституционно-демократическая партия не менее твердо держится принципа единства и неразделимости России»: либерализм и национализм в российской провинции. 1905–1914 гг. // Ab Imperio. 2000. № 3–4. С. 91–126.

демократического движения конца XIX–начала XX в.¹ Большинство исследователей приходит к единому мнению о том, что, несмотря на общую цель общероссийского и национальных либеральных движений по созданию равных возможностей для всестороннего развития народов, населяющих Российскую империю, для региональных либералов национальный вопрос был основополагающим, а для русских он являлся, скорее, тактическим шагом, нежели стратегической целью.

Широкое распространение в современной исторической науке получило направление по исследованию политических биографий, особенностей эволюции идеологических воззрений лидеров российского либерального движения. Подобная тенденция объясняется открытием в конце XX в. их личных архивных фондов. Статьи с жизнеописаниями в сборниках разбиты в соответствии с основными научными и политическими интересами либералов. Среди них присутствуют и разделы, связанные с разработками по национально-государственному устройству таких политических деятелей как П.Н. Милюков, П.Б. Струве, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Муромцев и др.² Ценность подобных исследований заключается в анализе политических воззрений российских либералов в контексте их повседневной жизни. Учитываются прак-

¹ Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004; Фахрутдинов Р.Р. Татарское либерально-демократическое движение в конце XIX–начале XX вв. идеология и политическая программа: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1996; Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1996; Айнутдинова Л.М. Казанские либералы о национально-государственном устройстве России (начало XX в.) // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / науч. ред. А.О. Чубарьян. М., 2007. С. 360–371.

² Российские либералы: Сб. статей / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001; Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX–начала XX вв. М., 2010; Нарезный А.И. П.Н. Милюков об истоках либерализма в России // П.Н. Милюков: историк, политик, диплома. Материалы международной научной конференции. Москва 26-27 мая 1999 г. М., 1999. С. 243–251; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.; Соловьев К.А. Империя после империи: проект Ф.Ф. Кокошкина // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел, 2014. С. 115–122; Шелохаев В.В. Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная история. 2001. № 5. С. 107–120; Шелохаев В.В., Канищева Н.И. Исторические портреты. Петр Дмитриевич Долгоруков // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 68–79.

тически все факторы, оказавшие влияние на разработку моделей общественного развития России отдельными представителями либерального движения.

Значительными представляются энциклопедические издания по истории российского либерализма. Они носят как общий характер, так и более частный (например, по истории политических партий России начала XX в. и российского парламентаризма). В обобщенном виде наработанный исследователями материал по истории либерального течения общественной мысли в России представлен в научно-справочном издании «Российский либерализм середины XVIII–начала XX в. Энциклопедия». Усилиями ведущих специалистов на страницах энциклопедии предстает сложный процесс формирования и развития дореволюционного либерализма. В работе содержится биографическая информация об основных представителях отечественного либерализма, либеральных организациях и партиях, программных документах, значимых событиях и т.п. Отдельно следует отметить концептуальные статьи, посвященные истории таких ключевых понятий, как «либерализм», «национальный вопрос», «автономизм»¹.

История национальной составляющей политического курса российского либерализма конца XIX–начала XX в. является востребованной проблематикой и среди представителей зарубежной исторической науки, для которых приоритетной является проблема сущностного содержания либерализма в России, его принципиальных отличий от европейского варианта. Исследователей, решавших обозначенные вопросы, можно разделить на два направления. Первое из них сформировалось и получило распространение в 1950-е–начале 1960-х гг. Отличительными его особенностями являлись узкая источниковая база (преимущественно опубликованные источники и мемуарная литература) и идеологическая заданность. Конституционно-демократическая партия и ее программа оценивались исключительно положительно, как отражающие интересы всех слоев населения. К этому исследовательскому на-

¹ Российский либерализм середины XVIII–начала XX века. Энциклопедия / под ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2010.

правлению можно отнести работы Р. Пайпса и М. Стокдейл. Протопартийный этап развития либерального движения в России начала XX в. освещен в работе Р. Пайпса «Струве: Биография»¹. Анализируя участие «Союза освобождения» в революционных процессах в России начала XX в., автор определенно преувеличивает роль Союза, а также непосредственно П.Б Струве, в них. Лидеру либерального движения П.Н. Милюкову посвящено исследование М. Стокдэйл. Авторские оценки его деятельности положительные и близки отечественным постсоветским исследованиям².

Второе направление в зарубежной русистике сформировалось в конце 1960-х гг. и его можно определить как ревизионистское. Его представители стремились на широком круге архивных источников проанализировать социальные силы, которые разделяли программу отечественных либералов, а также выделить социально-экономические причины российских революционных потрясений. Для диссертационного исследования интерес представляют исследования Т. Эммонса, который занимался вопросами возникновения конституционно-демократической партии, ее социальным составом, структурой центральных и местных отделений. Автор приходит к выводу о наличии прямой связи между политическим поведением руководителей кадетов с их политическим и социальным мировоззрением, сформировавшимся на ранних этапах их профессиональной деятельности³.

Польский исследователь В. Булат, специализируясь на изучении польского вопроса в программах российских политических партий, посвятил ряд статей польским связям с русскими либералами⁴. Автор отрицает наличие в либеральном движении до 1905 г. организации или определенной програм-

¹ Пайпс Р. Струве: Биография. В 2-х т. Т. 1: Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001.

² Stockdale M.K. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880-1918. Ithaca; N.Y., 1996.

³ Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge; London, 1983. P. 71.

⁴ Bulat W. Zjazd Polsko-Rosyjski w Moskwie 21–22.IV.1905 Roku // Studia z Najnowszych Dziejow Powszechnych. Warszawa, 1962. Т. 2. S. 187–208; Булат В. Польский вопрос в борьбе русских политических лагерей осенью 1905 года // СССР и Польша. Интернациональные связи – история и современность. В 2-х т. М., 1977. Т. 1. С. 255–253.

мы, под которой могли бы подписаться все его группировки, а также утверждает, что к этому времени они не смогли выработать демократической концепции решения национального вопроса. Подробный анализ связей между русским оппозиционным и финским революционным движениями проведен в обстоятельных работах В. Копленда¹.

Анализ историографической ситуации по теме исследования позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Постановка указанной проблемы в дореволюционный период была обусловлена признанием национально-государственной компоненты в качестве значимой составляющей политической программы российских либералов в условиях процесса модернизации страны. В научный оборот был введен достаточно обширный корпус исторических источников. Вместе с тем, временная близость описываемых событий, и нередко, связанная с этим, обусловленность оценочных суждений политической ориентацией авторов, не позволили в полной мере создать объективное научное исследование поставленной в диссертационном исследовании проблемы.

В советской историографии история российского либерального движения как самостоятельная исследовательская проблема была сформулирована только в середине 60-х гг. XX в., когда происходит активизация исследовательского интереса к истории непролетарских партий России. В рамках данного этапа происходит существенное приращение источникового материала, прежде всего за счет введения в научный оборот материалов личных архивов участников либерального движения. Советскими исследователями было предложено и получило признание в историографии выделение сторонников нового либерализма в самостоятельное общественно-политическое направление. Также в этот период были сформулированы основания и показан процесс оформления политического курса новых либералов, не выделяя, при

¹ Copeland W.R. Relations Between the Finnish Resistance Movement and the Russian Liberals, 1899–1904 // *Essays on Russian Liberalism* / ed. by Ch.E. Timberlake. Columbia, 1972. Pp. 90–118; Copeland W.R. *The uneasy alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904.* Helsinki, 1973.

этом, значимости вопросов национально-государственного устройства. В то же время большинство исследователей по-прежнему определяли их как сторонников проправительственного враждебного большевикам лагеря.

В постсоветский период происходит количественное и содержательное приращение исследований по истории либерализма в России. Их тематика и используемая исследователями методология отличаются разнообразием и плюрализмом, что находит отражение в концептуальных обобщающих публикациях теоретического свойства. В этот период проводится значительное количество международных и всероссийских конференций, посвященных различным проблемам отечественного либерализма, реализуется уникальный проект по подготовке и публикации энциклопедических изданий по истории либерализма в России. Получают широкую известность и научное признание работы В.В. Шелохаева и представителей его научной школы. Внимание исследователей привлекают и вопросы национально-государственной составляющей программы конституционно-демократической партии в думский период.

Однако, несмотря на значительные достижения российской и зарубежной исторической науки, проблема генезиса и эволюции политического курса новых либералов по национально-государственному вопросу на протопартийном этапе предметом отдельного исследования не становилась.

Цель диссертации заключается в комплексной характеристике процесса выработки политического курса по национально-государственному устройству России в отечественном новом либерализме конца XIX–начала XX в.

Задачи исследования:

– выявить теоретические основы осмысления вопроса о национально-государственном устройстве России в интеллектуальной традиции отечественной либеральной мысли последней четверти XIX в.;

– охарактеризовать идейно-теоретические подходы представителей нового либерализма начала XX в. по национально-государственной проблематике;

– выявить структурно-логические взаимосвязи между представителями старого и нового либерализма в теоретическом понимании вопросов национально-государственного устройства России;

– раскрыть роль и место журнала «Освобождение» в выработке новыми либералами политического курса по национально-государственной проблематике в начале XX в.;

– охарактеризовать развитие либерального политического курса по национально-государственному устройству в 1903–1904 гг. в процессе формирования либеральных протопартийных организаций и их политических программ;

– раскрыть эволюцию политического курса новых либералов по национально-государственному устройству России в 1905 г. в условиях Первой русской революции;

– определить место и роль дискуссий по национально-государственной проблематике в процессе создания конституционно-демократической партии и утверждения ее программы на I и II партийных съездах.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины 1890-х гг. до утверждения программы конституционно-демократической партии на II съезде 5–11 января 1906 г. На этот период приходится сложный процесс выработки основных положений нового либерализма по проблемам национально-государственного устройства России. Выбор нижней хронологической границы обусловлен генезисом и развитием в России нового типа либерализма, который по форме и содержанию соответствовал западноевропейской модели либерального движения¹. Выбор верхней границы исследования обусловлен переходом отечественного либераль-

¹ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 12.

ного движения на качественно новый этап развития, когда выработанный в рамках предпарламентского периода политический курс по национально-государственному устройству стал частью думского этапа либерального законотворчества. Отступления от хронологических рамок в границах последней четверти XIX в. были обусловлены необходимостью уточнения обстоятельств возникновения в России нового либерализма и степени его преемственности в решении вопроса о национально-государственном устройстве с либеральной интеллектуальной традицией последней четверти XIX в.

Географические границы диссертации охватывают всю территорию Российской империи. Вместе с тем, основное внимание в работе уделено столичным городам – Москве и Санкт-Петербургу, в которых действовали представители либеральной интеллектуальной элиты, занимавшиеся теоретической разработкой концепции национально-государственного устройства России, а также проходили съезды либеральных протопартийных организаций и съезды земских и городских деятелей. В этих же городах размещались и функционировали центральные учреждения конституционно-демократической партии. Описанные выше географические границы диссертационного исследования расширяются за счет включения заграничных городов, в которых издавался журнал «Освобождение» и проходили нелегальные встречи его сторонников (Штутгарт, Шафхаузен, Париж).

Понятийный аппарат исследования. Для исследования проблемы национально-государственного устройства России в отечественном новом либерализме конца XIX–начала XX в. ключевыми являются следующие понятия: национально-государственное устройство, общественная мысль, новый либерализм.

Под национально-государственным устройством мы понимаем форму общественных отношений, государственности полиэтнического сообщества, отражающую взаимосвязь территориальной организации государственной власти и этнической структуры общества. Национально-государственное устройство, как дефиниция, является частью такого более широкого понятия

как национальный вопрос, под которым понимается совокупность проблем, связанных с удовлетворением этнических интересов и потребностей индивидов, групп и общностей¹. Национально-государственное устройство в контексте поставленной проблемы исследования выступает, с одной стороны, объектом теоретического осмысления представителями российского либерализма как направления общественной мысли, и, с другой – как часть целостного политического курса по переустройству страны, выработанного участниками отечественного нового либерализма конца XIX–начала XX в.

Понятие «общественная мысль» используется нами в определении, предложенном В.В. Шелохаевым в 2010 г., а именно: «являясь синтетическим понятием, общественная мысль представляет собой систему разноуровневых и разновекторных концептуальных, теоретических представлений мировидческого, мировоззренческого и мироощущенческого характера о Бытии и Человеке, Личности, Государстве и Обществе в их сопряжении и контексте исторического времени»².

В конце XIX в. развитие отечественного либерализма было отмечено формированием в рамках земского либерализма течения, которое получило в историографии название «новый либерализм»³, отличительной чертой которого выступала готовность как к идейной борьбе, так и к активным действиям в качестве самостоятельной политической силы. Под понятием «новый либерализм» подразумевается качественно новый тип либерализма, который по всем основным параметрам и стандартам соответствовал современной западноевропейской модели либерализма. В.В. Шелохаев, чью точку зрения мы разделяем, определил в качестве социального носителя нового типа либерализма «интеллигентов-интеллектуалов, обладавших высокими стандартами

¹ Национальный вопрос // Российский либерализм середины XVIII–начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 618.

² Шелохаев В.В. Общественная мысль России как историографическая и теоретико-методологическая проблема // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2010 г. М., 2011. С. 35.

³ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985.

европейского образования, усвоивших идеи новейшей западной философской, социологической и правовой мысли, способных не только выступать в роли реципиентов, но, что главное, генерировать собственные адекватные эпохе идеи и создавать на их основе теоретические модели общественного переустройства России с учетом ее социокультурного и исторического контекста»¹. К характерным чертам нового либерализма, принципиально отличающимися его от интеллектуального либерализма второй половины XIX в., следует отнести: в идеологическом плане приращение к классическим либеральным составляющим требований социального характера; в социальном составе изменения происходят за счет включения демократически настроенной интеллигенции; тактика нового либерализма предполагала признание политической революции как формы борьбы и отход от идеи перспективности сотрудничества с существующей властью.

Источниковую базу диссертационной работы составили архивные и опубликованные нормативные акты; программные, уставные документы, материалы делопроизводства политических организаций и партий; публицистика; периодическая печать; источники личного происхождения.

Совокупность использованных в работе нормативных источников включает в себя законодательные акты и постановления государственной власти, определявшие положение отдельных окраин империи, а также органов периодической печати и общественных организаций в изучаемый период², а также материалы либерального законотворчества предпарламентского периода (проекты Основного государственного закона, разработанные представителями нового либерализма)³. Детальный анализ нормативных источни-

¹ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 11.

² Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел (18 февраля 1905 г.) // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 22–23; Полное собрание законов Российской империи. Собрания II–III. СПб., 1830–1916.

³ Проект основного закона Российской империи: Выработан Комис. бюро общеземских съездов / изд. ред. «Освобождения». Париж, 1905; Основной государственный закон Российской империи: Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Париж, 1905.

ков позволил восстановить правовые условия и исторический контекст возникновения и эволюции организационных структур нового либерализма, а также трансформацию подходов отечественных либералов к решению вопроса национально-государственного устройства России.

Ко второй группе базовых и наиболее важных для исследования исторических источников следует отнести программные, уставные документы и материалы делопроизводства либеральных протопартийных и партийных организаций, а именно «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов», конституционно-демократической партии. Изучение данной группы источников позволяет проанализировать промежуточные и итоговые варианты решения вопроса о национально-государственном устройстве России в новом либерализме начала XX в. Представляя собой зафиксированный результат продолжительных дискуссий по данной проблеме, программные документы могут рассматриваться в качестве структурированного варианта модели переустройства государства. В них отражены наиболее принципиальные вопросы, решение которых представлялось новым либералам неотъемлемым условием перехода России к конституционному строю.

Процесс выработки политического курса по национально-государственному устройству России новыми либералами можно проследить по материалам делопроизводства их организационных структур. В изучении протопартийного этапа важнейшим источником являются материалы съездов и совещаний земских и городских деятелей, «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов». Часть данных документов была опубликована непосредственно в период их создания (до 1905 г. преимущественно за границей на страницах журнала «Освобождение» или в виде отдельных брошюр). Неопубликованные итоговые документы и материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), были введены в научный оборот в начале 2000-х гг. коллективом ведущих отечественных ученых в рамках проекта «Политические партии России. Конец XIX–

первая треть XX века. Документальное наследие»¹. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии, материалы ее съездов и конференций также были опубликованы в рамках данного проекта и представляют значительную ценность для диссертационного исследования². Они позволяют определить спектр мнений по национально-государственной проблематике, существовавший среди сторонников конституционно-демократической партии на начальном этапе ее оформления, проследить преемственность в базовых подходах к решению вопроса о будущем национально-государственном устройстве России между протопартийным и партийным этапами, а также охарактеризовать механизмы выработки согласованного решения, которое в итоге стало неотъемлемой частью политического курса кадетов. Однако существенная часть материалов делопроизводства кадетской партии (переписка с местными отделениями, отчеты о подготовке к съездам, списки членов, агитационные материалы, листовки, сведения о местных организациях и т.д.) представлена неопубликованными документами и хранится в ГАРФ в фонде «Партии народной свободы (кадеты)» (Ф. 523). Наиболее существенными для исследования представляются подготовительные материалы к первым двум съездам партии, т.к. по ним можно проследить эволюцию программных установок протопартийных организаций в партийную программу, а также переписка с местными отделениями партии, позволяющая выявить ключевые противоречия между требованиями и ожиданиями представителей окраин империи и национально-государственной составляющей партийной программы кадетов.

Для темы исследования весьма репрезентативными являются материалы редакции журнала «Освобождение» – основного оппозиционного печатного органа либерального движения начала XX в., хранящиеся в РГАСПИ в

¹ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001.

² Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. М., 1994; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997.

личном фонде П.Б. Струве (Ф. 279). В фонде широко представлены материалы, не только финансового и организационного характера, но и переписка П.Б. Струве с авторами издания, рукописи статей, публиковавшихся в журнале, в том числе с пометками редактора. Данный материал позволяет показать не только процесс формирования основной концепции и направленности журнала, но и выявить связи, установленные новыми либералами с окраинными национальными движениями через журнал. В фонде содержатся подготовительные материалы и проекты программных документов либеральных протопартийных организаций и встреч представителей нового либерализма с политическими активистами окраин империи. В частности, в фонде сохранились оригиналы протокола и декларации Парижской конференции оппозиционных групп и партий 1904 г., а также печатная копия апрельского русско-польского съезда 1905 г.

В работе также использованы неопубликованные материалы делопроизводства Совета министров и Министерства внутренних дел. Архивный фонд Департамента полиции (Ф. 102, ГАРФ) позволяет дополнить сведения о проводимых нелегальных встречах и собраниях (например, земских съездах), их участниках, звучавших на этих собраниях речах и т.п. Зачастую в фонде Департамента полиции можно обнаружить печатные документы, раздававшиеся участникам земских съездов. В меньшей степени в материалах полиции содержатся сведения о внутренней организации и ходе разработки программных документов представителями либерального движения. Объясняется это тем, что среди последних не было агентов Охранного отделения Департамента полиции. В Российском государственном историческом архиве в фонде Совета министров (Ф. 1276) сохранились записки от политически активных национальных сообществ окраин, содержавшие конкретные предложения по усовершенствованию государственного устройства как страны в целом, так и отдельных ее территорий. Их анализ в сравнении с разработанными в период Первой русской революции программами модернизации административно-территориального устройства страны общероссийскими зем-

скими и городскими съездами позволяет выявить общее и отличное в восприятии перспектив функционирования России как целостного государственного образования.

Значительную ценность для диссертационного исследования представляют произведения лидеров и теоретиков отечественного либерального движения. Для понимания теоретических основ концепции национально-государственного устройства России, ее генезиса и трансформации были изучены историко-правовые, философские, исторические труды либералов последней четверти XIX–начала XX в., таких как Б.Н. Чичерина¹, К.Д. Кавелина², А.Д. Градовского³, П.Н. Милюкова⁴, П.Б. Струве⁵, Ф.Ф. Кокошкина⁶, В.М. Гессена⁷.

Многочисленную группу источников составляют статьи в периодической печати конца XIX–начала XX в. Приоритетное значение для исследования имеют материалы либерально-ориентированной периодики. Для протопартийного этапа ключевое значение имеет нелегальный заграничный журнал «Освобождение», выходивший под редакцией П.Б. Струве в Штутгарте и Париже с 1902 по 1905 г. Именно на его страницах представители либерального движения имели возможность публиковать свои статьи без оглядки на царскую цензуру. Среди внутрироссийских газет следует отметить юридическую газету «Право», в которой были представлены подробные протоколы земских съездов, а также «Русские ведомости», на страницах которой был опубликован проект конституции С.А. Муромцева и развернулась полемика

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Т. 1–3. М., 1894–1898; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866.

² Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1–4. СПб., 1897–1900.

³ Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе / предисл. А.С. Сенина. М., 2009; Градовский А.Д. Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 1–9. СПб., 1899–1904.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Часть третья. Национализм и общественное мнение. Выпуск второй. СПб., 1903; Miliukov P. Russia and its Crisis. N.Y., 2005.

⁵ Струве П.Б. На разные темы (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902.

⁶ Кокошкин Ф.Ф. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. М., 2001.

⁷ Гессен В.М. Народ и нация // Образование. СПб., 1898. № 4. С. 59–75, № 5–6. С. 59–72.

по национально-государственному вопросу в начале XX в. В работе также использованы материалы периодических изданий отличной от либеральной политической ориентации, выходивших в Москве и Санкт-Петербурге («Московские ведомости», «Новое время», «Московская неделя»).

В условиях избирательной кампании в I Государственную думу представителями Партии народной свободы в большом количестве издавались брошюры агитационного и разъяснительного содержания, в том числе и по национально-государственной проблематике: Ф.Ф. Кокошкина¹, Н.А. Лазаревского², В.М. Гессена³, А.А. Кизеветтера⁴ и т.д. В них в концентрированном виде нашли отражение основные подходы к определению таких ключевых понятий, как «автономия», «федерация», «децентрализация».

В исследовании привлечены источники личного происхождения, отражающие содержание допартийного этапа оформления нового либерализма, а именно мемуары, воспоминания и дневники П.Н. Милюкова⁵, А.А. Кизеветтера⁶, В.А. Маклакова⁷, И.И. Петрункевича⁸, Д.И. Шаховского⁹, Д.И. Шаховского⁹, А.А. Корнилова¹⁰, А.В. Тырковой-Вильямс¹¹, А.Р. Ледницкого¹². В них содержится значительное количество фактологического материала по формированию и эволюции политического курса относи-

¹ Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906.

² Лазаревский Н.А. Автономия. СПб., 1906.

³ Автономия, федерация и национальный вопрос / под ред. В.М. Гессена. СПб., 1906.

⁴ Нападки на Партию народной свободы и возражения на них / под ред. А.А. Кизеветтера. М., 1906.

⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

⁶ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 / вступ. ст., коммент. М.Г. Вандалковской. М., 1996.

⁷ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). В 3-х ч. Ч. 1., Париж, 1936.

⁸ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Т. XXI–XXII. М., 1993.

⁹ Шаховской Д.И. «Союз освобождения» // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 526–602.

¹⁰ Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 143–159; № 3. С. 126–152; № 4. С. 136–149; № 5. С. 106–124; № 7. С. 120–139; № 8. С. 108–128; № 9. С. 112–122; № 10. С. 122–134.

¹¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007.

¹² Lednicki A. Z Lat Wolny. Artykuly, Listy, Przemowienia (1915–1918). Warszawa, 1921.

тельно будущего национально-государственного устройства России. В работе также изучены мемуары политических оппонентов новых либералов, среди которых необходимо упомянуть А.И. Гучкова¹ и Д.Н. Шипова². Специфика мемуарной литературы как исторического источника, проявляющаяся в субъективизме и потребности верификации представленных данных, не снижает ее информативности.

Анализ социокультурного контекста формирования либеральной концепции национально-государственного устройства России осуществлен с привлечением личных архивных фондов лидеров либерального движения, таких как П.Б. Струве (Ф. 279, РГАСПИ), Д.И. Шаховского (Ф. 334, Отдел рукописей Института русской литературы РАН), В.В. Водовозова (Ф. 539, ГАРФ). В этих фондах содержатся письма, черновики журнальных статей, а также воспоминания и дневниковые записи. Их изучение позволяет проследить эволюцию взглядов лидеров и теоретиков либерального движения по национально-государственной проблематике.

Совокупность вышеперечисленных источников позволяет исследовать процесс выработки в рамках отечественного либерализма начала XX в. политического курса по вопросу национально-государственного устройства России при переходе к конституционному строю.

Методологическая основа исследования. В ходе проведения диссертационного исследования автор использовал различные научные подходы и методы, придерживаясь принципа методологического плюрализма. При подготовке диссертации взяты за методологическую основу труды как отечественных, так и зарубежных авторов по теории и методологии исторического исследования³.

¹ Историки о времени и о себе. Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 191–216; № 9–10. С. 186–211; № 11. С. 178–195; № 12. С. 165–175.

² Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

³ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Кром М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в России // Исторические записки. М., 2001. № 4

Принцип историзма позволил проследить процесс оформления и эволюции разработанного в рамках отечественного нового либерализма конца XIX–начала XX в. политического курса по национально-государственному устройству России в тесной связи с конкретными историческими условиями, характерными для этого периода общественно-политического развития, а также стал основой для выявления специфических черт данного процесса. Принцип научной объективности выразился в соответствии полученного в результате исследования знания объекту изучения. Репрезентативность выводов по теме исследования достигнута путем всестороннего анализа на основе широкого корпуса исторических источников с опорой на достигнутый уровень научного знания (как по изучаемой проблеме, так и в области методологии исторического познания в целом) деятельности представителей нового либерализма конца XIX–начала XX в. по выработке базовых принципов национально-государственного устройства России. Системный подход обеспечил целостность и комплексность исследования политического курса по национально-государственному устройству России в отечественном новом либерализме, позволил представить его как систему, включающую в себя различные элементы, находящиеся в тесной логической и ассоциативной взаимосвязи. В процессе исследования факты анализировались в их исторической взаимосвязи и в контексте политической истории России с учетом особенностей эпохи.

В исследовании применялись следующие специальные исторические методы: историко-генетический, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, контекстуальный. Выявить исторические основы принципов и подходов, сформированных в либеральной среде при решении вопросов о национально-государственном устройстве России, позволил историко-

(122). С. 370–397; Лаптева М.П. Теория и методология истории. Пермь, 2006; Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; Мининков Н.А. Введение в теорию научного исторического исследования. Ростов-н/Д., 2017; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

генетический метод. Метод дал возможность увидеть процесс поэтапной эволюции теоретических воззрений представителей российской либеральной мысли, а также элементов либеральной программы по национально-государственной проблематике в контексте изменений общественной и политической среды. Применение проблемно-хронологического метода позволило разделить тему исследования на ряд более узких проблем, разработка каждой из которых проводится в хронологической последовательности. Использование историко-сравнительного метода в исследовании позволило сопоставить различные точки зрения на проблему децентрализации системы управления имперского государства, проследить процесс трансформации понятий «национальный вопрос», «автономия», «федерация» от простых лозунгов в неотъемлемую часть политической программы, выявить принципиальные расхождения, присутствовавшие по данной проблеме в отечественной либеральной мысли последней четверти XIX–начала XX в.

Применение контекстуального метода позволило изучить общественно-политическую среду, в которой зародились и формировались идеи децентрализации власти как неотъемлемая часть общей либеральной концепции трансформации российской государственности при отказе от самодержавной формы правления и существовавшей имперской системы организации взаимодействия центральных властей и местных сообществ. Более того, использование принципа контекстуализации позволило выявить широкий политический, экономический и культурный контексты, в которых действовали представители нового либерализма.

Современный уровень развития теории исторического исследования предполагает применение при обращении к истории общественной мысли и общественных движений подходов и принципов такого нового для отечественной исторической науки направления, как «история понятий». Его основы были разработаны в рамках двух зарубежных школ: немецкой Билефельдской школы Р. Козеллека («Begriffsgeschichte») и англо-американской Кембриджской школы Д. Покока и К. Скиннера («History of Concepts»). Предста-

вители первого направления использовали категории определенных понятий для осмысления эволюционных процессов в обществе и перехода его от одной эпохи к другой¹. Сторонники второго направления отдавали приоритет анализу способов использования отдельных понятий в контексте практической деятельности людей, в первую очередь - политической².

Современными российскими исследователями, работающими в рамках направления «истории понятий», признана необходимость сближения вышеобозначенных подходов через «анализ своего рода семантического мегаполя в оговоренных временных рамках, в котором каждое понятие имеет отсылки к другим, развивается параллельно или антиномично к ним»³. В данном контексте автор диссертационной работы согласен с точкой зрения Д.В. Тимофеева, о том, что «история общественной мысли представляет собой чаще всего процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных идей, теорий, концепций»⁴. Исходя из этого, используемые в исследовании понятия «децентрализация», «автономия», «федерация», «национальный вопрос» раскрыты в тесной взаимосвязи с уровнем развития общественной и правовой мысли России последней четверти XIX–начала XX в. Сделан вывод о том, что их использование представителями нового либерализма при разработке решения вопроса о национально-государственном устройстве конституционной России, было вызвано изменениями, происходившими в политической и общественной жизни России указанного периода.

¹ Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 33–53; Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 21–33.

² Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66.

³ Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятие о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. I. С. 39.

⁴ Тимофеев Д.В. Методология «истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 4. С. 159.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в историографии комплексно исследован процесс выработки политического курса по вопросу о национально-государственном устройстве России в рамках нового либерализма с начала оформления данного течения в конце XIX–начале XX в. до утверждения программы конституционно-демократической партии на втором съезде 5–11 января 1906 г.

Научная новизна основных положений и выводов диссертации состоит в следующем:

1. На основе проведенного анализа документов протопартийных либеральных организаций и конституционно-демократической партии сформулирована и доказана научная гипотеза, согласно которой в рамках нового либерализма начала XX в. была сформулирована целостная концепция национально-государственного устройства России, предполагавшая в условиях перехода к конституционному государству бесконфликтное сосуществование и развитие всех наций и народностей, входящих в состав империи.

2. Выявлена взаимосвязь между теоретическими основаниями концепции национально-государственного устройства российских либералов конца XIX–начала XX в. и интеллектуальной традицией в области решения национального вопроса, сформированной их предшественниками, – представителями отечественного либерализма последней четверти XIX в., что нашло выражение в развитии идеи гражданского равноправия и схожести теоретических интерпретаций ключевых понятий.

3. Всесторонне исследована роль заграничного журнала «Освобождение» в постановке проблемы национально-государственного устройства России в рамках нового либерализма и эволюции стратегий ее решения. На основе анализа содержания статей издания, а также архивных документов определен круг требований этнических сообществ окраин империи, на которые ориентировалось общероссийское либеральное движение при выработке политического курса по обозначенной проблеме.

4. Проанализированы, на основе впервые вводимых в научный оборот материалов, вопросы взаимодействия новых либералов с представителями национальных окраин Российской империи в ходе определения и выработки политического курса по национально-государственному устройству страны. Определена степень взаимосвязи между развитием данного курса и включением в общероссийское либеральное движение представителей отдельных окраинных сообществ.

5. Раскрыта роль земских и городских съездов 1905 г. в презентации широкой общественности ключевых положений нового либерализма по вопросам организации взаимодействия между центральной властью и местными сообществами в условиях перехода к конституционному государству. Доказано, что общероссийский съезд земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. обозначил расхождение внутри российского либерального движения при решении проблем национально-государственного характера.

6. Проанализировано место и роль национально-государственной составляющей в политической программе конституционно-демократической партии. Определена степень преемственности между положениями протопартийных документов новых либералов по данному вопросу и итоговым вариантом программы кадетов, утвержденной на втором съезде 5–11 января 1906 г.

Положения, выносимые на защиту.

1. Последняя четверть XIX в. отмечена актуализацией в отечественной либеральной общественно-политической мысли проблем, связанных с национально-государственным устройством страны. Во многом это объясняется изменением национальной политики имперского руководства, а также мобилизацией новых социальных слоев и этнических групп на окраинах. В этот период представителями российского интеллектуального либерализма на теоретическом уровне разрабатываются варианты разрешения противоречий, возникающих между центральной властью и местными сообществами на национальной почве, среди которых называются: расширение полномочий ор-

ганов местного самоуправления, национально-культурная автономия, политическая автономия.

2. С конца XIX в. отечественный либерализм претерпевает качественные изменения. Происходит обновление идейно-теоретических основ и социального состава общественно-политического течения. В его состав входит интеллигенция, усвоившая идеи и теоретические наработки по национальному вопросу представителей интеллектуального либерализма последней четверти XIX в. Новые либералы не только воспринимают, дополняют и адаптируют их, обеспечивая преемственность между старым и новым либерализмом, но также осуществляют на данной теоретической базе разработку оригинальной, адекватной условиям российской действительности концепции национально-государственного устройства России.

3. Теоретиков нового либерализма, занимавшихся вопросами национально-государственного устройства, можно условно разделить на две группы. Одни из них, такие, как П.Н. Милюков и П.Б. Струве, в большей степени уделяли внимание интерпретациям и сущностным характеристикам ключевых понятий «нация», «национальность», «национализм». Ко второй категории следует отнести практикующих юристов-государствоведов, которые решали национальный вопрос с точки зрения выстраивания взаимоотношений на административно-правовом уровне между центром и окраинами империи в рамках одного полиэтничного государства. Среди них следует назвать Ф.Ф. Кокошкина, Н.И. Лазаревского, В.М. Гессена.

4. Процесс выработки в новом либерализме конца XIX–начала XX в. политического курса по национально-государственному устройству России прошел несколько этапов в своем развитии. Начальный этап, включавший разработку новыми либералами теории вопроса, приходится на рубеж XIX–XX вв., второй этап – на период оформления и функционирования либеральных протопартийных организаций. Третий этап включает оформление концепции национально-государственного устройства в пункты партийной программы конституционно-демократической партии.

5. Журнал «Освобождение» сыграл одну из ключевых ролей не только в процессе консолидации сторонников нового либерализма, но и в выработке основных направлений политического курса по национально-государственной проблематике. Привлечение представителей национальных движений к публикации материалов на страницах издания, с одной стороны, способствовало развитию наиболее тесных связей новых либералов с окраинными политически активными сообществами, с другой – позволяло уточнить обобщенные программные формулировки, конкретизировать требования в соответствии с потребностями различных частей империи.

6. Проблема национально-государственного устройства Российской империи в отечественной либеральной практике начала XX в. занимала одно из центральных мест. Это было обусловлено, с одной стороны, тактическими действиями новых либералов по поиску на окраинах империи союзников в борьбе с российским самодержавием. С другой стороны, целостная либеральная модель общественно-политического переустройства многонациональной страны предполагала обязательное включение в нее тщательно проработанных пунктов о системе организации взаимоотношений центральных властей и местных сообществ с целью сохранения единого Российского государства.

7. Революционные события 1905 г. приводят к активизации деятельности представителей нового либерализма в области дальнейшей проработки и конкретизации политического курса по национально-государственному устройству России. В связи с радикализацией требований национальных движений происходит приращение количества территорий, которым предполагалось предоставить автономный статус внутри единого государства, а также прорабатываются формы децентрализации управления страной при переходе к конституционному строю.

8. Вариант национально-государственного устройства России, выработанный представителями нового либерализма и вошедший в программу конституционно-демократической партии, предполагал компромисс и взаимопо-

нимание между народностями, населявшими империю. Он предоставлял возможность сохранить целостность Российской империи и исключить насильственное решение национального вопроса.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что разработка поставленной в исследовании проблемы способствует всестороннему системному изучению протопартийного этапа развития отечественного нового либерализма в условиях трансформации политической системы Российской империи в начале XX в. Проведенный в работе на основе широкого круга исторических источников, в т.ч. вводимых в научный оборот впервые, комплексный анализ этапов формирования политического курса новых либералов в области национально-государственного переустройства страны позволяет существенно расширить и дополнить общие представления об эволюции российского либерализма как явления общественно-политической жизни России на рубеже XIX–XX вв. Результаты исследования могут стать теоретической основой для дальнейшего изучения национально-государственной проблематики в отечественном либеральном движении.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется перспективностью использования его материалов и выводов историками в научно-исследовательской и педагогической деятельности в высших и средне-профессиональных образовательных учреждениях, в ходе проведения исследований по общественно-политической истории России конца XIX–начала XX в., подготовке лекционных курсов и учебных изданий по истории общественной мысли, общественных движений и партий России первой четверти XX в., а также по истории российского национально-государственного строительства и парламентаризма в указанный период.

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей ВАК. Диссертационная работа выполнена в рамках специальности 07.00.02 – Отечественная история. Область исследования: 9. История общественной мысли и общественных движений, 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений, 14. История по-

литических партий России, 25 История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация результатов работы состоялась на следующих научных конференциях различного уровня:

– международных: «Модернизация России: региональные особенности и перспективы» (г. Ростов-на-Дону, 21–22 апреля 2011 г.); «Боевое братство и национальное единство народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны» (г. Пятигорск, 28–30 ноября 2014 г.); «Наука и образование сегодня: теория, практика и инновации – 2017» (г. Темрюк, 01–04 декабря 2017 г.); «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Таврические чтения 2017)» (г. Санкт-Петербург, 7–8 декабря 2017 г.); «Достижения академической науки на Юге России» (г. Ростов-на-Дону, 13–16 декабря 2017 г.); «Российский либерализм: итоги и перспективы изучения (X Муромцевские чтения)» (28–29 сентября 2018 г., г. Орел); «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность (Таврические чтения 2018)» (г. Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2018 г.); «Российский либерализм и Государственная дума. 1906–1917 гг. XI Муромцевские чтения» (г. Орел, 11–12 октября 2019 г.); «Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России» (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.); «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность (Таврические чтения 2019)» (г. Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2019 г.);

– всероссийских с международным участием: «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. VI Муромцевские чтения» (г. Орел, 24–27 сентября 2014 г.); «Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма. VII Муромцевские чтения» (г. Орел, 24–27 сентября 2015 г.); «Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма. VIII Муромцевские чтения»

(г. Орел, 24–25 сентября 2016 г.); «Sic Transit: революции в политической истории и социальной памяти» (г. Ростов-на-Дону, 28–29 июня 2017 г.);

– всероссийские: «Седьмые Чертковские чтения. Российская империя во времени и пространстве» (г. Москва, 6–7 декабря 2018 г.); «Восьмые Чертковские чтения. Российская империя: власть, общество, образ» (г. Москва, 3–5 декабря 2019 г.);

– региональных: «Юг России: Реформы. Революции. Поиски гражданского мира (памяти П.А. Столыпина)» (г. Ростов-на-Дону, 1–2 июня 2011 г.); «Российская империя: национальное государство или государство национальностей» (г. Ростов-на-Дону, 30 марта 2018 г.); «Окраины империи в российском историческом сознании и социальной памяти» (г. Ростов-на-Дону, 10 мая 2019 г.); «Общественное движение в Российской империи: участники, структуры, идеи» (г. Ростов-на-Дону, 27 января 2020 г.).

Отдельные положения диссертационного исследования выработаны и апробированы в рамках реализации научного проекта № 17-78-20117 Российского научного фонда «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли», реализуемого в 2017–2020 гг.

Результаты диссертационного исследования внедрены в образовательный процесс в рамках учебной дисциплины «Актуальные проблемы исторических исследований» сетевой магистерской программы «Отечественная история» по направлению подготовки 46.04.01 «История», реализованной Институтом истории и международных отношений Южного федерального университета совместно с Северо-Кавказским федеральным университетом и Сибирским федеральным университетом (2017/2018 и 2018/2019 учебные годы).

Всего в рамках проблематики диссертационного исследования опубликовано 33 научных работы, из них 10 публикаций в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в их числе 3 научные статьи, индексируемые в международной базе Scopus.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры отечественной истории средних веков и нового времени ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих 6 параграфов, заключения, библиографического списка. В работе соблюдены правила исторической хронологии при изучении процесса формирования и эволюции политического курса по национально-государственному устройству России в рамках отечественного нового либерализма конца XIX–начала XX в.

1. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

1.1. Национальный вопрос в интеллектуальной традиции отечественной либеральной мысли последней четверти XIX в.

Во второй половине XIX в. Российская империя являлась самым крупным многонациональным государством, к 1881 г. ее площадь составляла 22.189.368,9 кв. км¹. Подобных размеров государство достигло благодаря одной из существенных своих особенностей – на протяжении всей временной перспективы существования перманентно шел процесс его расширения. Варианты подобного расширения были самыми различными. Одни территории вошли в состав России в результате военного завоевания (Великое княжество Финляндское, Остзейский край и др.), другие были присоединены на условиях протектората (Восточная Грузия, Хивинское ханство и др.), а третьи в результате экономической колонизации (Сибирь). Присоединяемые территории не были отделены от имперского центра естественными границами (например, морскими) и являлись его продолжением, что определяло континентальный характер Российской империи.

Неотъемлемой характеристикой Российской империи являлась ее полиэтничность, оказывавшая влияние на структурную организацию государства. Согласно данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., в империи проживало 125 640 021 чел., представители более 100 языковых групп и языков², перманентно актуализируя для имперского центра проблему инкорпорации этнически неоднородных окраин и создание целостное социально-экономического и политического пространство империи. Не всегда завоеван-

¹ Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 340.

² Общий свод по империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 2. С. III–IV.

ные земли оказывались с равным уровнем экономического, политического и культурного развития. И не всегда уровень присоединенных окраин оказывался ниже имперского, иногда он бывал и выше.

Статус отдельных частей государства на разных этапах его развития варьировался от полного поглощения империей до автономии. Правовыми источниками на окраинах зачастую служили не общеимперские законы, а местное право (например, Литовский статут, мусульманское право, кодекс Наполеона и т.д.). Например, основу привилегий остзейских немцев и специфического положения Прибалтийских губерний в составе российского государства составлял Свод местных узаконений, действие которого было закреплено условиями Ништадского мирного договора 1721 г. при включении в состав Российской империи Лифляндии и Эстляндии. Остзейские бароны были представителями одной из немногих национальных элит, которой удалось сохранить права и привилегии практически в неизменном виде с момента вхождения в состав российского государства до конца XIX в.

В середине XIX в. Российская империя вступила в период модернизации, результатом которой стало развитие интеграционных процессов в экономике и потребность в существовании единого административно-правового пространства. Модернизация поликультурных и полиэтничных государств, тем более империй, всегда конфликтогенна, поскольку на смену традиционной идеологии может прийти национализм, утверждающийся и у преобладающего («державного») народа, и в среде «инородцев». Либеральные реформы 1860–1870-х гг., прежде всего крестьянская и военная, а также индустриализация способствовали мобилизации новых социальных слоев и этнических групп. А. Каппелер отмечает, что «связанные с процессами модернизации национальные движения формировали расчлененные по горизонтали на различные сословия общества, по вертикали, осознающие свою культурную целостность нации, выдвигающие свои политические претензии»¹.

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 208.

Представители русской либеральной общественной мысли второй половины XIX в. выступили активными участниками дискуссии о состоянии и путях гармонизации взаимоотношений представителей различных народностей как на международной арене, так и в составе полиэтнической Российской империи. Актуализация проблематики в последнем случае оказалась тесно связана с событиями на европейской арене в конце XVIII в. Как позже отмечал Б.Н. Чичерин, «французская революция провозгласила, как общее начало, что всякий народ имеет право сам устраивать свою судьбу...», и семена этой теории «глубоко запали в западноевропейские общества». В результате «повсюду пробудилось сознание самостоятельности народного духа и народных особенностей», которое затем «было возведено в общую идею развитием философии». Наконец, во второй половине XIX в. эта идея «перешла на практическую почву», начало народности сделалось «главным двигателем» европейской политики и во имя его «была пересоздана карта Европы»¹.

Параллельно с этими событиями развивался процесс теоретического осмысления разных аспектов национального вопроса, причем не только на межгосударственном уровне, но и как проблема внутреннего развития государств. Среди российских ученых несомненный приоритет в данной сфере принадлежит представителям государственной школы русской историографии, которые приняли достаточно активное участие в дискуссии, прежде всего, как теоретики права и историки политической мысли. Следует отметить, что при этом они позиционировали себя как представители европейской науки, соответственно, их доказательства и выводы, были основаны, главным образом, на осмыслении истории европейских государств. Российский аспект проблемы затрагивался нечасто, в большинстве работ лишь в контексте межгосударственного взаимодействия.

Период либеральных реформ середины XIX в. актуализировал тематику взаимоотношений народов и проблемы национальной государственности.

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 82.

Так, А.Д. Градовский считал, что эти меры, закрепившие начала «всословности и общественности», утвердили в России начала народности или национальности. Заметим, что в данном случае он говорит не о процессе образования национальностей, а об условиях, при которых «начало народности выступило на политическую сцену». В числе последних он называл преодоление сословных различий, а также того состояния, когда государство рассматривалось «как механическое и искусственное соединение разных областей, сословий и корпораций под властью центрального правительства»¹.

В результате «народность и государство, политическая форма и ее естественное содержание сблизилась и прежнее механическое государство постепенно обновлялось новым живым началом». Как только Россия сделала первые шаги на пути к уравнению сословий, к развитию личной и общественной свободы, заключает ученый, «идея национальности, как основы и меры политики, сделала у нас существенные успехи». Здесь принципиально значимым выглядит его вывод о том, что «мы стали на почву национальных стремлений» прежде всего в вопросах международных, в области европейской политики².

Б.Н. Чичерин становится одним из первых представителей либерально-ориентированной общественности пореформенной России, который обращается к теоретическому осмыслению вышеобозначенных проблем. Его подходы к решению ключевых вопросов государственного устройства были поэтапно сформулированы в нескольких работах и в качестве первой из них можно назвать докторскую диссертацию исследователя «О народном представительстве», текст которой был впервые издан в 1866 г.³ Однако более фундаментальный характер по данной проблематике носит его труд «Курс государственной науки», три части которого были опубликованы в период

¹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 6. [Статьи и публичные лекции о национальном вопросе; Славянский вопрос и война 1877 года; Польский вопрос]. СПб., 1901. С. 298.

² Там же. С. 299–300.

³ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866.

1894–1898 гг.¹ В 80-е гг. XIX в. представители общественной мысли России обращаются к вопросу о перспективах развития и формах дальнейшего существования полиэтнической Российской империи. Данные дискуссии были вызваны изменениями, происходившими в политике центральных властей, в том числе и на окраинах. Б.Н. Чичерин оценивал подготовку и публикацию «Курса государственной науки» как собственный вклад в интерпретацию состояния и возможных направлений развития российской государственности в XX в.

Основой для анализа общетеоретических положений науки о государственности у Б.Н. Чичерина выступает утверждение о многообразии видов человеческих союзов. Однако, «первичными из них выступают именно “кровные союзы”, которые могут иметь различные формы существования, такие как семейство, племя и род»². История народов, по мнению ученого, «начинается с господства этих союзов»³. Б.Н. Чичерин пишет о том, что род и племя какое-то время могут даже заменять собой государство. Однако, срок существования этих форм недолговечен и, по мере развития, кровные союзы «или исчезают, или входят, как составные элементы, в другие высшие союзы, гражданский и государственный»⁴.

Для дальнейшего понимания взглядов ученого о путях становления государства, следует учитывать, что он считал необходимым различать народ в физиологическом и юридическом смысле. В первом случае, утверждал Б.Н. Чичерин, его «точнее можно обозначить словом народность, ибо народ есть уже нечто организованное»⁵. Автор выделял два источника формирования народности. В первом случае им могло стать непосредственно племя. Во втором – к образованию народности приводило смешение племен, если одно

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894, 1896, 1898.

² Дмитриева Н.В. Б.Н. Чичерин о национально-государственном строительстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 46.

³ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1. С. 79.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 80.

из них оказывало доминирующее влияние на остальных. Критерием, который Б.Н. Чичерин заложил в основу противопоставления племени и народности, стало осознание последним духовного единства и его господство над единством происхождения. Народность, сознавая себя единой духовной сущностью, стремится иметь общую волю и общую организацию, и это означает ее стремление стать народом, для чего ей необходимо образовать государство, постольку оно «не может быть основано на отвлеченно-нравственном или общечеловеческом начале». Государство предполагает осознание гражданами своего единства, общности идей и интересов, а «это сознание и это общение даются ему народностью». Так выглядит, по мнению ученого, простая и устойчивая модель государства, в которой «субъект государства есть народ»¹.

Эти положения Б.Н. Чичерина вытекают из анализа ситуации, когда народность «физиологическая» совпадает с народностью юридической, т.е. государством. Она в общем и целом понятна и не требует дополнительных пояснений. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда народность оказывается разделена границами разных государств, или, наоборот, государство состоит из нескольких народностей. Последний вариант представляется ученому наименее благоприятным, поскольку здесь действует правило, что «государства, далеко заходящие за пределы народности, естественно стремятся к распадению». Несомненным подтверждением своей позиции он считает тот факт, что в истории потерпели неудачу многочисленные попытки основать «так называемые всемирные монархии», ибо история «никогда не представляла даже приближения к государству, обнимающему все человечество»².

В то же время, невозможность существования всемирных империй не отрицает, по мнению ученого, перспективы многонациональных государств вообще. Понятно, что в данном случае теоретические размышления автора обращают его внимание из европейских государств не только к Австро–

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1. С. 81.

² Там же.

Венгрии, но и предполагают учет особенностей возникновения и развития полиэтнической Российской империи. Относительно судеб таких государств Б.Н. Чичерин не столь пессимистичен, поскольку видит в них реализацию другой закономерности. Дело в том, что народность формируется и обретает высшее политическое сознание, необходимое для создания государства, разным путем. Одним из возможных вариантов Чичерин считает смешение племен, которое, в свою очередь, возможно либо в результате покорения, о чем свидетельствует пример Спарты, или как их соединение, пример которого он находит в истории Рима. В новое время процессы смешения племен автор усматривает и во Франции, и в Англии. В этом же контексте он склонен рассматривать и историю российской государственности, заявляя в частности, что среди славянских племен, «великорусское, наиболее смешанное, явилось и наиболее способным к образованию прочного государства»¹.

Представляет интерес сопоставление этих доводов с позицией А.Д. Градовского. Налицо близость и даже совпадение аргументов и исторических примеров. А.Д. Градовский также обращается к истории Англии, для доказательства тезиса, что ассимиляция племен «совершается на каждом шагу». Характеризуя это явление, он замечает, что первенствующее «количественно и нравственно» племя вбирает в себя менее сильные народы, но, одновременно, получает от них наиболее крепкие особенности, что, в конечном счете, ведет к тому, что «и народность, образовавшаяся таким путем, отличается необыкновенной энергией и крепостью»².

Является значимым и вывод ученого о том, что принцип национальности нисколько не противоречит ассимиляции племен, в частности, если из них впоследствии образуется одна народность, однако он категорически не приемлет механического, насильственного соединения в одно государство

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1. С. 82.

² Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 22.

уже сложившихся народностей, поскольку в этом случае «никоим образом не может образоваться новая народность»¹.

Согласно теоретической концепции Б.Н. Чичерина государства возникают либо в формате мононациональных образований, либо как результат предшествующего смешения племен. Однако автором были внесены уточнения в данную схему: не всякий народ «способен устроить из себя государство». По мнению Б.Н. Чичерина, в России, например, чувашаи и латыши были «не в состоянии образовать самостоятельный политический союз. Их назначение – подчиняться другим народам и входить в состав других государств»².

В целом данную позицию разделял и А.Д. Градовский. Однако он не видел в таком развитии событий положительного момента. По его мнению, исторический опыт свидетельствует о том, что «самостоятельное культурное развитие народа, вошедшего в состав чужого государства, приостанавливается, а народности, утратившие свою политическую самостоятельность, «делаются служебным материалом для других народов»³. Они могут сохранить лишь свои «местные особенности», и то лишь «при некоторой энергии». Парадокс ситуации А.Д. Градовский видел в том, что сохранение местных особенностей, по сути, «есть деятельность, по преимуществу, консервативная», однако потребности развития могут поставить подчиненные народности перед необходимостью «принять цивилизацию другого народа, т.е. отказаться от своей индивидуальности, сделаться другим народом»⁴.

Приведенные выше суждения о разных способностях народов к образованию своего государства поставили либералов перед необходимостью обосновать критерии для подобного разделение. Б.Н. Чичерин, обращаясь к этой проблеме, в качестве первоочередных свойств указывает «крепость народного духа и способность организоваться», что подчеркивает значение национальных движений народов, первостепенную роль в развитии которого он

¹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 22.

² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1. С. 82.

³ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

закрепляет за литературой, которая «зажигает в сердцах тот священный пламень, который неотразимо влечет народ к требованию самостоятельного существования»¹.

Позже А.Д. Градовский отметит в этом контексте значение известных личностей. По его мнению, «великие представители национального гения имеют для своей народности двоякое значение, одинаково важное: с одной стороны, воплощая в себе все особенности национального духа, они являются оплотом народности против духовного завоевания ее другими народами; с другой стороны, воплощая национальную мысль в бессмертных произведениях..., в учреждениях церкви и государства, они выводят свой народ на поприще всемирной истории»². В конечном счете, заключает ученый, «национальное самосознание» не было первоначальным, божьим даром; оно явилось как награда за тяжкую всенародную работу, как плод вековых усилий»³.

Относительно способности организовать, Б.Н. Чичерин замечает, что «надобно, чтобы народ, ищущий политической независимости, во-первых, умел драться, а во – вторых, умел организовать более или менее прочное правительство...». Его подход в данном вопросе разделял и К.Д. Кавелин, уточнявший, что «народ, не сумевший создать у себя прочного внутреннего порядка, неминуемо делается добычей других народов»⁴.

Взаимоотношения народа и власти занимают важное место в концепции Б.Н. Чичерина. Он считал, что «народ, который неспособен разумно и добровольно подчиняться верховной власти и поддерживать ее всеми силами, никогда не образует государство». При этом, если он и создаст нечто похожее, прочным такое государство, по мнению ученого, никогда не будет. В качестве иллюстрации данного заявления он обращается к опыту развития Польши, «которая никогда не могла установить у себя истинной верховной власти». По его мнению, и в семнадцатом, и в восемнадцатом веках «единст-

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 83.

² Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 371.

³ Там же. С. 386.

⁴ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 1120.

венная цель польской аристократии, казалось, состояла в том, чтобы ослабить государство»¹.

Кроме отмеченных факторов для создания государства народу необходима, по мнению ученого, «достаточная сила», обеспечивающая государству возможность проявить себя историческим деятелем. Над народами нет высшей власти, которая бы ограждала слабых. И кто не обладает достаточной силой, чтобы обеспечить независимость государства, тот «должен отказаться от самостоятельности». В этом состоит, по убеждению Б.Н. Чичерина, «высший исторический закон», поскольку, государство «не есть произведение природы как физическое лицо: это – искусственная личность, создаваемая историей и призванная играть известную роль на мировом поприще»². Таким образом, сформулированные выше условия и ограничения позволяют уточнить правомерность и пределы действия первоначального заявления либералов о безусловном праве каждой народности на образование самостоятельного государства.

Кроме этих, внутренних факторов Б.Н. Чичерин считает необходимым учитывать и некоторые другие обстоятельства, не всегда зависящие от народов. Среди них он называет географическое положение, дающее возможность стране «выделиться из других и образовать самостоятельное целое», а также «сочувствие других народов и государств, которых интересы замешаны в происходящей борьбе»³. В подтверждение сказанного он приводит примеры борьбы за независимость Греции и Болгарии от «мусульманского варварства» в первой трети XIX в.

Вместе с тем, из дальнейших рассуждений ученого становится понятным, что сформулированные им требования представляют необходимые, но, тем не менее, в некоторых случаях недостаточные условия. Такое происходит, по его мнению, когда «племя» входит в состав крупной полиэтнической державы, где «различные народности так перемешаны друг с другом, что от-

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 87.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 83, 85.

делить одну от другой нет никакой возможности». Здесь, указывает он, национальное движение «всегда встретит неодолимые преграды»¹. Данное заявление имеет важное политическое значение, поскольку представляет попытку регламентировать применение принципа о праве народов на самоопределение, а точнее, закрывает такую возможность для большинства из них.

И все же, Б.Н. Чичерин пытается и для них определить перспективы развития. С этой целью он обращается к характеристике положения и статуса народов в составе полиэтнических государств. Отметим, что первое условие стабильности и прочности подобных образований обеспечивается, по его убеждению, опорой на преобладающую народность. Если этого нет, то в государстве не будет духовного единства и неизбежны центробежные тенденции. Поддержание единства в этнически гетерогенных государствах, по мнению ученого, возможно двумя способами. Первый из них – силовой, что характерно для политики абсолютизма. Второй способ предполагает установление политической свободы. Менее перспективным для сохранения единства многонационального государства ученому представляется первый способ. Однако и второй путь решения проблемы обладает, по мнению Б.Н. Чичерина, недостатками, суть которых сводится к тому, что политические свободы порождают межнациональную борьбу, «устранение которой требует большого искусства и всякое политическое потрясение оборачивается опасностью распада страны»².

В качестве примера подобного развития событий Б.Н. Чичерин приводит опыт Австро-Венгрии. Государственным людям этой страны, по его мнению, удалось избежать многих опасностей, в значительной степени потому, что «путем сделок и уступок, давая частное удовлетворение умеренным притязаниям и сдерживая крайние, они успели установить такой порядок вещей, в котором... сохраняется, однако, твердый центр, на который все могут опереться». Б.Н. Чичерин отмечает, что «конституционная Австрия дает подвла-

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 84.

² Там же. С. 86.

ственным ей славянским племенам то, в чем отказывала им абсолютная монархия: возможность самобытного развития в тех условиях, в которые поставила их история»¹. На наш взгляд, в приведенных выше положениях представлена суть либерального взгляда на содержание национальной политики.

Однако для Российской империи конца XIX в., по мнению Б.Н. Чичерина, введение политических свобод являлось далекой перспективой. Данное заключение стало основой для его обращения к анализу политики государства в отношении многочисленного нерусского населения и определения ее правильного вектора, т.к., по его мнению, она изначально являлась ошибочной. Основанием для подобного вывода стал обзор взаимоотношений российского самодержавия и польской народности: «Вместо того, чтобы разделить то, что разделено по своей природе, оно хотело слить то, что слиться не может. ...польская народность так живуча, она имеет за себя такое блестящее прошлое, что поглощение ее русской народностью есть не более, чем мечта»². В таких условиях Чичерин считает необходимым пойти на решительный шаг и «возвратить полякам отечество. В этом состоит, по его мнению, «истинное решение польского вопроса»³.

Несколько иначе видел пути решения этой проблемы А.Д. Градовский. Основной его тезис состоял в обосновании идеи народностей, которая «есть идея новая, принадлежащая нашему столетию... результат нашего просвещения, несомненного прогресса в области политических и общественных понятий»⁴. По мнению А.Д. Градовского, свободное развитие народностей выступает одним из способов сохранения личности «как творческого начала и нравственного бытия»⁵.

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 100, 101.

² Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопрос: ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампа. Берлин, 1899. С. 16–17.

³ Дмитриева Н.В. Б.Н. Чичерин о национально-государственном строительстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 9 (71). С. 46.

⁴ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 238.

⁵ Там же. С. 231–232, 234.

Таким образом, А.Д. Градовский вновь связывает воедино вопросы свободы личности и национального освобождения, отмечая, что второе обуславливает возможность первого. Обращение в своих работах к решению национального вопроса в европейских странах, а не у славянских народов, ученый объяснял поставленными ранее задачами. Первой из них было желание доказать наличие культурной и общечеловеческой составляющей в идеи народности. Второй задачей выступал поиск оснований для критики тех народов, которые «отказывают славянским племенам в том, за что они сами пролили много крови»¹. А.Д. Градовский также надеялся, что подобный подход даст «возможность разрешить вопрос о положении славянского мира в Европе, признать и утвердить их действительную равноправность с прочими членами европейской семьи»².

Апелляция к европейской истории не снижает значимости его общих выводов. Историк утверждает, что «добиваясь своего государства, каждая нация в сущности ищет средств обеспечения своей самобытности», что не отрицает необходимости восприятия результатов, добытых «цивилизацией других народов», хотя, оговаривается А.Д. Градовский, оно «не может состоять в пассивном заимствовании внешних форм чужой жизни», а имеет целью «обогатить данный национальный культурный тип» достижениями общечеловеческой культуры, которая «есть результат действия многих народов, обогащающих ее именно своим различием, свободным проявлением своих духовных сил»³. В данном контексте ученый рассматривал и историческое развитие России. В 1880 г. он писал, что «мы более национальны теперь, чем были десять лет тому назад; в 1870 году мы были более национальны, чем в 1860, а 1860 и 1850 гг., в этом отношении, отделены целой пропастью»⁴.

Это заявление призвано подчеркнуть неприятие ученым «искусственных государств», в составе которых народы оказались, как правило, в резуль-

¹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 257.

² Там же. С. 258.

³ Там же. С. 263, 269.

⁴ Там же. С. 362.

тате насилия. Такое государство не удовлетворяет, по его мнению, элементарным потребностям народного развития, «не может обеспечить коренных условий гражданской свободы». В силу политической целесообразности в нем подавляется «всякое свободное проявление жизни и даже мысли», поскольку оно может «напомнить насильственно сплоченным народностям об их правах». По этой причине проблема правового регулирования отношений народов в рамках полиэтнических государств представлялась ему мало актуальной, поскольку он считал, что такие государства не могут быть ни свободными, ни прочными. Введение в них административного самоуправления исключено, т.к. впоследствии оно приобретет политический характер и «беспрерывно живут между страхом внутренней революции и внешнего нападения»¹.

А.Д. Градовский фактически ставил знак равенства между формой государственного устройства и способами его образования. Невольно он сам это признавал, поскольку, осмысливая исторический путь поляков, заявлял, что «Польша предала себя западной Европе больше, чем какое-нибудь славянское племя»². Отсюда проистекала и отстраненность этого народа, развитию которой способствовали, по его мнению, католицизм и католическая церковь, а также могущество феодальной аристократии, добивавшейся неучастия в решении вопросов государственности угнетенных славянских народов. Наконец, самым ярким свидетельством чужеродности Польши ученый называет тот факт, что «еще в 1867 году, в германском рейхстаге, познанский депутат Неголевский поставил Польше в величайшую заслугу, что она служила некогда оплотом Европы против России»³.

Тем не менее, в отличие от Б.Н. Чичерина, А.Д. Градовский, противореча своим теоретическим заявлениям, не верит в перспективы польской го-

¹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 270.

² Дмитриева Н.В. Б.Н. Чичерин о национально-государственном строительстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 46.

³ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 604–605.

сударственности и годом спустя заключает, что нынешняя Польша, будучи поставлена, по его мнению, между «завершающим свое национальное развитие миром германским и начинающим свою политическую жизнь миром славянским» оказывается перед необходимостью дать ответ на другой вопрос. Ученый предлагает полякам подумать, «в каком союзе сохранится их народность – в союзе ли с иноземными благодетелями, или с Россией, которая не может быть ничем иным, как державой славянской?»¹.

Правильное, с его точки зрения, решение поляков ученый предлагает стимулировать «путем законодательных, административных и общественных мер» и утверждает, что в событиях 1830 и 1863 гг. «речь шла не о правах польской народности, а о том, кто будет владеть теми местностями, где польской народности очень мало – русское или польское государство»². Ну, а поскольку, образование Германской империи, поражение Франции в 1871 г. и «явное вырождение папства» существенно изменили ситуацию в вопросе поддержки Европой самостоятельного польского государства, А.Д. Градовский вполне допускал сохранение Польши в составе Российской империи³. Такое противоречие можно объяснить лишь правомерностью представленного нами ранее заключения Б.Н. Чичерина о роли и значении международной поддержки стремления народов к государственной самостоятельности, которых они, судя по всему, в данном случае не обнаруживали.

Отличная ситуация сложилась в отношениях между Российской империей и Финляндией. По мнению Б.Н. Чичерина, она является примером «благоготорного действия реального соединения»⁴. Указывая на самостоятельное государственное устройство окраины, дарованное ей Александром I, и удовлетворение обеих сторон существующим положением дел, ученый позитивно оценивает данный опыт в истории российской государственности. Причины

¹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 605, 611.

² Там же. С. 615.

³ Там же. С. 621.

⁴ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 3. С. 275.

столь существенной разницы, по его мнению, следует искать, с одной стороны, в отсутствие у Великого княжества Финляндского опыта суверенной государственности, а соответственно исторические предания «не побуждают ее играть политическую роль в Европе». С другой стороны, данная окраина не отличается этнически однородным составом населения, что, в свою очередь, не давало достаточных оснований для доминирования одной из населявших ее народностей. Из этого вытекает неспособность «шведского элемента к самостоятельному существованию или к соединению с одноплеменной державой». В работе «Курс государственной науки» Российская империя с входящим в его состав Великим княжеством Финляндским была отнесена в разряд сложносоставных государств¹. Б.Н. Чичерин в качестве доказательства верности подобного подхода к оценке системы взаимоотношений между империей и окраиной приводил наличие у последней собственного представительного законодательного органа (сейма), отдельного законодательства, денежной системы.

Наличие в составе империи народностей, не имевших возможности и стремлений к выходу из состава государства, обращала исследователей к проработке и других вариантов сохранения целостности полиэтнической страны. Теоретическим основанием для этого послужили базовые принципы либерализма, заложенные в идеях гражданского равноправия. В этом вопросе либералы всегда выступали за равенство независимо от национальности и вероисповедания, были противниками какого-либо ущемления национальной культуры, традиций, языка. По мнению А.Д. Градовского, для выстраивания таких отношений в Российской империи могло послужить, то, что «нет народа более способного ужиться со всеми народностями, более неспособного к национальной вражде, как именно народ русский»². Продолжая эту мысль, Б.Н. Чичерин, подчеркивал недопустимость использования только языка преобладающего народа в официальных учреждениях региона, населенного

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 3. Ч. 1. С. 183.

² Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 616.

другим народом, настаивая на необходимости использования в подобных случаях двух языков¹.

Вместе с тем, ученые сознавали, что экономическое, политическое и культурное развитие народов актуализировало в целом проблему допустимых правовых гарантий такого равноправия. В связи с этим в рамках либеральной идеологии требовалось обоснование возможных изменений формы национально-государственного устройства страны, в т.ч. пореформенной России.

К.Д. Кавелин подробно проанализировал особенности положения и уровень запросов нерусских народов в составе Российской империи. В работе «Политические призраки», изданной в 1877 г. в Берлине, обращаясь к проблеме «политической неблагонадежности наших окраин» в контексте сохранения единого государства, он заявлял, что такие опасения имели основания лишь на этапе завоевания или присоединения племен и народов, пока те следовали за представителями собственной элиты.

В новых условиях, когда «прежние пружины деятельности и мотивы» действий народов изменились, полагает ученый, «из-за исторических воспоминаний, из-за теоретических принципов, из-за политических прав народные массы не поднимаются и не переменяют одних властителей на других». Он связывает это, в том числе и с тем, что «с освобождением крестьян и упадком политических владельческих классов», падением политического влияния церкви и духовенства ситуация в целом изменилась к лучшему. Теперь, по его мнению, «открытые восстания народа» можно вызвать лишь «грубым нарушением» обычаев и верований нерусского населения или его крайне тяжелым экономическим положением².

В этих условиях он обращается к правительству с короткой, но ёмкой программой. «Оставьте за людьми их язык и веру, – пишет он, – откройте им средства для улучшения их материального положения, не давите чрезмерны-

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 3. С. 346.

² Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 975, 976.

ми налогами, введите сносное управление и никакие в мире приманки не в состоянии будут поколебать политической верности масс». Отметим внимание ученого к обоснованию необходимости и принципам организации системы местного управления, как приоритетного способа регулирования взаимоотношений народов. К.Д. Кавелин ратовал за «введение местных элементов во внутреннее управление присоединенными краями», и это, по его мнению, не может возбуждать «ни малейших опасений», поскольку позволит «еще более скрепить связь присоединенных областей с Империей». Не довольствуясь этим, он также предлагал ввести инородцев, как полноправных граждан, «в обладание всеми теми правами, какими пользуются жители великорусских губерний»¹.

Изложенные выше соображения вызывают ряд вопросов относительно позиции К.Д. Кавелина, прежде всего, по достаточно острой проблеме русификации. В данном контексте он предлагает «ограничиться одним уравниванием различных народностей», отбросить «несчастную и бесплодную мысль» об обращении инородцев в великороссов и заботиться прежде всего о том, «чтобы им было хорошо жить вместе с нами в одном союзе». Что касается распространения среди нерусских народов «нашего языка и нашей веры», то решение этого вопроса ученый отводит «естественному ходу вещей», поскольку убежден, что он «никак не может быть предметом законодательных и административных мер». Характерно, что ученый находит в таком развитии ситуации в стране несомненные плюсы и для великорусского элемента, который считает ядром государства. С одной стороны, полагает ученый, он «слишком многочисленен, могуч и состоятелен, чтобы мог когда-нибудь утонуть и расплыться в море инородных стихий», с другой, рассчитывает, что его качества «дополнятся и обогатятся» свойствами и качествами инородцев².

¹ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 976.

² Там же. С. 977.

Заметим, что представленные выше размышления К.Д. Кавелина связаны с анализом состояния и перспектив сохранения в составе государства достаточно развитых народов «западных и северных» окраин империи. Его позиция созвучна, во многом, взглядам А.Д. Градовского и направлена на сохранение единого государства. Вместе с тем, предложенная им программа, направленная на обеспечение гарантий развития нерусских народов посредством развития системы местного управления, была не единственной в среде российских либералов.

Б.Н. Чичерин и А.Д. Градовский в поисках решения данной проблемы обращались к анализу разнообразных форм государственности, существовавших в истории Европы. Являясь убежденными сторонниками единого государства, они, тем не менее, в теоретическом плане склонялись к поиску возможностей обеспечить правовой статус народностей в составе многонационального государства. В данном контексте особый интерес представляют их размышления о перспективах федеративного устройства страны. А.Д. Градовский, как уже было отмечено, исходил из того, что национальный вопрос «вытекает из факта признания в народе нравственной и свободной личности, имеющей право на самостоятельную историю, следовательно, на свое государство»¹.

По этой причине проблема правового регулирования отношений народов в рамках полиэтнических государств представлялась ему мало актуальной, поскольку, такие государства не могут быть ни свободными, ни прочными, за единичными исключениями. В частности, ученый признавал, что, например, в федеративной Швейцарии, «существование национальных особенностей вполне обеспечено»². Однако этот пример, по его мнению, доказывал лишь то, что «различные народности, при особенно благоприятных, можно сказать, исключительных условиях, могут ужиться в одной государст-

¹ Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. СПб., 1873. С. II.

² Там же. С. 24.

венной форме»¹. Среди них ученый называет равноправие народностей, федеративное устройство государства, вечный нейтралитет этой страны, обеспечивший ей поддержку своего статуса со стороны европейских государств. Для нас особый интерес представляет выделение в числе этих факторов принципа федерализма. А.Д. Градовский признает эту форму государственности перспективной и для других случаев, размышляя, в частности, о судьбах славянских племен в Европе. Он утверждает, что в данном случае, «вольная федерация одноплеменных народов» является идеалом теории народности².

Б.Н. Чичерин, в некотором смысле, придерживался другой позиции. В частности, признавая правомерность тезиса «одна нация – одно государство», он, в то же время, сознавал, что раздробление правительственной власти и распределение ее по различным центрам дает большие гарантии свободе. В данном контексте, стремление к образованию сложных, или союзных, государств не вызывало у него особой критики, особенно в том случае, когда они «имеют целью соединить выгоды больших государств и малых, сохранить местную свободу и самоуправление, образовавши, однако, достаточную политическую силу, чтобы противостоять внешним врагам и обеспечить совокупные интересы народа»³. Более того, замечал он, федеративное устройство «представляется иногда идеалом человеческого общежития». Сам ученый такую оценку не разделял, поскольку был убежден в том, что эта форма имеет, в то же время, «весьма значительные невыгоды»⁴.

Исходя из тезиса о том, что «единство государственного организма требует единства управляющей воли», а всякое разделение власти «само по себе есть зло», Б.Н. Чичерин утверждал, что в союзном государстве «каждая часть действует сама по себе», а потому «неизбежны столкновения в среде самой верховной власти». Кроме этого, другой зародыш возможных кон-

¹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 6. С. 23.

² Там же. С. 26.

³ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 277.

⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 179.

фликтов ученый видел в невозможности устранить в таком государстве споры и тяжбы между властями «отдельных штатов и общего союза», поскольку местные и общие интересы так тесно связаны друг с другом, что «нет возможности образовать из них две совершенно отдельные сферы»¹. Таким образом, заключает ученый, союзное государство «ведет к столкновениям, спорам, к неизвестности насчет настоящего места верховной власти, а вследствие того к постоянным затруднениям при разрешении общих вопросов». Не убеждал его и опыт существующих союзных государств с федеративным устройством, к которым он относил США и Швейцарию, поскольку Чичерин считал, что они находятся «в чрезвычайно выгодном, но совершенно исключительном положении»². Вместе с тем, ученый допускал, что конкретные решения относительно формы национально-государственного устройства должны определяться исходя из политической целесообразности.

В отличие от своих коллег, К.Д. Кавелин не увлекался теорией вопроса, а больше рассматривал практику взаимоотношений разных народностей в России. Относительно мест проживания заведомо малоцивилизованных «кочевников и бродячих инородцев», ученый предлагал объявить их зонами колонизации с особым управлением, до тех пор, пока они «не населятся и не будут готовы к образованию в них новых губерний, с правильным местным управлением»³.

При этом Кавелин обосновал вывод о том, что русскому народу близка идея «о государстве, как нейтральной среде и союзе разноплеменных и разноречивых народов»⁴. Он рассматривал национальный вопрос и межэтнические отношения скорее с нравственно-этической точки зрения и исходил из того, что «по воле судеб, мы имеем согражданами представителей всех племен, народностей и национальностей земного шара»⁵. По его мнению, про-

¹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 180.

² Там же. С. 182.

³ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 978.

⁴ Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. М., 1907. С. 10.

⁵ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 1215.

стой народ с таким многообразием не только «свыкся», но и «нашелся в нем» разумнее и лучше, чем образованные слои. Последние, «или просто отrekliсь от своей народности, или, наоборот, во имя патриотизма воспылали племенной ненавистью и подозрительностью ко всему нерусскому»¹. В конкретных условиях пореформенной России ученого больше заботило негативное отношение к нерусским народностям. В определенной степени, считал он, оно отражало особенность времени, состоящую в том, что «мы, природные русские, увлекаемся теперь любовью к своему племени и народу до того, что считаем его неспособным к тому или другому худому делу»².

В основе такого отношения находилось представление, высказанное случайно встреченным им крестьянином о том, что «русский народ выше всех народов в мире». Принципиально важным для К.Д. Кавелина являлось то обстоятельство, что такая убежденность сочеталась у народа с умением «отлично уживаться со всяким инородцем и иноверцем, уважать чужой культ и чужие нравы...». Такой подход был вполне близок ученому, который исходил из того, что «разнородный этнографический состав русской империи, при преобладающем сильном и однородном русском ядре» является «одним из самых благоприятных условий для нашего дальнейшего развития, несомненным залогом нашей великой исторической будущности».

В этой связи, полагал он, правомерен и другой вывод: «Чем нам, природным русским, дороже русский народ..., тем шире, любовнее должны мы смотреть на все другие национальности, принадлежащие к составу русского государства». А здесь он видел многочисленные проблемы, суть которых в том, что разные нерусские народности «поочередно делались козлами очищения наших патриотических увлечений»³. На самом деле, считал К.Д. Кавелин, в наших прямых национальных интересах «воспользоваться талантами и способностями этих наших сограждан» в интересах страны. Отмечая, что «многие у нас мечтают о том, что все народы, входящие в состав

¹ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 1215.

² Там же. С. 1214.

³ Там же. С. 1215–1216.

русского государства, переродятся со временем в русских», ученый довольно скептически оценивал перспективы такой «русификации», замечая, что если это произойдет, мы сами, «по необходимости, выработаемся в нечто существенно различное от того, что мы теперь»¹.

По его убеждению, русскому народу близка другая идея «о государстве, как нейтральной среде и союзе разноплеменных и разноверных народов»². Годом спустя, в статье «Наши инородцы и иноверцы» К.Д. Кавелин уточнит, что он говорит об идее «одинаково справедливого, равно беспристрастного государства, возвышающегося над всеми, без различия племени и исповедания»³. Вместе с тем, замечает ученый в 1882 г. в письме в редакцию журнала «Вестник Европы» по поводу книги Нотовича, нельзя забывать, что «русское государство, а с тем вместе и тот тип и строй общественности, который отличает русское общество от всех других» создало именно великорусское племя, поэтому это государство «будет отражать на себе степень его культуры, его достоинства и недостатки»⁴. Одним из таких существенных недостатков ученый считает то, что действующие в стране законы ставят различие между подданными «по вере и происхождению» и на этом основании больше покровительствуют одним, чем другим.

Таким образом, представители российской либеральной мысли последней четверти XIX в. внесли существенный вклад в разработку национально-государственной проблематики, предложив на теоретическом уровне варианты разрешения конфликтных ситуаций, возникающих на этой основе. Исходя из того, что проблема национально-государственного устройства является составной частью национального вопроса, ими, на основе анализа сущностных черт и проявлений последнего, были сформулированы условия сохранения этнически гетерогенных государственных образований. В качестве характерной черты данного этапа следует отметить тяготение предста-

¹ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 1217.

² Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. СПб., 1907. С. 10.

³ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 1095.

⁴ Там же. С. 1115, 1116.

вителей российского либерализма к анализу преимущественно европейского опыта решения национального вопроса. Проблемы национально-государственного устройства рассматривались во внутривнутриполитическом контексте в меньшей степени, так как политическая значимость проблемы государственного единства не выступала в этот период как актуальная политическая задача. Именно поэтому проработка решения национального вопроса носила теоретический характер, без ориентации на его практическое внедрение.

В интеллектуальной либеральной традиции последней четверти XIX в. господствовало мнение, что народы, проживающие на территории Российской империи, в подавляющем большинстве, не сформировались как народности, то есть, по определению Б.Н. Чичерина, не обладают сознанием собственной духовной близости. В качестве исключения рассматривались такие окраины, как Царство Польское и Великое княжество Финляндское. В обоих случаях определяющим фактором для сохранения государственного единства являлась правильно выстроенная политика властей. Однако в содержательном наполнении правильной политики имперского центра представители либеральной мысли расходились во мнениях. В отношении Царства Польского правильной политикой по мысли Б.Н. Чичерина являлось выделение его из состава Российской империи, а А.Д. Градовский, напротив, после образования Германской империи и поражения папства, видел возможность сохранения Царства Польского в составе России. Со стороны центральной власти вариант решения национального вопроса они видели в переходе к новой системе государственности – представительному правлению, в рамках которого предполагалось обеспечить соблюдение прав и свобод для всех народностей, населяющих Российскую империю. При этом разрешение возникающих конфликтных ситуаций, связанных с национально-государственным устройством России, они видели, как через сохранение унитарной формы с расширением полномочий органов местного самоуправления, так и допускали возможность создания федеративного государства.

1.2. Теоретическое осмысление проблемы национально-государственного устройства России в новом либерализме конца XIX–начала XX в.

Вопросы национально-государственного устройства России в конце XIX–начале XX в. получили дальнейшую разработку, с одной стороны, в связи с развитием непосредственно либеральной общественной мысли и либерального движения, а с другой – по причине изменения социально-политической ситуации и радикализации общественного движения в центре страны и на ее окраинах накануне и в ходе Первой русской революции (1905–1907 гг.).

Конец XIX в. был отмечен возникновением в рамках старого земского либерализма течения, которое получило в историографии наименование «новый либерализм»¹. К его характерным чертам, принципиально отличающим данное течение от интеллектуальной либеральной традиции второй половины XIX в., следует отнести: в идеологическом плане приращение к классическим либеральным составляющим требований социального характера; в социальном составе изменения происходят за счет включения демократически настроенной интеллигенции; тактика нового либерализма предполагала возможность признания политической революции, как формы борьбы и отход от идеи перспективности сотрудничества с существующей властью. Готовность к сочетанию идейной борьбы с активными практическими действиями позволило новому либерализму выступить как самостоятельной политической силе. Вопрос о национально-государственном устройстве России являлся частью нового и старого либерализмов на теоретическом уровне. На уровне политической практики политический курс по решению проблем национально-

¹ Шацилло К.Ф. О составе русского либерализма накануне революции 1902–1905 годов // История СССР. 1980. № 1. С. 62–74; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 132–140; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000; Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16.

государственного устройства в Российской империи был разработан в рамках нового либерализма.

Теоретиков либерального движения конца XIX–начала XX в., занимавшихся вопросами национально-государственного устройства, можно условно разделить на две группы. Одни из них, П.Н. Милюков и П.Б. Струве, в большей степени уделяли внимание интерпретациям и сущностным характеристикам ключевых понятий «нация», «национальность», «национализм». Ко второй категории следует отнести практикующих юристов-государствоведов, которые решали национальный вопрос с точки зрения выстраивания взаимоотношений на административно-правовом уровне между центром и окраинами в рамках одного полиэтнического государства. Среди представителей данной условной группы следует назвать Ф.Ф. Кокошкина, Н.И. Лазаревского, В.М. Гессена. Теоретические взгляды названных либеральных юристов начала XX в. можно отнести к получившему распространение в этот период интеллектуальному направлению «возрождения естественного права», которое «актуализировало принцип абсолютности и неотчуждаемости прав личности, ставя в то же время проблему их идеологического и юридического обоснования в конституционном праве»¹. Для большинства либералов-теоретиков конца XIX–начала XX в. данная доктрина служила основанием критики российского политического строя и обоснованием необходимости его преобразования на правовых началах: «Безоглядный централизм дореволюционного режима, насильственная русификация, подавление национальных особенностей, не говоря уже об ограничении некоторых народностей в элементарных гражданских правах, – все это создало или обострило, по мнению современников, ряд национальных вопросов в России: финляндский вопрос, польский, еврейский, украинский, армянский и пр.»².

¹ Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX–начала XX вв. М., 2010. С. 264–265.

² Бенедиктов Б. П.Н. Милюков и национальный вопрос // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия 1859–1929. Париж, 1929. С. 207–208.

Хронологические рамки исследования предполагают выбор для анализа ограниченного числа работ названных мыслителей. Позиция по национально-государственной проблематике большинства из названных деятелей либерального движения претерпит изменения, будет подвергнута доработке или даже пересмотру в меняющихся исторических условиях Российской империи до 1917 г. Тем более, содержательно отличаются работы, созданные уже в эмиграции, после территориальных изменений на постимперском пространстве, а некоторые из них содержат анализ принципов образования СССР (например, исследование «Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России)» П.Н. Милюкова¹). Однако для понимания теоретических подходов представителей нового либерализма в предпарламентский период мы ограничимся исследованиями и публикациями, созданными в период 1890-х–1906 гг.

Вопросы, связанные с определением и интерпретацией таких ключевых понятий национально-государственной проблематики, как «нация», «национальность», «национальное государство» являлись объектом исследования П.Н. Милюкова большую часть его научной и политической жизни. Исследователи сходятся во мнении, что, попытавшись очертить хронологические рамки исследовательского процесса выходом конкретных работ, нижней границей выступит лекция о разложении славянофильства, прочитанная им 22 января 1893 г. в Историческом музее², а верхней опубликованная уже в эмиграции работа «Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России)»³. По мнению современников, редко у какого политика научная, теоретическая деятельность была так тесно, так органично связаны с практической, политической деятельностью, как у П.Н. Милюкова. В максимально полном и обобщенном виде его взгляды по национальному

¹ Милюков П.Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1925. С. 183–192.

² Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893.

³ Милюков П.Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1925.

вопросу получили отражение в третьем томе «Очерков по истории русской культуры», который называется «Национальность и общественное мнение»¹. Выделяя причины, стимулировавшие обращение П.Н. Милюкова к проблемам нации, М.К. Стокдэйл называет его обширное путешествие по Балканам в 1897–1899 гг., где он смог непосредственно ознакомиться со славянскими национально-освободительными движениями, а также окраинную политику российского правительства². В подходе П.Н. Милюкова к национальному вопросу преобладал трезвый анализ ученого. Б. Бенедиктов отмечал, что «П.Н. Милюков был одним из тех немногих, очень немногих политических деятелей в России, которые воспринимали национальную проблему во всей ее глубине и понимали ее огромное политическое значение»³.

Концептуальные положения теории развития наций П.Н. Милюкова сформулированы во введении к третьему тому «Очерков по истории русской культуры». Мыслитель выделяет народное и общественное самосознание, которые находятся в тесной связи при формировании национальности. «В народном сознании, по закону контраста, запечатлевалось преимущественно то, что составляло особенность, отличие данной национальности от соседних, и этот *национализм* переносился из области внешней политики в область внутренней», чем выше уровень развития общественной мысли, тем быстрее происходит смена содержания народного самосознания: «Из *«национального»* оно должно было сделаться *«общественным»* в смысле лучшего понимания требований современности в этой области и более активного отношения к этим требованиям»⁴.

Носителями национального самосознания, по П.Н. Милюкову выступают представители социальных групп, стремящихся к сохранению прежних

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901; Вып. 2. СПб., 1903.

² Stockdale M.K. Miliukov, nationality and national identity // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 277.

³ Бенедиктов Б. П.Н. Милюков и национальный вопрос // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия 1859–1929. Париж, 1929. С. 207.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 2.

порядков и традиций («остатков прошлого»), а общественное самосознание принадлежит тем, кто занимается созданием «лучшего будущего». Из данного утверждения автора следует, что «национальное самосознание» представляется с характером более или менее традиционным, тогда как «общественное самосознание» имеет характер по преимуществу реформаторский¹. Однако это не дает оснований для характеристики национальности, как чего-то традиционного и неизменного. П.Н. Милюков критикует примордиалистов, утверждая, что «национальность» есть самый современный ему продукт.

Автор поочередно анализирует признаки национальности, выделяемые исследователями в XIX в. в качестве основных: физиологические, территориальные, языковые. При этом он отходит от распространенной в тот период точки зрения, что основы современной национальности следует искать в понятии «раса», так как, по мнению исследователя, этому мешает наличие преимущественно смешанных рас, анатомические признаки которых менялись на протяжении длительного периода истории – современные национальности включают в себя людей самого разного физического строения. Более того одна и та же раса могла выступить в качестве исходного материала нескольким национальностям. В более расширенной трактовке это обоснование будет представлено в его работе «Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России)»².

Значительно большее влияние, по мнению ученого, на формирование национальностей оказывает фактор «природы», а именно климат, качество почвы и другие географические условия. Однако период влияния данного фактора, как и предыдущего относится к гораздо более ранним периодам истории, чем зарождение «современных “национальностей”»³.

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 3.

² Милюков П.Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1925. С. 27–37.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 4.

П.Н. Милюков, рассматривая современные ему национальности, как явление исключительно социологическое без примеси антропогеографического и естественно-исторического влияния, сталкивается с проблемой определения «социологического». Отказываясь от «несколько мистической “коллективной души”», он утверждает, суммируя исследования современных ему социологов, что единственным носителем коллективного сознания является сознание индивидуальное, поэтому «*психическое взаимодействие умов со всеми приемами и результатами этого взаимодействия является основной чертой, отличающей новую группу явлений, социальную, от всех других*»¹.

Исходя из столь общего определения понятия «социального» П.Н. Милюков выводит определение понятия национальность, которая «представляет собой социальную группу, располагающую таким единственным и необходимым средством для непрерывного психического взаимодействия, как язык, и выработавшую для себя постоянный запас однообразных психических навыков, регулирующих правильность и повторяемость явлений этого взаимодействия»². Язык становится в концепции П.Н. Милюкова главным признаком национальности, практически полностью совпадая с ней по смысловому полю: «пределы одного – тождественны с пределами другого»³.

В качестве доказательства данной мысли автор приводит пример стремления к языковой унификации в одном государстве, к распространению государственного языка на другие народности, использованию языка как средства слияния в полиэтнических государствах. При этом, язык, по мнению П.Н. Милюкова, оказывается самым нестойким признаком национальности. Достаточно двух-трех поколений, чтобы сменить язык, а, следовательно, и национальность в отдельных социальных группах. Таким образом, «психическое взаимодействие, которое составляет необходимое условие национального сознания, в конце концов, служит ему для распространения выработанного

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

этим сознанием, обыкновенно, в резких, лапидарных чертах, понятия о самом себе, т.е. об отличиях национального типа»¹.

Процесс выработки понятия о национальном типе идентичен, по мнению ученого, у всех социальных групп. И его характерной чертой в данном случае становится отражение характера создающей его эпохи. Такой эпохой становится период территориального объединения наций и столкновений национальных групп. Язык в этом случае становится основной причиной сознания несходства². Дальнейшая эволюция национального самосознания, по П.Н. Милюкову, возможна только в изменяющихся исторических условиях, а именно при «значительной степени быстроты правильности психического взаимодействия между членами общества», которое возможно в условиях урбанизации и развития периодической печати. Неотъемлемыми условиями эволюции общественного самосознания становятся «ослабление военной деятельности нации, разнообразие интересов внутри нации, переход к мирному взаимодействию нации с соседними общностями»³. Таким образом, в период оформления национальностей происходит переключение с внешней политики на внутреннюю: наиболее заинтересованная часть общества переключается с внешней национальной борьбы к внутреннему общественному строю.

П.Н. Милюков выделял два этапа в развитии общественного сознания в России. Первый – *органический* – относится к периоду «созидательной государственной работы», когда общественное сознание развивалось в рамках контраста русской национальности с окружающими ее народностями. Речь идет о создании нации в XVIII в. Второй *критический* период, по мнению П.Н. Милюкова относится к XIX в., когда старые национальные идеалы уступили место в общественном мнении новым, которые подверглись упреку в

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 10–11.

«космополитизме» со стороны «патриотов» доброго старого времени (период сознания нации)¹.

Читая лекции в Чикаго в 1903 и 1904 гг. П.Н. Милюков подготовил работу «Россия и ее кризисы», в которой нашли развитие идеи по национальному вопросу из «Очерков по истории русской культуры» и лекции «Разложение славянофильства»². Впервые книга была опубликована в Чикаго в 1905 г. на английском языке, затем была переведена с дополнениями на французский язык, в русскоязычном варианте исследования до сих пор нет. В данной работе П.Н. Милюков признает, что национальный вопрос становится одной из существенных проблем российской власти в конце XIX в., обосновывая это политикой имперского правительства по отношению к присоединенным окраинам, которая «создавала новых врагов самодержавия, усложняя таким образом, задачу самосохранения»³.

Подготовку и издание трудов «Очерки по истории русской культуры» и «России и ее кризисы» следует рассматривать в плотном историческом контексте эпохи их создания. Рубеж XIX–XX вв. характеризовался развитием либерального движения в России, сменой царствований, ожиданием назревших перемен. В концепции П.Н. Милюкова периодизация перехода национального самосознания в общественное самосознание свидетельствует о развитии критических взглядов политически ориентированной части российской общественности. Автор уверен, что русское общество готово к самокритике, к внутреннему реформизму, к тесному контакту с другими национальностями и трансферу их опыта на российскую действительность, и, в первую очередь, политического. Существенную роль в этом процессе должна была сыграть русская интеллигенция.

В отличие от П.Н. Милюкова, второй признанный идейный лидер русского либерализма начала XX в. П.Б. Струве не оставил обобщающих работ

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. СПб., 1901. Вып. 1. С. 3.

² Милюков П.Н. Разложение славянофильства. М., 1893.

³ Miliukov P. Russia and its Crisis. N.Y., 2005. P. 382.

по проблемам наций и национализмов, однако авторская публицистика исследуемого периода позволяет проанализировать его подходы к определению и решению национального вопроса.

Начало XX в. стало для П.Б. Струве определяющим в связи с изменениями в его мировоззрении. На это время приходится отход мыслителя от легального марксизма и сближение с представителями политически активной части земского либерального движения. Весь интеллектуальный путь П.Б. Струве можно представить, как постепенное смещение его мировоззренческих предпочтений слева направо. Однако это не мешало ему на протяжении всей своей жизни быть верным однажды выбранным принципам: приверженность свободе, государственности, национализм и западничество¹. Начав свою интеллектуальную деятельность как легальный марксист, П.Б. Струве сыграл одну из главных ролей в формировании нового либерализма в России, принимал участие в организационном оформлении конституционно-демократической партии, а впоследствии разошелся с большинством из ее членов по идейным соображениям, заняв более правые позиции, основанием для чего, по мнению О.Ю. Малиновой, стал «воинствующий патриотизм», определявший политическое кредо Струве².

Статья П.Б. Струве «В чем же истинный национализм?» Опубликованная в 1901 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» рассматривается исследователями в качестве одной из первых статей Струве-либерала. Р. Пайпс видит теоретические основы теории либерализма П.Б. Струве, сформулированной в этой статье, в идеях Фихте, Лассаля и Ивана Аксакова. Он определяет данную теорию, как одну из наиболее амбициозных попыток

¹ Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX–начало XX в.). М., 2000. С. 124.

² Малинова О.Ю. Две концепции «либерального национализма»: П.Б. Струве и П.Н. Милюков // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 463.

за всю историю российской политической мысли разработать последовательную доктрину национально-демократического либерализма¹.

Статья была подготовлена накануне отъезда автора в эмиграцию для организации издания нелегального либерального журнала «Освобождение». Автор идентифицирует себя как представитель либерального течения общественной мысли, заявляя, что «истинный исторический облик и морально-политический смысл либерализма давно пора восстановить»². Одним из условий возрождения исторического облика либерализма П.Б. Струве считал включение в его философию национальной идеи. Уникальность политической теории П.Б. Струве О.Ю. Малинова обосновывает тем, что уже в это время в ней обоснование ценностей свободы и прав человека основывается на патриотической концепции развития великой русской нации³.

Из идеи о том, что основой любого национализма является «неоспоримое, всякому известное, могущественное чувство любви к своей родине и своему народу»⁴ Струве выводит постулат о позитивном характере национализма и необходимости очистить его от примесей, которые закрепили за данным понятием четкую ассоциацию с национальным эгоизмом. Формирование национальной идеи у европейских народов П.Б. Струве относит к рубежу XVIII–XIX вв.

Автор связывает этот процесс с событиями Великой французской революции, которая всецело была проникнута национальным духом. Второй европейской страной, в которой в этот период начали оформляться национальные чувства, по его мнению, стала Англия, в которой этот процесс принял форму антиякобинской реакции. Сравнивая Англию и Францию сквозь призму проявления национальных чувств, П.Б. Струве приходит к схожему с

¹ Пайпс Р. Струве: левый либерал 1870–1905. М., 2001. С. 423.

² Струве П.Б. В чем же истинный национализм? // Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1902. С. 541.

³ Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX–начало XX в.). М., 2000. С. 125.

⁴ Струве П.Б. В чем же истинный национализм? // Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1902. С. 527.

П.Н. Милюковым выводу о психологической природе национализма. Более того, данное сравнение позволяет ему констатировать субъективность сменяющегося содержания национализма при сохранении единой идеи-формы, из чего следует единство идеи национализма, выраженного через патриотизм, для всех европейских народов, в той или иной степени.

П.Б. Струве признает за человеческой личностью уникальное право выступать в качестве субъекта эмпирического мира, в том числе и политики. В этом контексте ни национальный дух, ни, тем более государство, не могут рассматриваться в качестве сущностей противоположной личности. Именно поэтому у автора «общественно-политическое начало свободного национального творчества всецело сводится к свободному индивидуальному творчеству»¹. Таким образом, приоритетное значение в развитии национального духа отводится признанию прав человека, которые являются основой теории классического либерализма: «без такого признания весь национализм есть либо пустое слово, либо грубый обман или самообман ... Либерализм в его чистой форме ... и есть единственный вид истинного национализма»².

П.Б. Струве определяет двойственную природу патриотизма через образы матери и дитя: «Мы все любим родину, как дитя любит мать. Но родина нам не только мать она в такой же мере – наше дитя». Подобного рода сравнения интерпретируются Струве как обязанность, с одной стороны, сохранять основы духовной и культурной жизни, с другой стороны – потребность двигаться вперед и развивать основы национального духа и, следовательно, национализма. Таким образом, в статье «В чем же истинный национализм?» автор подвергает критике, как славянофильский проект национальной идеи, основанный на традиционной архаической культуре («воспоминание»), так и марксистский вариант, т.к. в нем государство выступает отдельной субстанцией, в жертву которой могут быть принесены интересы отдельной личности. Единственным способом «любить и беречь мать, не принося в жертву дитя,

¹ Струве П.Б. В чем же истинный национализм? // Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1902. С. 541.

² Там же. С. 542.

... заключается в признании прав человеческой личности на свободное развитие»¹.

Особое внимание в контексте утверждения прав и свобод личности как основы развития национальной культуры П.Б. Струве уделяет русскому народу в составе полиэтнической Российской империи, что нашло отражение в статье «Право и права», опубликованной под псевдонимом П.И. в газете «Право» в 1901 г.² Публикация вызвала интерес среди либеральной общественности смелостью и новизной подхода. В частности, в общественной хронике «Вестника Европы» отмечалось, что статью Струве можно рассматривать в качестве целой программы к действию³.

Обращаясь к истории русского народа, автор утверждает, что «русская история создала своеобразную и сильную нацию, непререкаемое бытие которой внушает лучшим русским людям не стремление поглотить и урезать чужие, внешне и внутренне более слабые национальности, а, наоборот, чувство широчайшей национальной терпимости и доброжелательства»⁴. С ростом культурного и духовного уровня населения, растет потребность в естественных правах личности. Отсутствие опыта и желания самостоятельного культурного и политического правоприменения приводит, по мнению Струве, к упадку и оскудению духовной и материальной составляющей национальности. Для того, чтобы русская нация продолжала оставаться титульной и могла соперничать с другими нациями, населяющими империю, распространение прав и свобод личности должно быть осуществлено, в первую очередь, именно на нее. Еще одним средством к достижению поставленной цели, по мнению П.Б. Струве, является «групповая самодеятельность», т.е. широкое местное самоуправление⁵.

¹ Струве П.Б. В чем же истинный национализм? // Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1902. С. 555.

² П.И. Право и права // Право. 1901. № 2. Ст. 88–91.

³ Общественная хроника // Вестник Европы. 1901. Т. 1. Кн. 1/2 (январь–февраль). С. 889.

⁴ Струве П.Б. Право и права // Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1902. С. 524.

⁵ Там же. С. 525.

Развитие идеи П.Б. Струве получили уже на страницах нелегального печатного органа либерального движения «Освобождение», редактором которого он был и, находясь в эмиграции, мог публиковать свои статьи без псевдонимов. Идеи тесной связи патриотизма и национализма, приоритета прав русской нации нашли отражение уже в первом номере в статье «От редактора»: «наш русский народ, якобы главенствующий в сонме народов, образующих русскую державу, на самом деле, быть может, всех более изнывает под всеохватывающей и постыдной полицейской опекой. И в тоже время правительство – в интересах своего самосохранения – цинически эксплуатирует самую русскую национальность, ею прикрывая и освящая жестокую политику угнетения и обезличения других национальностей»¹. Возможность открыто обсуждать механизмы удовлетворения правовых потребностей национальностей, населявших Российскую империю, переводила данный вопрос из теоретической плоскости в практическую. Последующие публикации П.Б. Струве будут рассмотрены уже как часть общей дискуссии о национальной составляющей программы либерального движения в первом параграфе второй главы данной работы.

Таким образом, в работах П.Н. Милюкова и П.Б. Струве обозначены ключевые теоретические подходы к пониманию нации и источников формирования национального самосознания. Отдельные авторские публикации, переводящие теорию национального вопроса в практику национально-государственного устройства, будут созданы ими уже в думский период.

В данном контексте выделяется теоретическая статья В.М. Гессена «Народ и нация», опубликованная в 1898 г. в журнале «Образование»². Владимир Матвеевич Гессен известный юрист и правовед конца XIX–начала XX в. занимался вопросами теории правового государства, а также стремился к воплощению этой теории в рамках российского государства выступая активным участником либерального движения. Сформулированное в статье по-

¹ Струве П.Б. От редактора // Освобождение. 1902. № 1. С. 1.

² Гессен В.М. Народ и нация // Образование. СПб., 1898. № 4. С. 59–75; № 5–6. С. 59–72.

нятие «нация» будет применено автором в 1906 г. при разработке вариантов решения вопроса о национально-государственном устройстве России.

В.М. Гессен относит национальную идею к основным причинам существования современного ему социального строя наравне с идеями политической свободы и социального равенства. Динамизм XIX в., по сравнению с веком предыдущим, по его мнению, определяется активным влиянием этих идей. Выделение XIX в. как времени, отличающегося от всей предыдущей истории на основании эволюции общественного мнения и интенсивности общественной жизни, характерно для большинства либеральных теоретиков. Позиция В.М. Гессена в области теоретического осмысления национального вопроса определяется его трактовкой двух ключевых понятий: народ и нация. «Народ – это организованная группа людей, объединенная и обособленная от смежных групп государством»¹. «Нация – совокупность людей, сближенных сознанием общности душевного, умственного и отчасти физического склада, – общности исторически выработанной и ставшей наследственной»². Таким образом, понятие «народ» является юридическим и непосредственно связано с государством, образование и существование народа обосновывается исключительно внешним фактором. В противовес ему нация – понятие культурное и образуется исключительно из внутреннего субъективного начала – национального самосознания. В свою очередь под национальным самосознанием понимается чувство национального родства и национальной обособленности, которое создается общей культурной и политической (особенно) историей³.

Так же, как и П.Н. Миллюков, выводя понятие «нация» от обратного, В.М. Гессен отказывает в конституирующем начале таким признакам, как принадлежность к определенной расе, территории и религии. Даже язык, по мнению ученого, не может являться нациообразующим признаком, т.к. языковые различия существовали «везде и всегда», а нация, согласно Гессену,

¹ Гессен В.М. Народ и нация // Образование. 1898. № 4. С. 60.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 67–68.

явление, появляющееся исключительно в XIX в. Автор предлагает датировать начало процесса зарождения национального самосознания у европейских народов завершением наполеоновских войн¹. Гессен также предлагает критерий, по которому можно определить факт прекращения существования социальной группы как нации. Им выступает не только и столько политическое слияние одной нации с другой, сколько утрата своей культурной обособленности. Таким образом, в рамках одного государства могут сосуществовать несколько наций и их политическая инкорпорация в единое государственное тело возможна без ущерба для национального самосознания. Как и П.Н. Миллюков, В.М. Гессен относил нацию к психическому феномену, что делает это понятие «крайне неопределенным», в отличие от народа².

Это определение понятия «нация» нашло воплощение в концепции Гессена, согласно которой субъектом международного права может выступать только подданный, а совокупность подданных образует народ, но не нацию. Таким образом, по Гессену основным элементом *современного* государства является не нация, а народ, а национальный вопрос является вопросом политики, а не права. В связи с этим Гессен признает потребность в национализации народа и принимает получившую распространение в Европе идею национального государства.

Теоретической основой для подобных выводов автора стала работа Д.С. Милля «Размышления о представительном правлении»³, в которой доказывается непосредственная связь между многонациональным составом государства и абсолютистской формой правления. Эволюция формы государственного правления от абсолютизма к представительству связано с образованием национальных государств.

Приводя в качестве примера образование национальных государств в Европе в XIX в. В.М. Гессен рассматривает ситуацию образования Германской империи, основу которой составила единая германская нация, призна-

¹ Гессен В.М. Народ и нация // Образование. 1898. № 4. С. 65.

² Там же. С. 68.

³ Милль Дж.С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863.

ние Австрией наличия унии с Венгрией, объединение Италии и т.д. Процессы формирование европейских национальных государств начиная в XIX в. продемонстрировали один из успешных механизмов преобразования народов в нации. Тем не менее, в истории современных государств Гессену удастся найти примеры, когда инициатором создания наций выступает государство. К ним относятся истории создания североамериканской и швейцарской наций, каждая из которых объединилась благодаря «ассимилирующей, объединяющей силе государственного начала». Именно эти примеры использует автор для отказа каждой из современных ему наций в праве образования государства: «ибо национальный принцип в одинаковой степени торжествует как в том случае, когда нация создает государство, так и в том, когда государство создает нацию»¹. Таким образом, ученый сохраняет за Российской империей возможность остаться единым геополитическим целым и субъектом международного права в границах конца XIX в.

Далее В.М. Гессен приводит несколько вариантов взаимосвязи, которые могут быть между народом и нацией. Нация может быть больше, чем народ и распределиться между несколькими государствами, или отдельная часть нации может образовать свое собственное государство. В последнем случае может образоваться отдельная нация. В качестве примера В.М. Гессен приводит отделение североамериканских колоний от европейской метрополии и создание североамериканской нации.

Второй вариант, наиболее распространенный, когда народ больше нации. В таком случае государство может состоять из определенной нации и нескольких «чуждых ей этнографических групп, лишенных самостоятельного национального характера». Ярким примером подобных отношений, по мнению В.М. Гессена, является Россия в отношениях с восточными инородцами. Результатом такого сосуществования станет не только культурная, но и политическая ассимиляция русскими инородных этнографических элемен-

¹ Гессен В.М. Народ и нация // Образование. 1898. № 5–6. С. 67.

тов¹. Основами для ассимиляции в концепции ученого выступает превосходящая численность и более высокий уровень культурного развития русских по сравнению с восточными инородцами.

В.М. Гессен признавал возможность федеративного устройства многонациональных государств только в том случае, если государство состоит из нескольких культурно и материально равноценных наций. В качестве примера автор выбирает Швейцарию, именно к опыту этой страны затем достаточно часто будут обращаться представители нового либерализма на начальном этапе разработки политического курса по национально-государственному устройству России.

Ученый полностью отрицает возможность ассимиляции государственными усилиями наций, которые резко обособлены друг от друга, имеют компактную территорию проживания, собственный язык и религию, отличные от государственных. Определяя нацию как психологический феномен, Гессен исключает возможность ее инкорпорации в государство через насильственное уничтожение внешних признаков. Условием сохранения целостности государства может выступать только продуманная политика центра, направленная на духовное сближение господствующей и завоеванной наций. В данном случае, В.М. Гессен принимает предложенную Б.Н. Чичериным формулу, согласно которой только совместное движение вперед позволит сохранить единство: «можно положить общим правилом, что, если народ хочет привязать к себе подвластные народности, он не только должен оказать им полную справедливость, но он должен стать выше их, излив на них новые, неведомые дотоле блага»².

Дальнейшее развитие теоретические основы национально-государственного устройства России в новом либерализме получают уже в новых политических условиях. События Первой русской революции, в частности Манифест 17 октября 1905 г., даровавший подданным Российской им-

¹ Гессен В.М. Народ и нация // Образование. 1898. № 5–6. С. 68.

² Там же. С. 71.

перии свободу слова и изменения в политической системе, приводили к активизации процессов партийного строительства и разработке программ политических партий. Неотъемлемой частью программы конституционно-демократической партии стал вопрос о местном самоуправлении и децентрализации государства.

Юристы-государствоведы, приват-доценты столичных университетов в 1906 г. публикуют целый ряд брошюр, посвященных вопросу децентрализации в этнически гетерогенных государствах. Ими были теоретически проработаны такие ключевые понятия как федеративное и унитарное государство, автономия, децентрализация. Эта проблема приобретает значимость в контексте установки представителей либерального движения на сохранение целостности Российской империи и как следствие, ее полиэтнического характера. С другой стороны, стремление найти союзников в оппозиционной борьбе с самодержавием, обращает российских либералов к представителям окраинных территорий империи.

Обращает на себя внимание повышенный интерес к проблемам национально-государственного устройства в конце 1905–начале 1906 г. в условиях широкого революционного движения в европейской части России и на окраинах, получивший выражение не только в форме полемики на страницах столичных периодических изданий относительно единства и неделимости Российской империи, но и в подготовке и издании отдельных брошюр исследовательского характера. Широкому публичному обсуждению были подвергнуты теоретические понятия и подходы к решению вопроса о возможной форме административно-территориального устройства империи в условиях трансформации системы политической власти с учетом национальных особенностей отдельных территорий.

По этому поводу видный представитель либерального движения Ф.Ф. Кокошкин писал, что «вопросы государственного права и политики, еще недавно бывшие исключительным достоянием университетских аудиторий и специальных ученых трактатов, подвергаются всестороннему обсуж-

дению в широких кругах общества»¹. Характеризуя вклад данного юриста-государствоведа в разработку актуальных проблем переходного для российского государства периода, А.Н. Медушевский отметил, что Ф.Ф. Кокошкин «являлся одним из тех мыслителей, которые рано осознали необходимость для России теоретического разрешения проблем федерализма и автономии»².

Первой теоретической работой Ф.Ф. Кокошкина о формах национально-государственного устройства стала вышедшая в 1906 г. брошюра «Областная автономия и единство России». Ей предшествовал доклад о децентрализации системы управления на сентябрьском земско-городском съезде 1905 г., позже изданный в серии публикаций Партии народной свободы в качестве отдельной брошюры. Издание «Областная автономия и единство России» вышло в серии изданий для народа, т.е. в адаптированном виде, рассчитанном на массового читателя, тем не менее, с теоретической проработкой ключевых понятий форм государственного устройства, их взаимного соотношения³.

В издании автор рассматривает дефиниции «автономия» и «федерация» с целью выявления отличительных особенностей первой по сравнению со второй. По мнению ученого, «автономия – необходимый в представительном государстве порядок издания местных законов, который нужен там и постольку и в тех пределах, где, поскольку и в каких пределах нужны местные законы»⁴. Таким образом, понятие автономии не связано напрямую с решением национального вопроса в России. Отталкиваясь в своих рассуждениях от сходства двух понятий – автономии и федерации – в присутствии на местах в обоих случаях законодательных собраний наряду с общегосударственным представительством, Ф.Ф. Кокошкин выделяет два существенных отличия субъектов федеративного государства от автономии. Первое из них за-

¹ Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 3.

² Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX–начала XX в. М., 2010. С. 232.

³ Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906.

⁴ Там же. С. 14.

ключается в наличии, наряду с местными законодательными собраниями, и независимых от центральной власти исполнительных органов – правительства. Второй отличительной чертой федеративного устройства является закрепление права законодательной инициативы и ее реализации исключительно за местными органами. В государствах с автономным устройством территорий местное законодательство построено на началах взаимодействия провинциальных органов и центральной власти¹. С точки зрения Ф.Ф. Кокошкина, автономия представляет собой распространение принципа организации местного самоуправления на область законодательной власти, и областная автономия и местное самоуправление «суть явления одного и того же порядка»².

Автор рассматривает опыт реализации автономного принципа и федеративного устройства европейскими государствами. В качестве положительного опыта существования федерации приводятся часто встречающиеся в либеральной мысли примеры швейцарских кантонов, североамериканских штатов и Германии. В качестве опыта введения автономии в полиэтническом государстве имперского типа приводится Австрия, в которой, по мнению автора, именно из-за ограниченной реализации данного принципа «происходит неправильное течение государственной жизни»³.

Возникающая потребность во введении автономного устройства для обособленных территорий российского государства объясняется масштабом территории и нецелесообразностью сохранения за общегосударственным представительным органом решения местных вопросов, специфика которых будет непонятна большей части парламентариев. Государственное единство автор интерпретирует как верховенство (суверенитет) центральной государственной власти в противовес централизации и законодательной и административной унификации. Немаловажным, по мнению ученого, следует считать вопрос о представленности автономных территорий в общероссий-

¹ Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 9.

ском парламенте. Исключение их представителей можно было бы интерпретировать как признание независимости местного законодательства от центрального. Напротив, введение в общегосударственный парламент представителей автономных территорий является прямым подтверждением того, что главенство остается за центральными органами власти, а у автономии и центра существует общее законодательство, в разработке которого принимают участие представители всего населения государства. К внешним средствам объединения автономии с остальной частью государства должны выступать единство армии, внешнеполитических связей, и финансов: «данные отрасли государственной деятельности остаются всецело в руках центральной власти при самой широкой автономии»¹.

Еще один вариант интерпретации автономии был представлен создателем газеты «Право», известным юристом, приват-доцентом Петербургского университета, членом партии кадетов Н.И. Лазаревским, который в 1906 г. в издании Партии народной свободы опубликовал брошюру «Автономия»². В ней автор с юридической точки зрения изложил свои взгляды на природу данного понятия, его виды и перспективы реализации в российском государстве. Автор выделяет четыре формы степени самостоятельности территорий в различных по форме устройства государствах: самоуправляющаяся единица, автономная провинция, отдельное государство в составе союзного государства, и государства, состоящие в реальной унии³. В данной издании автор сосредоточился на проведении четких границ между данными понятиями. Под автономией он понимает территориальную единицу, «пользующуюся известными правами и в области законодательства». От местного самоуправления ее отличает самостоятельное осуществление местными органами власти полномочий не только административных, но и законодательных. Объем

¹ Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 14.

² Лазаревский Н.И. Автономия. СПб., 1906.

³ Там же. С. 4.

и предметную область законодательных прав учреждений автономной территории определяет при этом центральными органами власти государства¹.

Углубляя характеристику отличий автономии и местного самоуправления Н.И. Лазаревский обращает внимание на то, что обязательные постановления самоуправляющихся единиц (земств и городов) действуют в рамках существующего общего законодательства и противоречить ему не могут. Местные органы власти автономной территории получают право издавать законы, изменяющие общее законодательство по вопросам, выделенным в их ведение². Именно отношение к центральному законодательству является ключевым маркером при разделении местного самоуправления и автономного статуса.

Если разница между автономией и самоуправлением была принципиальным пунктом в большей степени для национальных территорий, претендовавших на автономию, то проведение границы между автономией и союзом государств составляла насущную потребность для агитации среди Европейской части России и споров с правыми партиями. В качестве примеров «отдельных государств», входящих в состав «союзных государств» Н.И. Лазаревский приводит Баварию, Саксонию, Пруссию, входящие в состав Германской империи, кантоны в составе Швейцарии, отдельные штаты в составе Соединенных штатов Северной Америки. Ограничительной чертой между этими государствами и автономными провинциями служит то, что у этих государств имеются свои права, основанные на праве полной собственности³. Под полной собственностью подразумевается автором наличие конституции, которая регулирует жизнь государства по всем вопросам внутреннего управления и законодательства, вплоть до определения формы организации данного государства.

Существенным отличием автономной провинции от союзного государства выступает подконтрольность и поднадзорность ее деятельности послед-

¹ Лазаревский Н.И. Автономия. СПб., 1906. С. 5.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 8.

ней и право центральной власти сузить автономные права или лишить территорию их полностью: «Итак, тот, кто желает автономии той или другой провинции, не желает окончательного отказа центрального правительства от каких бы то ни было его прав»¹. Целесообразность введения автономии для отдельных территорий государства обосновывается языковыми и культурными особенностями населения, сильным национальным самосознанием населения и наличием исторического опыта государственности. По мнению Н.И. Лазаревского, в случае присутствия всех названных признаков принудительная ассимиляция может привести к росту сепаратизма на окраинах, особенно в условиях демократизации народного движения: «Когда носителем местного национализма становится народная масса, то правительство по отношению к ней оказывается в совершенно беспомощном положении: никакие меры подкупа к ней по существу дела не применимы (на принципе подкупа местного крестьянского населения была основана реформа освобождения крестьян в Царстве Польском. Но вряд ли сами авторы этой реформы признают, чтобы она достигла намечающейся ими цели русификации страны)»².

Обобщающей публикацией по вопросу децентрализации управления и связи его с национальным вопросом в России стала работа «Автономия, федерация и национальный вопрос», вышедшая под редакцией В.М. Гессена³. По мнению автора, пробуждение национального самосознания и стремление к самостоятельности у национальностей в рамках абсолютных государств является непосредственным следствием борьбы населения за защиту естественных прав от посягательств полицейского государства. Введение национальной автономии может стать одним из средств прекращения конфронтаций. Однако, по мнению ученого, прибегнуть к этому средству можно только в условиях прекращения революционной борьбы и смены формы государственного устройства с абсолютистской на представительную, т.е. после перехода к правовому государству.

¹ Лазаревский Н.И. Автономия. СПб., 1906. С. 13.

² Там же. С. 25.

³ Автономия, федерация и национальный вопрос / под ред. В.М. Гессена. СПб., 1906.

Исторические условия, в которых создавалась данная работа кардинально отличались от конца 90-х гг. XIX в., когда была опубликована статья В.М. Гессена «Нация и народ». Появление возможности реализации на практике разработанной концепции национально-государственного устройства в условиях перехода от абсолютизма к конституционализму приводит автора к более подробной проработке обозначенной проблемы. Он выделяет ряд этапов в разрешении национального вопроса. Первый из них – реализация главного принципа правового государства – равенство всех граждан перед законом без учета сословной, религиозной и национальной принадлежности. Следующий – предоставление права на самоопределение в вопросах культуры, т.к. предложенное В.М. Гессеном ранее определение нации как общности известных культурных норм не изменилось.

Автор уточняет понятие национального самосознания, определяя его как всю сумму духовного и материального творчества нации, переходящего преемственно, из поколения в поколение¹. Право на культурное самоопределение предполагает свободу вероисповедания, трактуемое не только как свобода религиозных убеждений, но и независимость церкви, беспрепятственное употребление родного языка в общественной жизни (собраниях, печати, частных школах и т.д.). Изменилось отношение ученого к роли языка в определении национальной принадлежности. В.М. Гессен признал, что с незначительными исключениями можно признать, что *все члены одной национальности говорят на одном и том же, отличном от других, языке*. Более того, язык выступает основанием для создания отличной от других науки и литературы, таким образом, сближая всех говорящих на одном языке².

Вводя понятие политической автономии, как средства решения притязаний со стороны народностей, создавших определенную культурную индивидуальность, на частичную политическую самостоятельность, В.М. Гессен объединяет вопросы национальной и о децентрализации управления. Осно-

¹ Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 4.

² Там же. С. 5.

ванием для создания политической национальной автономии, по его мнению, могут послужить четкие географические границы и однородный национальный состав населения, который обеспечивает национальную самобытность территории. Как и раньше в своей работе «Нация и народ», В.М. Гессен предполагает возможность проведения ассимиляционной политики, но заявляет что «только при очень значительном культурном превосходстве поработителей получают более или менее ощутительные результаты». Революционные условия 1906 г. позволяли либералам открыто приводить примеры из практики имперской национальной политики, в отличие от предыдущего периода, когда обсуждение возможных вариантов решения проблемы сохранения единства полиэтнических государств осуществлялось исключительно на примерах зарубежных стран. По мнению ученого, «если можно еще верить, что надлежащее воспитание способно привить киргизам русские нравы и обычаи, то думать, что можно повлиять на направление мысли поляка или латыша, ... принуждая его обучаться всем предметам по-русски – значит вдаваться в утопизм»¹.

Значительное внимание представители нового либерализма уделяли при изучении проблем выстраивания отношений между центром и окраинами размерам государства и возможности его децентрализации. В этом вопросе они часто обращались к теоретическим работам известного немецкого профессора правоведа Георга Еллинека, разработчика теории несuverенных государств, согласно которой в крупных государствах невозможно осуществлять единое централизованное управление. Для этого субъектам федеративных государств или присоединенным к империям территориям, допускается передача определенного объема власти при полной утрате ими суверенитета. Даже в крупных государствах суверенитет возможен только один и принадлежит он центральной власти: «юридически государственное единство выражается в *верховенстве* (суверенитете) центральной государственной власти... Носителем этой верховной власти является *парламент*, где участвуют

¹ Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 12.

представители всех областей *и, общий всем, глава исполнительной власти*»¹. Аргументация отечественных либералов в пользу децентрализации во многом схожа с выделенными Г. Еллинеком мотивами: «невозможность в достаточной мере ознакомиться из центра с реальными жизненными отношениями отдельных частей государства; непригодность чуждой потребностям народа социально оторванной от него бюрократии к плодотворному управлению; ... гарантирование законности управления и противовес произволу центральных установлений»².

В работе под редакцией В.М. Гессена дается определение двух форм децентрализации государственной власти: административная и политическая. Административная децентрализация распространяется только на область управления и может осуществляться либо в форме самоуправления, либо носить исключительно бюрократический характер. Политическая децентрализация предполагает распространение ее и на законодательство. Под административной децентрализацией предполагается широкое местное самоуправление на основе идей и принципов парламентаризма. В Российской империи частичная административная децентрализация получила распространение с проведением земской и городской реформ 1864 г. и 1870 г. соответственно. Под областной автономией понимается передача части законодательных прав местным выборным органам власти: «характерный признак автономной области заключается в том, что вся власть, осуществляемая в соответственной области, как таковой, предполагает совместную деятельность области и господствующей государственной власти»³. Федерация представляется самой широкой формой самостоятельности субъектов государства, когда в федеративных конституциях оговорено *право союзных государств на самоорганизацию*, возможность свободно устраивать свои внутренние порядки, создавать отдельные конституции при ненарушении федерального основного за-

¹ Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 45.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 29.

кона¹. Из приведенного примера видно, что представители отечественной либеральной мысли начала XX в. сходились во мнении о необходимости разработки концепции взаимодействия национальных меньшинств, населявших окраины империи, и центра. При этом они расходились относительно путей решения данной проблемы в поликультурном и разноуровневом конгломерате национальностей, претендовавших на расширение не только культурных, но и политических прав.

На теоретическом уровне разработка вопроса о статусе отдельных национальных территорий в составе Российской империи, перспектив дальнейшей эволюции ее национально-государственного устройства началась до появления возможности презентации этих идей на уровне программ политических партий. Принципы решения «окраинного» вопроса находят отражение в трудах либерально-ориентированных историков и юристов, впоследствии вошедших в состав конституционно-демократической партии (П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, В.М. Гессена, Ф.Ф. Кокошкина, Н.И. Лазаревского), чьи теоретические представления легли в основу национальной составляющей программы партии. С точки зрения новых либералов для России наиболее подходящим вариантом перераспределения власти между центральными и региональными властями являлась законодательная децентрализация. Автономия, в свою очередь, в той или иной форме, должна была предоставляться постепенно, по мере «выяснения потребностей в ней местного населения и естественных границ автономных областей»².

Таким образом, в последней четверти XIX в. российское государство представляло собой континентальную империю с полиэтническим составом населения, который зачастую определял траектории выстраивания взаимодействия между центром и окраинами. На этот период в истории России приходится, с одной стороны, завершение территориального оформления империи, с другой – ускорение процессов модернизации, результатом которых

¹ Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 31–32.

² О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 15.

стало развитие интеграционных процессов в экономике и потребность в существовании единого административно-правового пространства. Отсутствие подобного пространства отчетливо проявилось в период проведения Великих реформ. Причины сложившейся ситуации заключались в разнице принципов, заложенных в основу деятельности окраинных и внутрироссийских органов местного самоуправления, судопроизводства, форм землепользования. Стремление к интеграции окраин в тело империи приводит к нарастанию противостояния центральных властей и местных сообществ, с одной стороны, и российской общественностью – с другой. Для представителей либерального направления общественной мысли права национальных меньшинств становятся одним из дискуссионных вопросов.

В последней четверти XIX в. несомненный приоритет в теоретическом осмыслении проблем национально-государственного устройства принадлежит таким представителям государственной школы, как Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин. Ими было дано определение понятия «нация». Все исследователи сходились во мнении, что нация представляет собой явление психологического свойства, т.к. является социальным объединением. Отправной точкой для российских либералов последней четверти XIX в. являлся тезис о том, что народы, проживающие на территории Российской империи, в подавляющем большинстве, не сформировались как нации. Именно поэтому они могут быть ассимилированы. В качестве исключения рассматривалось население таких обособленных в этническом и культурном плане окраин, как Царство Польское и Великое княжество Финляндское. В обоих случаях определяющим фактором для сохранения их в составе государства, по мнению либеральных мыслителей, являлась правильная выстроенная политика властей на данных территориях.

В вопросе о психологических основах формирования наций можно проследить преемственность между либеральной традицией последней четверти XIX в. и представителями нового либерализма, формирование которого, как интеллектуального направления, приходится на конец XIX в. и связа-

но как с внешними факторами (активизацией земского либерализма в период голода 1891–1892 гг., смена царствований в 1894 г. и надежда на либерализацию политического курса), так и с развитием либерализма как направления общественной мысли.

К числу идейных конструктов, которые были переняты теоретиками нового либерализма по национальному вопросу из предшествующего периода, следует также отнести признание самоценности личности, ее свободы и нравственного развития. Однако формальный характер признания гражданского равноправия представителями интеллектуального либерализма получил развитие в новом либерализме в разработке форм реализации прав национальностей, в том числе на культурное и политическое развитие.

К отличительным чертам теоретических наработок российских либералов рубежа XIX–начала XX в. (П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, В.М. Гессена, Ф.Ф. Кокошкина, Н.И. Лазаревского) следует отнести выработку основных типологий форм национально-государственного устройства. Критерием для классификации был выбран принцип распределения власти между центральными и региональными властями. Государства делились на федеративные, унитарные и конфедерации. Наиболее подходящей для России признавалась унитарная форма государственного устройства с введением элементов децентрализации, которая могла быть административной или законодательной. Первая предполагала возможность введения на обособленных территориях государства выборных органов власти, находящихся под непосредственным контролем центральных властей. В случае введения в регионе законодательной формы децентрализации, местные выборные органы наделялись правом издания региональных законов, действие которых было возможно исключительно в рамках общегосударственного законодательства. Еще одним из существенных отличий теоретических наработок новых либералов по вопросам национально-государственного устройства следует считать то, что децентрализация управления в рамках сохранения унитарного характера имперского

государства в России не связывалась напрямую с решением национального вопроса.

2. ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРОТОПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ВЫРАБОТКА ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

2.1. Национально-государственная проблематика на страницах либерального журнала «Освобождение»

Идейная и организационная составляющая процесса формирования и эволюции большинства общественно-политических движений связана с деятельностью периодических изданий, которые становятся не только центром притяжения единомышленников и трибуной для презентации и пропаганды ключевых идей, но и площадкой для их обсуждения, детальной проработки тактических и программных положений. К.Ф. Шацилло отмечал, что «только за 1898–1900 гг. земцы 12 раз обращались в министерство внутренних дел с такой просьбой и каждый раз получали отказ»¹. Формирование в конце XIX–начале XX в. в России либерализма нового типа, характерной чертой которого являлось расширение социального состава земского либерализма за счет демократически ориентированной либеральной интеллигенции, которая, в свою очередь, более оперативно реагировала на изменения политической ситуации, приводит к идее создания заграничного нелегального либерального журнала «Освобождение». Именно с началом выхода данного периодического издания исследователи связывают активизацию процесса консолидации либерализма нового типа, «который активно включился в борьбу за политическое освобождение России, предложил обществу собственную модель переустройства страны»².

Журнал возник на несколько лет раньше появления первых либеральных протопартийных организаций «Союза освобождения» и «Союза земцев-

¹ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 63.

² Канищев В.Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 6.

конституционалистов», именно он взял на себя роль первичной площадки объединения широких оппозиционных сил России. После организационного оформления нового либерализма, издание по-прежнему стремилось сохранить свою идейную и политическую независимость, несмотря на близость состава авторов и участников либеральных протопартийных организаций. На страницах журнала в теоретических статьях ведущих представителей либерального движения выкристаллизовывались основные пункты программ «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», а в последствии и будущей конституционно-демократической партии, в том числе и по проблемам национально-государственного устройства страны. Материалы, посвященные описанию событий в регионах и на окраинах империи, позволяли теоретикам нового либерализма, с одной стороны, выделять наиболее актуальные вопросы и концентрироваться на их разработке, с другой, – в поисках союзников вести пропагандистскую работу своих идей среди населения окраин.

В отечественной историографии достаточно подробно разработан вопрос возникновения и функционирования журнала «Освобождение»¹, поэтому обозначим только ключевые вехи данного процесса, имеющие непосредственное отношение к исследуемой проблеме. Печатный орган был создан по инициативе наиболее радикально настроенной части земских деятелей, большая часть которых относилась к тверскому земству, традиционно занимавшему левую позицию в земском либерализме. В своих воспоминаниях известный русский публицист и один из организаторов киевского отделения «Союза освобождения» В.В. Водовозов к числу активных создателей журнала относит И.И. Петрункевича, Ф.И. Родичева, князя Д.И. Шаховского, «ко-

¹ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985; Канищев В.Ю. Журнал «Освобождение» - орган либерального направления нового типа // Наше отечество. Страницы истории: Сб. науч. статей. М., 2005. Вып. 4. С. 61–70; Канищев В.Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

торые собрали на него довольно значительные деньги»¹. К этому времени земцы уже имели сорокалетний опыт организационной работы и достаточно материальных средств для мобилизации всех необходимых ресурсов на издание заграничного журнала. С июля 1900 г. в имени И.И. Петрункевич «Машук» происходит ряд встреч оппозиционно настроенных земских деятелей, на которых, по свидетельству В.Я. Богучарского, шла речь об организации нелегального либерального органа². Д.И. Шаховской отмечал в своих воспоминаниях, что уже к лету 1901 г. на заграничное издание были найдены необходимые средства³. Из переписки супругов Струве известно, что одним из финансистов журнала «Освобождения» выступил Д.Е. Жуковский, известный общественный деятель и издатель. Летом 1902 г. он внес личный вклад в организуемый журнал – 30 000 рублей золотом, и позднее, по свидетельству А.В. Тырковой, оплачивал большую часть расходов издания⁴. В воспоминаниях С.Л. Франка отмечено что, кроме Д.Е. Жуковского значительный материальные вложения в данный проект внес И.И. Петрункевич и на начало издательства были доставлены в Штутгарт «денежные средства в размере около 100 тысяч рублей, собранных в среде друзей, проникнутых общей мыслью о необходимости борьбы за конституцию»⁵.

На пост главного редактора, по свидетельству Д.И. Шаховского, выдвигались две кандидатуры: П.Н. Милюков и П.Б. Струве. Переговоры велись с обоими. С П.Н. Милюковым переговоры вел сам Д.Е. Жуковский, который приезжал к нему в Ловису (Финляндия) с предложением добровольной эмиграции и редакторского поста в планируемом к изданию за границей журнале. В своих воспоминаниях П.Н. Милюков отмечает, что ему «это предложение не улыбалось. Едва вернувшись в Россию, я не хотел от нее вновь от-

¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3196. Л. 70.

² Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 66.

³ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 529.

⁴ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 167.

⁵ Канищев В.Ю. Журнал «Освобождение» - орган либерального направления нового типа // Наше отечество. Страницы истории: Сб. науч. статей. М., 2005. Вып. 4. С. 63.

рываться с риском остаться навсегда эмигрантом и быть, таким образом, отрезанным от родины»¹.

Переговоры с П.Б. Струве вели представители тверского земства, т.к. после участия в студенческой демонстрации 4 марта 1901 г. его отправили в ссылку и местом ссылки Струве выбрал именно Тверь. По утверждению Д.И. Шаховского на положительное решение будущего редактора «Освобождения» оказало влияние тот факт, что он «ранее самостоятельно замыслил нечто в этом роде»².

В декабре 1901 г. П.Б. Струве выехал за границу, но уже с сентября этого года получал зарплату редактора журнала (3000 руб. в год). Первоначально он планировал обосноваться в Швейцарии, в Лозанне, но, вскоре, остановился на Штутгарте, на издательстве Дитца, где уже ранее им печаталась записка Витте «Самодержавие и земство» и где в это же время издавалась «Искра»³.

Сведения о том, что П.Б. Струве занят организацией издания нового нелегального журнала поступают в департамент полиции уже в апреле 1902 г., о чем министром внутренних дел было доложено императору⁴. В «Обзоре важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по делам о государственных преступлениях за 1902 г.» журнал «Освобождение» удостоился отдельного упоминания: «Знаменательным событием для русских социал-демократических организаций за границей было появление в 1902 г. новых периодических изданий: “Жизнь”, под редакцией бывшего участника фирмы “Знание” Поссе и журнала “Освобождение”, основанного бывшим приват-доцентом С.-Петербургского университета Петром Струве. “Освобождение” сразу заняло прочное положение стало распространяться в широких размерах, являясь органом вновь образовавшейся в

¹ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 141.

² Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 529.

³ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 75.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 500. Л. 99.

России группы “конституционалистов”, поставивших себе задачей проводить в русском обществе идею о необходимости политических реформ»¹.

Журнал «Освобождение» издавался с 1902 г. по 1905 г. в Штутгарте (J.H.W. Dietz, Stuttgart, Furchtbachstrasse 12), затем в Париже (Societe nouvelle de literairie et d'edition, Paris, 17, Rue Cujas)². В месяц выходило два номера, общий объем одного номера составлял 16 страниц. Всего было издано 79 номеров журнала. В годы русско-японской войны 1904–1905 гг. редакция «Освобождения» дополнительно издавала «Листок Освобождения», который содержал оперативную информацию о происходящих событиях и реакции на них в российском обществе.

Структурно 16 страниц каждого журнала включали статью от редактора, которая составляла значительную часть каждого выпуска. Как правило, она была посвящена одной из наиболее актуальных проблем или громкому событию в России. Затем следовал материал политического характера от постоянных авторов журнала. Д.И. Шаховской пишет, что «уже на святках 1901–1902 года, во время съезда естествоиспытателей в Петербурге, там устраивается беседа, где завязывают или возобновляют свое знакомство многие провинциалы, главным образом из состава третьего элемента, которые затем окажутся деятельными сотрудниками журнала»³.

В журнале также была постоянная рубрика обзора иностранной печати, посвященной России, раздел кратких сообщений и заметок о современном положении, объявлений, а также рубрика с информацией от корреспондентов или писем в редакцию. В журнале были введены вариативные рубрики для публикации материалов, поступавших из окраин империи (например, «От нашего гельсингфорского корреспондента» или «Письма о современной Польше»).

¹ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по делам о государственных преступлениях за 1902 год. Ростов н/Д, 1906. С. 126–127.

² Канищев В.Ю. Журнал «Освобождение» – орган либерального направления нового типа // Наше отечество. Страницы истории: Сб. науч. статей. М., 2005. Вып. 4. С. 63.

³ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 535–536.

Редакция журнала включала самого П.Б. Струве в должности главного редактора, его супругу Н.А. Герд-Струве, «которая в основном ведала рассылкой журнала, отчасти финансовыми вопросами, занималась также корректурой»¹, а также Ю.Г. Топоркову (Губареву) и И. Зака (Рувима Стрельцова), которые были секретарями издания. В Штутгарте за деятельностью редакции следили сотрудники заграничной агентуры. По донесению Л.А. Ратаева директору департамента полиции от 30 апреля 1903 г. редактор «Освобождения» размещался в 6-комнатной квартире в доме № 84 по Шло-сайтроссе. Условия наблюдения в Штутгарте оказались весьма неблагоприятными для ведения агентурной слежки. В рапортах отмечалось, что «Струве и его сообщники живут в глухих улицах в открытой, уединенной местности»². Департамент полиции был отчасти в курсе и того, кто сотрудничал с редакцией, перевозил журнал через границу, доставлял материалы в Штутгарт. Например, в одном из рапортов отмечалось, что «бывший студент Электротехнического и С. Петербургского технологического Институт Александр Карлов Спандиков близок к редакции “Освобождения” и, в качестве представителя этой редакции ездит в Россию для собирания литературного материала, причем он лично доставляет в редакцию этот материал, избегая посылать его по почте»³.

Все авторы публикуемых в журнале статей, за исключением редактора, пользовались псевдонимами. Часть из них в результате длительной и кропотливой работы удалось расшифровать советскому историку К.Ф. Шацилло, однако большинство корреспондентов остается пока неизвестными. С журналом сотрудничали известные общественные и политические деятели, публицисты, среди которых следует выделить П.Н. Милюкова, князей Петра и Павла Долгоруковых, В.Д. Набокова, И.И. Петрункевича, В.Я. Богучарского,

¹ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 64.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 1111. Л. 4.

³ Там же. Л. 1.

Б.А. Кистяковского, Д.И. Шаховского, А.В. Тыркову и др.¹ Из известных представителей окраин с «Освобождением» сотрудничали Арвид Неовиус и Леон Плахоцкий.

Существенную роль в определении степени влияния печатного органа на формирование общественного мнения играет его тиражность и зона распространения. Динамика тиража издания является маркером его популярности, востребованности и актуальности затрагиваемых на его страницах тем. Первый номер «Освобождения» вышел общим тиражом в 3 тыс. экз. На протяжении лета 1902 г. эта цифра постоянно увеличивалась и к седьмому номеру составила 6,5 тыс. экз. С июня 1903 г. тираж стал постоянным в 7–7,5 тыс. экз. Журнал «Освобождение» распространялся как за границей, так и в Российской империи, преимущественно в ее европейской части. Издание имело три формата: для распространения за границей его печатали на плотной бумаге в коричневой обложке. Для нелегальной транспортировки издавался без обложки. Третий тип журнала предназначался для пересылки в Россию почтой и печатался на очень тонкой рисовой бумаге².

В воспоминаниях многих близких к журналу деятелей остались свидетельства о способах его доставки и распространения. Как вспоминает В.В. Водовозов: «Получался журнал “Освобождение” в довольно большом количестве экземпляров, рассылаемых в запечатанных конвертах, ... пропал сравнительно небольшой %. Затем каждый экземпляр шел по рукам и зачитывался даже не до дыр, а до полнейшего уничтожения, что было неизбежно, так как экземпляры, предназначавшиеся для пересылки в Россию по почте, печатались на исключительно тонкой, почти папиросной бумаге»³.

В качестве одной из точек соприкосновения с окраинными оппозиционными движениями для журнала являлась его контрабандная доставка в

¹ Шацилло К.Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 111–114.

² Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 97.

³ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3196. Л. 169–170.

Россию. Большая часть журнала «Освобождение» ввозилась на территорию империи через Великое княжество Финляндское. В доставке журнала из Финляндии в Россию принимали участие не только участники местных групп близких к «Освобождению», но и случайные добровольцы. В качестве примера такого добровольца можно привести Ариадну Владимировну Тыркову, которая в ноябре 1903 г. не являясь на тот момент участником освободительного движения, по просьбе Екатерины Дмитриевны Кусковой (представитель Петербургской группы «Освобождения») согласилась привезти из Гельсингфорса часть тиража нелегального журнала. Попытка оказалась неудачной и Ариадну Владимировну вместе с ее попутчиком приват-доцентом Санкт-Петербургского университета Евгением Васильевичем Аничковым арестовали на станции Белоостров при провозе через границу значительного тиража журнала (333 экз.) и изданных его редакцией брошюр «Самодержавие и земство» и «Материалы по рабочему вопросу». По мнению Д.И. Шаховского, это был самый громкий грандиозный «первый (а в сущности, единственный) освободительный процесс»¹.

Таким образом, к 1902 г. представителям нового либерализма удалось впервые в истории либеральной публицистики организовать нелегальное заграничное издание, наладить широкую сеть его распространения и привлечь в качестве авторов видных представителей общественности и науки. Многие из них предпочитали не называть своих имен и использовали псевдонимы. Издание журнала за пределами Российской империи это позволяло. На страницах «Освобождения» выражались идеи и предложения представителей различных политических течений по всем сферам жизни российского общества. В журнале господствовал плюрализм мнений, выступающий дополнительным свидетельством либерального характера издания. Инициаторы создания либерального печатного органа с самого начала отвели ему роль площадки «для дальнейшей разработки и печатного обсуждения отдельных пунктов

¹ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 580.

платформы», на основе которой «могли бы сойтись и войти в определенное соглашение разнообразные кружки и группы, из которых имеет все шансы сложиться русская конституционная партия»¹. Именно поэтому анализ публикаций журнала «Освобождение» способствует более глубокому пониманию процесса выработки позиции либералов по вопросу национального государственного устройства России. Он позволяет определить содержание и объем данного понятия, а также его конкретное наполнение отдельными представителями нового либерализма.

В вышедшем 1 июля 1902 г. первом номере «Освобождения» были опубликованы сразу две программные статьи новых либералов: «От Редактора» и «От русских конституционалистов». Давая общую характеристику этим материалам, Д.И. Шаховской оправдывает отсутствие в них проекта реформ экономического и культурного характера тем, что, составители программы смотрят на дело чисто практически, считая что «экономические, финансовые, культурно-просветительские, административные реформы, рабочее законодательство и аграрный вопрос, децентрализация и переустройство местного самоуправления, – все эти и подобные им вопросы составляют неисчерпаемый материал для будущей законодательной деятельности представительного органа», ввиду чего на первый план выводится борьба за политические реформы»².

Несмотря на то, что журнал «Освобождение» издавался на частные пожертвования, в первую очередь, представителей земских учреждений, он не являлся проземским, а был призван объединить различные политические силы, находящиеся в оппозиции существующему бюрократическому режиму, сочувствовавшие введению широких гражданских и политических прав и свобод. Не предполагал он и национальных ограничений, что в свою очередь, позволяло существенно расширить базу оппозиционных сил, группировавшихся вокруг журнала, о чем писал в редакторской статье П.Б. Струве:

¹ От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1. С. 8.

² Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 535–536.

«Культурное и политическое освобождение России не может быть ни исключительно, ни преимущественно делом одного класса, одной партии, одного учения. Вопрос о свободе не есть просто один из многих вопросов “внутренней политики” и “пунктов партийной программы”. Здесь дело идет о достойном существовании личности и нации»¹.

Во вводной части статьи «От Редактора» автор обращает внимание на угнетенное положение населения Российской империи в национальном контексте, особенно на неудовлетворительное положение государствообразующего русского народа: «В частности наш русский народ, якобы главенствующий в сонме народов, образующих русскую державу, на самом деле, быть может всех более изнывает под всеохватывающей и постыдной полицейской опекой. И в то же время правительство – в интересах своего самосохранения – цинически эксплуатирует самое русскую национальность, ею прикрывая и освящая жестокую политику угнетения и обезличения других национальностей»².

В данном тезисе находят продолжение теоретические идеи, высказанные П.Б. Струве в публикации 1901 г. «В чем же истинный национализм?», согласно которым самым угнетенным среди народов Российской империи является русский народ. Более того, политика русификации, насильственная инкорпорация царскими властями окраин в состав империи в правовом и бюрократическом отношении, по мнению П.Б. Струве, проводятся от имени русского народа, что может привести к межэтнической вражде внутри государства: «Так идея народности обесценивается, становясь орудием достижения полицейских целей, чуждых народу и враждебных его культуре»³.

Права и свободы других народностей Российской империи были включены в общие пункты о необходимости введении принципов гражданского равноправия и освобождения от полицейского контроля и бюрократического гнета всего населения страны. Однако в первую очередь в подобной «воле»

¹ От редактора // Освобождение. 1902. № 1. С. 3.

² Там же. С. 1.

³ Там же.

нуждается русский народ, как народ государствообразующий. «Усложняющаяся жизнь великого народа властно требует широких политических форм, свободы и простора для личной и общественной самодеятельности. Всем слоям нашего народа необходимо “дать волю”, освободив личность и раскрыв все пути для союзной деятельности; всем национальностям нашего разноплеменного государства необходимо обеспечить равные права и возможность свободного и самобытного развития их национальных черт»¹. Подробной разработки средств и методов достижения данного положения в статье не дается.

Статья «От русских конституционалистов», опубликованная в том же номере, представляла программу конституционного направления, организовывающегося в рамках земского движения, призванную отмежевать их от более левых политических течений. На основе первичного проекта П.Н. Милюкова в 1902 г. в имени И.И. Петрункевича «Машук» было составлено Д.И. Шаховским, А.А. Корниловым, И.И. Петрункевичем и П.Н. Милюковым программное заявление от русских конституционалистов, которое впоследствии «свезли в Москву, еще раз обсудили и одобрили в кружке земцев и “лиц свободных профессий” и отослали за границу для помещения в первом (июньском) номере “Освобождения”»². В Москве в обсуждении проекта принимали участие В.И. Вернадский (в доме которого проходила встреча), А.А. Кизиветтер, П.И. Новгородцев, И.И. и М.И. Петрункевичи, Д.И. Шаховской и В.Я. Богучарский. По свидетельству А.А. Кизиветтера, «в этих текстах, с которыми мы все согласились, были четко формулированы все те основные положения, из которых впоследствии выросла программа конституционно-демократической партии»³. Обращает на себя внимание состав разработчиков заявления от конституционалистов: два земских деятеля (И.И. Петрункевич и Д.И. Шаховской), чья достаточно радикальная для земской среды позиция проявилась еще во второй половине

¹ От редактора // Освобождение. 1902. № 1. С. 1.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 164.

³ Кизиветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996. С. 336.

XIX в., и два приват-доцента (историки) (П.Н. Милюков и А.А. Корнилов). Так как в результате совещания в Москве изменений в текст, выработанный весной 1902 г., внесено не было. Это показало, с одной стороны, готовность новых либералов к совместным действиям, с другой – их идейную близость. Следовательно, можно с уверенностью говорить, что статья «От русских конституционалистов» принадлежит четырём вышеобозначенным авторам.

В статье историческая роль первого организованного представителя русского общественного мнения отдана земствам. Авторами декларировалась непосредственная связь нелегального журнала с российским земством и его ближайшая задача определялась в пределах выработки «такой программы совершенно определенных политических требований, на почве которой земство могло бы действовать совместно с другими общественными группами»¹. Одним из главных условий данной программы, наравне с ее принципиальностью, должна была стать исполнимость «при современных условиях социального и культурного строя». Именно этим объясняли авторы достаточно общие формулировки и неполное освещение отдельных вопросов в статье. В своих воспоминаниях П.Н. Милюков писал, что программа, опубликованная в первом номере «Освобождения» также «была рассчитана на объединение разнородных элементов земского – и даже не одного земского – движения»².

Первыми пунктами программы стали классические требования либерализма – обеспечение прав и свобод граждан, а именно: «1. Личная свобода, гарантированная независимым судом; ... 2. Равенство всех перед законом, и как его последствие, отмена всех исключений и изъятий национальных, сословных и религиозных»³. Из приведенной цитаты видно, что одним из способов решения части национальных проблем, существовавших в Российской империи, рассматривалось введение широких гражданских прав и свобод. Следует отметить, что по сравнению со статьей П.Б. Струве, здесь авторы постарались конкретизировать, о каких именно правах идет речь: «Примени-

¹ От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1. С. 7.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 165.

³ От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1. С. 7.

тельно к русской действительности, это, следовательно, прежде всего сводится ... к признанию полной свободы веры и совести; к отмене ограничений в сфере личного и имущественного права относительно евреев и поляков»¹.

Вопросы, касающиеся непосредственно будущего национально-государственного устройства страны, были отнесены к «законодательным задачам, решение которых предстоит будущему органу русского народного представительства», созыв которого является неотъемлемой частью представленной программы².

Анализ программных статей первого номера «Освобождения» позволяет сделать следующие выводы о содержании начального этапа выработки новыми либералами политического курса по национально-государственному устройству Российской империи в процессе перехода к конституционной форме правления:

- наблюдается преемственность между теоретическими наработками новых либералов конца XIX–начала XX в. и содержанием предварительных программных требований;

- принципы гражданского равноправия, как неотъемлемая часть либеральной идеологии, выступают для новых либералов первичным и базовым средством урегулирования части национальных проблем в полиэтнической Российской империи;

- разработка конкретных методов решения вопроса о будущей форме национально-государственного устройства России определялась как задача более позднего периода, когда будет функционировать всенародно избранный представительный орган;

- сохраняются расхождения обозначившиеся еще на теоретическом уровне между П.Б. Струве и П.Н. Милюковым в понимании принципов, которые должны быть заложены в основу организации взаимоотношений меж-

¹ От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1. С. 9.

² Там же. С. 10.

ду русским народом и другими народностями, населявшими Российскую империю.

Для П.Б. Струве русский народ – державообразующий и самый угнетенный, поэтому права и свободы должны быть предоставлены в первую очередь именно ему. Освобождение народов Российской империи, по мнению главного редактора «Освобождения», должно было начаться с титульной нации. В статье «От русских конституционалистов» находят практическое выражение теоретические подходы к решению проблем полиэтнических государств, предложенные П.Н. Милюковым, суть которых сводится к идее о необходимости предоставления всем народам империи равных прав и возможностей для самореализации. Таким образом, расхождение между П.Б. Струве и авторами заявления «От русских конституционалистов» проявились еще в допартийный период.

На начальном этапе (1902–1903 гг.) в большинстве статей проблема национально-государственного устройства на страницах «Освобождения» рассматривалась в контексте критики русификаторской политики царского правительства. Подобного рода публикации появляются уже в первый год выхода журнала относительно ужесточения русификаторской политики в Великом княжестве Финляндском, социально-политического развития Царства Польского после подавления восстания 1863–1864 гг. В 1903 г. отдельными статьями выходили материалы о развитии национального движения в Грузии и Малороссии. Часть материалов были посвящены не окраинным территориям, а проблемам отдельных народностей, например, еврейскому и армянскому вопросам.

За весь период существования журнала, максимальное количество статей поступило от корреспондентов из Великого княжества Финляндского и Царства Польского (польский корреспондент определял его как русскую Польшу). Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что с этими окраинами представителями российского либерального движения был налажен более тесный контакт.

Основными составляющими политической теории новых либералов выступали конституционная форма правления, гражданское общество, сформированное правовое сознание народа. В начале XX в. на территории Российской империи, по их мнению, эти принципы нашли хотя бы внешнее выражение в Великом княжестве Финляндском. Здесь, по мысли новых либералов, уже было все то, «что предстояло путем больших усилий возвращать в России – традиции конституционализма, развитое правовое сознание, законопослушность»¹. Тесная связь издательства «Освобождения» с представителями оппозиционного движения в Великом княжестве Финляндском (это был один из каналов доставки нелегального журнала в Россию²) привела к появлению на страницах издания публикаций по финляндскому вопросу.

В большинстве случаев речь идет о публикациях авторов финского происхождения, которые использовали «Освобождение» как площадку для освещения проблем в Княжестве и привлечения внимания к ним оппозиционно настроенной части российского общества. Действовавшие на территории Российской империи Временные правила о периодической печати 1882 г. не давали возможности легально обсуждать и оценивать политику русского правительства на окраине. Публикации финских и российских авторов, выходившие на страницах либерального журнала «Вестник Европы», носили обзорный характер³. Нелегальный характер «Освобождения» давал возможность открыто агитировать за возвращение конституционных прав Княжества, а также против дальнейших мероприятий правительства по инкорпорации окраины в административно-правовое пространство империи.

Уже в третьем номере «Освобождения» появляется статья ch. (псевдо-

¹ Дмитриева Н.В. Имперская национальная политика в либеральной общественной мысли конца XIX–начала XX века (на примере Великого Княжества Финляндского) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2018. № 2 (198). С. 48.

² Copeland W.R. The Uneasy Alliance. Collaboration Between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904. Helsinki, 1973. P. 94.

³ Из общественной хроники // Вестник Европы. СПб., 1885. Т. 5. Кн. 9. С. 420–428; Мехелин Л. Конституция Финляндии / в пер. К. Ордина // Вестник Европы. 1887. Т. 6. Кн. 11/12. С. 876–881; Из общественной хроники // Вестник Европы. 1889. Т. 3. Кн. 5/6. С. 850–863.

ним не расшифрован) «Сила и право в Финляндии», содержание которой сводится к доказательству факта существования в Великом княжестве Финляндском конституции, дарованной императором Александром I. Кроме этого, перечисляются мероприятия царствования Николая II, проведение которых нарушило особый статус территории в составе империи, и противоречило, таким образом, конституции.

Среди подобных мероприятий особенно выделяется введение нового Устава о воинской повинности 29 июня 1901 г., согласно которому «положение Великого Княжества Финляндского в составе Российской Империи налагает на его население долг участвовать в защите Престола и Отечества, подчиняясь наряду со всеми Нашими верноподданными узаконениям, единство Русской армии обеспечивающим»¹. Таким образом, Финляндия лишалась отдельных вооруженных сил, созданных при Александре II по воинскому уставу 1877 г. Автор подробно описывает способы борьбы финского населения с введением нового воинского устава, делая особый упор на законность действий местных общин и призывников, которые бойкотировали призывную кампанию. Отдельно были описаны насильственные меры российской власти во главе с Н.И. Бобриковым. Автор отмечает, что при введении в действие нового воинского устава «в Гельсингфорсе финляндцам пришлось по этому случаю свести знакомство с казацкими нагайками»². В конце статьи ch. констатирует, что «финляндскую конституцию можно уничтожить силой, но отрицать ее существование нельзя»³.

Новые мероприятия империи в рамках курса, ориентированного на русификацию края, побудили редактора «Освобождения» обратиться к финляндскому вопросу. В восьмом номере вышла редакторская статья «Новый удар нанесен вольностям и праву Финляндии». Отказываясь от простого перечисления мероприятий царского правительства, П.Б. Струве сосредоточил

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 21. 1901. СПб., 1903. № 20456. С. 713.

² ch. Сила и право в Финляндии // Освобождение 1902. № 3. С. 42.

³ Там же. С. 43.

ся на сравнительной характеристике окраины и центральной России: «Финляндия все более и более подпадает под то же самое ужасное иго беспринципной и бессовестной петербургской бюрократии, под которым страдает вся Россия»¹. Для полного сходства с Россией в Финляндии, по мнению П.Б. Струве, не хватает административной высылки, гласного полицейского надзора и «всех прелестей “Положения об усиленной охране”»². Принятие в Финляндии нового воинского устава в данном контексте позволяет, по его мнению, создать послушное орудие контроля – «армию ташкентцев (для этого на финляндскую службу открыт широкий доступ всем русским подданным нефинляндского происхождения)»³. Далее в статье П.Б. Струве переключается на общую критику самодержавного строя в России, вписывая, таким образом, проблемы на окраинах в общероссийский контекст: «отказывая стране в реформах, русское правительство дошло до того, что оно вынуждено всего бояться, все регулировать, пресекать всякое свободное движение»⁴. Используемый автором способ критики внутрироссийских порядков через проводимую империей политику унификации на окраинах достаточно часто можно встретить в русской публицистике конца XIX–начала XX в.

С декабря 1902 г. в журнале появляется отдельная рубрика «От нашего гельсингфорского корреспондента», посвященная Великому княжеству Финляндскому. Практически все статьи, публикуемые в ней принадлежат одному автору – Арвиду Неовиусу, использовавшему псевдонимом Ф.⁵ Цикл статей «От нашего гельсингфорского корреспондента» открывает пространная статья «Финляндский вопрос»⁶, которая была подготовлена для ознакомления читателей с общими вехами истории Финляндии в составе Российской импе-

¹ 29-го сентября (12-го октября) 1902 г. // Освобождение. 1902. № 8. С. 113.

² Там же.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же.

⁵ Шацилло К.Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 113.

⁶ Финляндский вопрос (От нашего гельсингфорского корреспондента) // Освобождение. 1902. № 13. С. 209–211; Ф. Финляндский вопрос (От нашего гельсингфорского корреспондента) (продолжение) // Освобождение. 1903. № 14. С. 241–243.

рии. В качестве источника для столь подробного рассказа автор использовал опубликованную в Берлине в 1900 г. книгу Б.Н. Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия», в которой порядка сорока страниц посвящены финляндскому вопросу¹. Ссылки на работу Бориса Николаевича в данном контексте не являются случайными, т.к. он был сторонником «теории особого государства», согласно которой существование в Великом княжестве Финляндском собственного законодательного органа (сейма), особого законодательства, денежной системы и бюджета позволяет определить его как особое государство, неразрывно связанное с империей, но не входящее в ее состав. Позднее в 1904 г. после смерти Б.Н. Чичерина, журнал «Освобождение» опубликует два его письма о финляндском вопросе, датированные 1899 г. и 1900 г., в которых найдет подтверждение обозначенная им позиция: «мне стыдно за свое отечество, во имя которого попираются самые торжественные, с высоты престола данные обещания; стыдно и за русское общество, которое равнодушно смотрит на это вопиющее беззаконие»². О том, что освободенцы обращались к опыту решения Б.Н. Чичериным национального вопроса также свидетельствует и сохранившаяся в фонде П.Б. Струве писарская копия его записки 1859 г. «Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России», в которой ученый высказывает мысль о том, что «Россия должна стараться окружить себя второстепенными монархиями, которые ей обязаны будут своим существованием, которые, опираясь на нее, будут служить ей постоянным оплотом и помощью. Таковыми могут быть Польша, Венгрия, Западные и Южные Славяне, Дунайские Княжества, Греция. Со временем подобное государство может образоваться и из Финляндии»³.

В статье «Финляндский вопрос» А. Неовиус рассматривает отношения между Россией и Финляндией в международно-правовом контексте, что при-

¹ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900. С. 124–161.

² Чичерин Б. Два письма Б.Н. Чичерина о финляндском вопросе // Освобождение. 1904. № 23 (47). С. 412–413.

³ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 50. Л. 30.

звано придать последней в известном смысле черты государства. Начало реакционной политики российского самодержавия автор относит к 1889 г. и считает ее результатом «наступательной войны русских реакционеров и бюрократов», начавшейся после «лживых и раздражающих статей» в русской периодической печати консервативного толка (Московские ведомости, Новое время)¹. А. Неовиус доводит историю самодержавной политики в Финляндии до осени 1901 г. (опубликование нового устава о воинской повинности), обосновывая это тем, что с данного события начинается новая история во взаимоотношениях империи и окраины, когда «финский народ начал оказывать пассивное сопротивление данному преступлению»². В течение первого полугодия 1903 г. на страницах журнала с периодичностью один раз в месяц А. Неовиус публиковал статьи о происходящих в Финляндии событиях с уклоном в сторону освещения нарушения законных прав финляндцев со стороны империи, упоминая лишь о легальных формах борьбы населения с произволом местной администрации генерал-губернатора Н.И. Бобрикова³.

В меньшей степени на страницах журнала была представлена и другая окраина, претендовавшая на особый статус в составе империи – Царство Польское. С апреля 1903 г. в издании появляется рубрика «Письма о современной Польше», в которой публикуются статьи Леона Василевско-го/Плахоцкого (польского политика социалистического направления, будущего министра внутренних дел Польши), который писал под псевдонимом

¹ Ф. Финляндский вопрос (От нашего гельсингфорского корреспондента) // Освобождение. 1902. № 13. С. 210.

² Ф. Финляндский вопрос (От нашего гельсингфорского корреспондента) (продолжение) // Освобождение. № 14. 1903. С. 243.

³ Ф. Ноябрьский съезд. (От нашего гельсингфорского корреспондента) // Освобождение. № 16. 1903. С. 274–275; Ф. Письмо из Финляндии. (От нашего гельсингфорского корреспондента) // Освобождение. 1903. № 17. С. 295–298; Ф. Самодержавно–демагогическая благотворительность или Бобриковская зубатовщина (От нашего гельсингфорского корреспондента) // Освобождение. 1903. № 20/21. С. 372–373; Ф. Русское самодержавие в Финляндии (От нашего гельсингфорского корреспондента) // Освобождение. 1903. № 22. С. 381–382.

Informator¹. Статьи носили преимущественно информативный характер. Также, как и в случае с финляндским вопросом, автор начинает цикл статей с общего знакомства русского читателя с положением на окраине и места польского вопроса в русском оппозиционном движении, которому, по его мнению, «не безразлично отношение польского общества к переживаемому в настоящее время Россией политическому кризису»².

Отправной точкой в описании взаимоотношений империи и окраины автор называет 1863 г., который изменил социально-политическое положение в Царстве Польском. Поэтапно описав все мероприятия центральных властей по русификации края, начиная с аграрной реформы, подорвавшей экономическое положение шляхты, он особо останавливается на культурной составляющей, в которой выразилась, по его мнению, «цель русской политики в Польше – ее полное обрусение»³. Результатом русификаторского курса становится формирование антирусских настроений в среде крестьян, рабочих и, главное, интеллигенции, которая к середине 1890-х гг. «сплачивается в националистический лагерь, выдвигающий на первый план борьбу со всем русским». Актуализируя роль польской интеллигенции в оппозиционном движении, автор признает, что к концу века «национализм, первоначально носящий демократический (собственно народнический) характер и желающий в своей борьбе с правительством опереться на крестьянство, с течением времени приобретает сторонников и в сферах помещиков средней руки, фабрикантов и, наконец, духовенства»⁴. Таким образом, период радикализации и расширения социального состава оппозиционного движения в Польше, по мнению автора, хронологически совпадает с подобными же процессами во внутророссийских губерниях.

¹ Шацилло К.Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 113.

² Informator. Письма о современной Польше // Освобождение. 1903. № 20/21. С. 371.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 372.

В двух последующих публикациях Informator описывает политические программы существующих к тому моменту в Польше партий («примирителей», национал-демократической, польской социалистической), уделяя особое внимание их отношению к русскому правительству, его политике, а также направлениям дальнейшего развития Царства Польского¹. Единственной из перечисленных организаций, выступавшей за сохранение Польши в составе Российской империи, являлась партия «примирителей», которая, по мнению автора, потеряла авторитет среди населения в конце 1890-х гг. Национально-демократическая и Польская социалистическая партии выступали за независимое польское государство, что явно противоречило установки российских либералов на сохранение России единой и неделимой. В конце статьи автор акцентирует внимание на готовности польских партий сотрудничать с русским оппозиционным движением в случае «полного удовлетворения нужд и потребностей польского общества, которое возможно только в условиях независимой республики. Поэтому, обещая свою помощь русским товарищам, П.П.С. постоянно требует от них признания полного права на самостоятельную жизнь всех, входящих в состав русского государства, культурных национальностей»². В дальнейшем противоречия по статусу Царства Польского проявятся между ШПС и освободителями на Парижской конференции 1904 г., где по воспоминаниям П.Н. Милюкова, его «упорное сопротивление затянуло прения на целых полтора заседания и привело к тому, что никакой формулы, приемлемой для обеих сторон, выработано не было (*по польскому вопросу - Н.Д.*)»³.

С началом русско-японской войны рубрика меняет свое название на «Настроение русской Польши», а содержание статей Informatora претерпевает серьезные изменения. Они становятся более радикальными по отношению к русскому правительству, что может быть объяснено общей пораженческой

¹ Informator. Письма о современной Польше // Освобождение. 1903. № 22. С. 399–401; Informator. Письма о современной Польше // Освобождение. 1903. № 24. С. 444–446.

² Informator. Письма о современной Польше // Освобождение. 1903. № 24. С. 445.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 169.

позицией, которую заняла редакция журнала. В ряде публикаций¹ автор последовательно проводит мысль о том, что «симпатии поляков всецело на стороне Японии». Неявную пораженческую позицию занимали не только левые польские партии, но «в консервативных органах печати ... стараются сохранить объективную точку зрения и даже пытаются доказывать, что полякам не к чему симпатизировать ни одной, ни другой стороне»². В следующих статьях автор предлагает поддерживать П.П.С., которая в качестве средства борьбы с русским правительством призывает польских солдат «дезертировать, сопротивляться, выражать неудовольствие, а особенно распространять в войсках революционную мысль, ... при всяком удобном случае бросайте русские ряды и переходите к японцам»³.

Подобная позиция вызывала поддержку не у всех сторонников русского либерализма, готовых бороться с российским самодержавием, но не склонных к разжиганию межэтнической розни между русскими и поляками. Недовольство подобной позицией выражалось как письмами в редакцию журнала «Освобождения»⁴, так и нежеланием вступать в ряды уже образовавшегося к тому времени «Союз освобождения». В частности, В.В. Водовозов в своих воспоминаниях описывал трудности, с которыми столкнулись он, С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев при организации местного «Союза освобождения» в Киеве: «Дело пошло на лад, несмотря на то, что в Киеве не было земства, а состав городской думы был исключительно консервативным. Но адвокаты, профессора, железнодорожные и иные служащие, гимназические учителя и многие другие охотно пошли на наше предложение. В состав Союза вошли почти все будущие члены редакции К. откликов⁵ и многие другие. Отказался вступить в него популярный проф. кн. Евг. Тру-

¹ Informator. Настроение русской Польши // Освобождение. 1904. № 19 (43). С. 335–337; Informator. Настроение русской Польши // Освобождение. 1904. № 21 (45). С. 366–367; Informator. Настроение русской Польши // Освобождение. 1904. № 50. С. 7–8.

² Informator. Настроение русской Польши // Освобождение. 1904. № 19 (43). С. 335.

³ Informator. Настроение русской Польши // Освобождение. 1904. № 50. С. 8.

⁴ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–2.

⁵ Газета «Киевские отклики».

бецкой, так как журнал “Освобождение” занял в японской войне пораженческую позицию, которой он не сочувствовал»¹.

Статьи о положении других окраин и проводимой в них царским правительством политике появлялись реже и не имели отдельных рубрик. Это можно объяснить, с одной стороны, наиболее тесными связями, сложившимися между редакцией журнала и представителями оппозиционных движений Великого княжества Финляндского и Царства Польского. С другой стороны, польский и финляндский вопрос являлись ключевыми для русской общественной мысли на протяжении значительного периода нахождения данных окраин в составе империи.

Летом 1903 г. в 27 номере «Освобождения» была опубликована статья dd. (псевдоним не расшифрован) «Пробуждение национальных стремлений Грузии», впервые вышедшая на страницах газеты La Georgie². Автор оценивает национальный вопрос как один из наиболее сложных для решения в России, т.к. положение инородцев в стране значительно хуже, чем в других государствах. Стремясь придать сложившейся ситуации особо драматичный характер, dd. уравнивает отношение к инородцам в России с отношением к негритянскому населению в США. Сложность национальному вопросу, по мнению автора, придает и то обстоятельство, что он непосредственно связан с осуществлением властных полномочий административными органами, которые в отличие от церкви, не могут быть отделены от государства. Солидаризируясь с точкой зрения редакции журнала о равной степени угнетения великорусской и других национальностей империи, dd. призывает объединиться в борьбе с общим врагом – русским самодержавием³. Треть статьи посвящена истории взаимоотношений Грузии и России с конца XVIII в. до начала XX в. С одной стороны, это соответствует структуре других материалов, посвященных окраинам, а, с другой, – призвано подвести основания под глав-

¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3196. Л. 139.

² Пробуждение национальных стремлений в Грузии // Освобождение. 1903. № 3 (27). С. 38.

³ Там же.

ный тезис статьи о необходимости изменения статус данной территории в составе империи. Ссылаясь на наличие в прошлом у Грузии опыта самостоятельной государственности, автор призывает воспринимать ее на одном уровне с Великим княжеством Финляндским и Царством Польским. Исходя из этого, в статье предлагается достаточно радикальный вариант решения вопроса о распределении власти между центром и окраиной.

Автор настаивает на введении национальной автономии для грузинского народа в составе свободной федеративной России. На большее, по мнению dd. Грузия рассчитывать не может, т.к. восстановить «старое грузинское царство» в современных условиях невозможно. Обращает на себя внимание тот факт, что изменение статуса окраины предполагалось только в контексте смены формы государственного устройства всей империи. По мнению автора, только федеративное устройство могло обеспечить широкие политические и культурные права автономным территориям. Публикация статьи в журнале «Освобождение» объясняется автором теми надеждами грузинского народа на русских либералов, которые «никогда не имели ничего общего с правительственной политикой по отношению к многочисленным народностям, населяющим России»¹. В качестве подтверждения данному тезису dd. ссылается на упомянутые нами ранее статьи по истории Великого княжества Финляндского и Царства Польского.

События в Юго-Западном крае освещаются в журнале исключительно в контексте развития рабочего и революционного движения, получившего широкое распространение в 1902–1903 гг.² Позже, в 1905 г. Б.А. Кистяковский, один из организаторов отделения «Союза освобождения» в Киеве, напишет о том, что отсутствие публикаций по проблемам Малороссии в «Освобождении» связано, с одной стороны, с низкой публикационной активностью представителей украинского оппозиционного движения, с другой – объяснялось

¹ Пробуждение национальных стремлений в Грузии // Освобождение. 1903. № 3 (27). С. 39.

² Киевские дела (От нашего киевского корреспондента) // Освобождение. 1903. № 17. С. 299–300.

чрезвычайно завышенными требованиями наиболее радикальных из них. Б.А. Кистяковский пишет о том, что «украинцы должны понять, что в русские политические органы они могут идти только с информационными статьями и выдвигать в них только такие требования, которые в данный момент осуществимы. Отдаленным же требованиям украинцев – полной автономии Украины и федерации славянских народов – теперь не место в русских оппозиционных органах»¹.

Отдельные материалы журнала освещали узкие национальные проблемы, например, еврейский и армянский вопросы. В публикациях по еврейскому вопросу, обращение к которому было актуализировано Кишиневским погромом 6–20 апреля 1903 г., отражено информативное описание происшедших событий и причин их вызвавших. Одной из них, по мнению редакции, являлось действующее российское законодательство, ограничивавшее экономические, социальные и культурные права еврейского населения².

В 1903 г. была затронута проблема передачи армянских церковных имуществ в казенное управление, постанова которого относится еще к 1898 г., к попыткам главноначальствующего гражданской частью на Кавказе кн. Голицына «передать в казну всех имуществ и сумм армянской церкви». Данное предложение, отклоненное в 1898 г., было вновь актуализировано В.К. Плеве, который считал, «что передача правительству управления имуществами армянского духовенства даст возможность установить наблюдение затем, чтобы духовенство давало законное употребление получаемым доходам»³. Статья, таким образом, продолжает серию публикаций «Освобождения», посвященных критике политики царского правительства в области национального вопроса в начале XX в. Обращает на себя внимание аргументация автора статьи – Неполитика (псевдоним не расшифрован) – в пользу не-

¹ Украинец. Русские оппозиционные партии и украинцы // Освобождение. 1905. № 77. С. 468.

² Ред. К еврейскому вопросу // Освобождение. 1903. № 19. С. 340–341; -ский. К кишиневскому погрому // Освобождение. 1903. № 22. С. 379.

³ Неполитик. К армянскому вопросу // Освобождение. 1903. № 7 (31). С. 116–118.

обоснованности мер империи: «из всех подвластных России народов армяне едва ли ни самые верноподданные. Никто не ассимилируется так легко с коренным русским населением. Пристрастие армян ко всему русскому доходит до того, что многие армяне из буржуазии не знают своего родного языка». И далее: «И вот, как бы в награду за излишнюю преданность, русское правительство дает армянскому народу оплеуху, которой он, судя по началу и форме протестов, никогда не забудет»¹. Таким образом, как и в случае с Великим княжеством Финляндским, лояльность населения данного региона, особенно его высших социальных групп, являлась основой для проводимой имперским правительством политики с момента присоединения и до начала 1890-х гг. Происходивший постепенный отход от данного принципа и стремление к созданию единого экономического и административно-правового государственного пространства в период интенсивной модернизации вызывает недоумение и недовольство в среде местного населения, что придает антиправительственным выступлениям националистическую окраску.

Однако публикационные инициативы не всех окраин находили поддержку в редакции. В фонде журнала «Освобождение» хранится письмо к П.Б. Струве от В. Мицкевича, который предлагал редактору услуги по написанию хроники литовского оппозиционного движения. Свою инициативу автор объясняет тем, что «“Освобождение” приобретает все больший и больший круг читателей и проникает даже в такие слои общества, куда другие революционные издания лишь с большим трудом и изредка прокладывают себе дорогу», более того «“Освобождение” довольно легко распространяется и между многочисленными инородцами России». Именно поэтому «очень желательным было бы иметь в “Освобождении” не только хронику оппозиционного русского движения, но и оппозиционного движения угнетенных Россией национальностей»². Несмотря на проявленную инициативу литовцев, отдельного раздела по вопросам этой народности в журнале не появилось. По

¹ Неполитик. К армянскому вопросу // Освобождение. 1903. № 7 (31). С. 117.

² РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 84. Л. 54 об.

неизвестным причинам не была опубликована и небольшая описательная заметка «Кое-что о литовцах, их литературе и политических движениях», хранящаяся в фонде журнала¹. Статья содержит перечисление общеизвестных актов российского правительства в отношении Северо-Западного края после польского восстания 1863–1864 гг. (запрет на употребление в литовской печати латинского алфавита, запрет лицам польского происхождения приобретать земли в губерниях Северо-Западного края)².

Представление широкой публике возможных путей сохранения целостности полиэтнического российского государства при переходе от самодержавия к конституционному строю стало целью опубликованной на страницах журнала в ноябре 1904 г. статьи «Национальный вопрос в России и конституция»³. Данный текст имеет в своей основе доклад князя Петра Дмитриевича Долгорукова «Финляндия и русская конституция», подготовленный и озвученный им на съезде группы журнала «Освобождение» 20–22 июля 1903 г. в Шафгаузене⁴. Изначально была запланирована публикация всего доклада, о чем свидетельствуют сохранившиеся в фонде журнала типографские гранки⁵. Однако свет увидели только отдельные его тезисы, дополненные предложениями по другим окраинам. Статья, таким образом, представляет собой первичный вариант предложений новых либералов по решению вопроса о национально-государственном устройстве будущей конституционной России. Подобный вывод позволяет сделать и тот факт, что материал был опубликован после состоявшейся 30 сентября–9 октября 1904 г. Парижской конференции оппозиционных и революционных организаций России, на которой национальный вопрос был одним из центральных.

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 133. Л. 1–5.

² Там же. Л. 4.

³ Русский. Национальный вопрос в России и конституция // Освобождение. 1904. № 59. С. 147–148.

⁴ Доклад Петра Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. М., 2001. С. 51–60.

⁵ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 141. Л. 116–119.

В статье содержатся предложения по организации взаимоотношений имперского центра с Финляндией, Польшей, Прибалтийскими губерниями и Кавказом. Обращает внимание тот факт, что партийные представители именно от этих территорий принимали участие в Парижской конференции¹.

Автор начинает статью с анализа сложившейся к началу XX в. ситуации в Великом княжестве Финляндском. Ссылаясь на опубликованные в «Освобождении» по финляндскому вопросу материалы, П.Д. Долгоруков приходит к заключению, что Финляндия не помышляет ни об отделении от России, ни о присоединении к Швеции по целому ряду причин. Среди них указаны отсутствие опыта самостоятельной государственности, сложное геополитическое положение между двумя сильными государствами, формирование национального самосознания финнов и их численное превосходство над шведским населением. Для дальнейшего успешного культурного, экономического и политического развития Финляндии в составе Российской империи, по мнению автора, достаточно отменить мероприятия, проведенные в крае Николаем II, и восстановить действие финской конституции.

Значительно сложнее представлялось П.Д. Долгорукову решение польского вопроса, так как, с одной стороны, Царство Польское имеет продолжительный опыт собственной государственности, с другой, – оно уже более ста лет находилось под властью российской короны, что, по мнению автора, «заставляет многих русских считать Польшу необъемлемой русской “провинцией”»². В качестве выхода из сложившейся ситуации в статье предложены введение для поляков одинаковых с другими гражданами империи прав и свобод, предоставление им права представительства в общегосударственном парламенте наравне с русскими территориям, введение в Привислинских губерниях права на культурное самоопределение, а также широкого местного самоуправления с образованием сейма или ландтага. Под широким местным самоуправлением понималось все, что имело отношение к административно-

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 14об.

² Русский. Национальный вопрос в России и конституция // Освобождение. 1904. № 59. С. 147.

хозяйственной автономии¹. Культурное самоопределение включало в себя право использования местного языка в преподавании в начальной, средней и высшей школах, а также сохранение ряда специфических традиций края. Всего этого, по мнению П.Д. Долгорукова, было достаточно, чтобы поляки осознали пользу от нахождения в составе Российской империи. Однако, если этого не произойдет, то автор допускал возможность выхода польских территорий из состава русского государства при благоприятной для этого международной обстановке, под которой понималась возможность восстановления Польши в прежних границах².

Численно господствующим в Прибалтике эстам и латышам для удовлетворения потребностей национального развития автору представлялось достаточным дарования гражданских прав, а также гарантированной свободы культурного самоопределения. Никаких сепаратистских тенденций данный регион не проявлял, т.к. процент способных к этому немцев колебался от 5 до 15 в разных губерниях края. Схожие средства П.Д. Долгоруков предлагал использовать и на Кавказе для замирения армянского и грузинского национальных движений.

Несмотря на разницу предлагаемых методов сохранения отдельных окраин в составе Российской империи, причины постановки данного вопроса на повестку дня автор статьи видит в одном: русификаторской политике самодержавия и жестких мерах полицейского контроля и усмирения. «И какой странной иронией звучит самоуверенное и полицейске-близорукое уверение Плеве, что он в несколько месяцев усмирит всю Россию, когда он, напротив, не только dokonчил оппозиционное воспитание всей внутренней России, но и революционизировал все окраинные народы, до бурят включительно!», - подводит итоги изложению своих предложений П.Д. Долгоруков³. Таким образом, статья П.Д. Долгорукова имела целью представить выработанные в

¹ Русский. Национальный вопрос в России и конституция // Освобождение. 1904. № 59. С. 147.

² Там же.

³ Там же. С. 148.

новом либерализме основы будущей программы выстраивания взаимоотношений между Россией и ее наиболее политически активными национальными окраинами. Краеугольным камнем статьи является обязательность конституционного строя в России для решения проблем, связанных с национально-государственным устройством страны.

Накануне Первой русской революции последней публикацией, связанной с национально-государственной проблематикой, стали обнародованные 19 ноября 1904 г. в семнадцатом номере «Листка Освобождения» протокол и декларация Парижской конференции оппозиционных и революционных организаций России, на которой вопрос о статусе окраин (в первую очередь Финляндии и Польши) стал одним из предметов для обсуждения¹. Процесс работы конференции и выработки итоговых решений будет более подробно рассмотрен в контексте практической деятельности новых либералов в следующем параграфе работы. Здесь следует отметить, что указанные документы можно также рассматривать как итоговые для данного периода разработки новыми либералами политического курса по национально-государственному устройству России. В декларации, подписанной, в том числе, и представителями «Союза освобождения», по «вопросу о национальностях» было зафиксировано «общее желание применять демократическую идею к установлению общего взгляда на решение этого вопроса», т.е. прямая связь данного вопроса с желаемой трансформацией политического строя в сторону установления народного представительства, с всеобщим избирательным правом. Принципиальным было признание за каждым народом империи *права на самоопределение* с одновременным осуждением русификаторской политики имперской власти². От «Союза освобождения» было опубликовано отдельное разъяснение, которое в части национального вопроса солидаризовалось с «Декларацией», но опускало критику действий русской власти на окраинах: «В сфере национальных вопросов Союз признает право на самооп-

¹ Протокол конференции оппозиционных и революционных организаций Российского Государства // Листок «Освобождения». 1904. № 17. С. 1–2.

² Там же. С. 1.

ределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения в настоящее царствование»¹. Журнал «Освобождение», опубликовав документы Парижской конференции, обнародовал факт создания «Союза освобождения» как организации и обозначил его позицию в области национального вопроса, подведя итог его обсуждению на своих страницах в 1902–1904 гг. Дальнейшее отражение на страницах журнала «Освобождение» вопросов о национально-государственном устройстве получит уже после начала Первой русской революции и будет содержаться преимущественно в документах либеральных протопартийных организаций и съездов земских и городских деятелей.

Таким образом, можно сделать вывод о значительной роли нелегального журнала «Освобождение» в процессе выработки новыми либералами основных подходов к решению вопроса о национально-государственном устройстве России при переходе к конституционному строю. Начало издания журнала за границей приводит к сближению русской либеральной оппозиции с представителями окраинных движений, изначально на основании исключительно практических интересов – транспортировка журнала в России. Постепенно национальная оппозиция начинает восприниматься новыми либералами в качестве союзника в борьбе с самодержавием. Нелегальный характер журнала и использование его авторами псевдонимов давали возможность презентации ведущими представителями нового либерализма своих подходов по национально-государственной проблематике достаточно широкому кругу общественности. Это в свою очередь приводило к востребованности издания на окраинах (Финляндии, Юго-Западном крае) и расширению географических границ распространения либеральных идей в России. С другой стороны,

¹ Протокол конференции оппозиционных и революционных организаций Российского Государства // Листок «Освобождения». 1904. № 17. С. 2.

представители окраин использовали нелегальный печатный орган либерального движения для привлечения внимания оппозиционно настроенной части русского общества к своим проблемам. Наиболее обсуждаемыми на страницах журнала стали польский и финский вопросы. Великое княжество Финляндское стало первой национальной окраиной, в отношении которой российскими либералами было выработано конкретное решение.

Подводя итог рассмотрению дискуссий по вопросам о национально-государственном устройстве России, развернувшихся в нелегальном либеральном журнале «Освобождение», следует отметить, что заявленное изначально стремление к объединению на широкой платформе оппозиционных самодержавию сил, давало возможность публиковать на его страницах статьи различной степени радикальности. Журнал выступал трибуной для сопоставления взглядов представителей различной политической ориентации, но постепенно новолиберальное интеллигентское направление отодвинуло на второй план сторонников старого земского либерализма.

Анализ содержания статей «Освобождения» позволяет выделить несколько этапов в процессе выработки концептуальных положений по вопросу о национально-государственном устройстве России в новом либерализме. На начальном этапе (1902–1903 гг.) в большинстве журнальных материалов проблемы национально-государственного устройства рассматривались в контексте критики русификаторской политики царского правительства, а требования по национальному вопросу были составной частью вопросов гражданского равноправия. Дискуссии, развернувшиеся на страницах журнала, способствовали осмыслению накопившихся противоречий в политике российского самодержавия на окраинах.

Следующий этап (1904 г.) связан с началом активной деятельности сторонников журнала «Освобождения» по поиску союзников в борьбе с российским самодержавием, в т.ч. на окраинах, а также их стремлением к организационному объединению сторонников либерально-демократического движения. На страницах журнала актуализируется вопрос о возможных фор-

мах выстраивания взаимоотношений между центральными властями и местными органами управления. На фоне радикализации требований представителей различных окраинных сообществ, нашедших отражение в статьях «Освобождения», представителями нового либерализма разрабатываются предложения по национально-государственному устройству России в условиях перехода к конституционному строю. В связи с этим дальнейшее обсуждение данного вопроса происходит в ходе разработки политического курса образующихся в этот период протопартийных организаций («Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов»), таким образом, становясь частью либеральной модели преобразования российского государства.

2.2. Национально-государственное устройство России в программных и тактических установках либеральных протопартийных организаций

Рубеж XIX–XX вв. стал поворотной вехой в развитии русского общества и был отмечен серьезными изменениями, непосредственно связанными с процессами модернизации экономических и социальных отношений в России. На этот период приходится активное развитие промышленного сектора, железнодорожное строительство, техническое переоснащение сферы коммуникации и повседневной жизни людей¹. Однако политический сектор российской действительности не претерпевал кардинальных изменений. Россия по-прежнему оставалась самодержавной монархией, во многом сохраняя черты традиционного общества. В результате сложившегося дисбаланса возникали противоречия и конфликты между политически активным меньшинством российской общественности, стремящимся к консолидации, и представителями власти.

Поводом для активизации работы земств еще в конце XIX в. стал голод 1891–1892 гг. В своих воспоминаниях П.Н. Милюков отмечал, что «1891 год

¹ Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. М., 2009. С. 3.

был переломным в смысле общественного настроения. Голод в Поволжье, разыгравшийся в этом году, заставил встрепенуться все русское общество. Несмотря на препятствия правительства, опасавшегося контакта интеллигенции с народом, удалось довольно широко развернуть общественную помощь голодающим»¹. И если изначально работа земств сосредоточилась преимущественно в области экономики и культуры, то уже к концу XIX в. начинает проявляться и их политическая составляющая. По мнению корреспондента газеты «Наша жизнь» писателя В.С. Голубева, «суровый бюрократический режим скоро показал, что культурная работа в земстве волей-неволей сталкивается с политикой, ...тип политического борца в земстве вновь занял главное место»². Это нашло отражение в проведении двух нелегальных земских съездов в феврале 1893 г. и в марте 1894 г.³ Однако попытки девяностых годов XIX в. показали преждевременность работы земств, направленной на объединение. В этот период они не получили существенного продолжения. Только к 1899 г. относится появление кружка либеральных земцев «Беседа», который просуществовал достаточно длительное время – до 1905 г. – и занимал, по мнению исследователей, особое место среди прочих протопартийных объединений⁴. В его работе проходили практику организационной работы такие лидеры нового либерализма, как Д.И. Шаховской, брат Петр и Павел Долгоруковы, В.А. Маклаков, Ю.А. Новосильцев. Однако организационно земское движение конца XIX в. не было еще чем-то новым по существу, оно, скорее, продолжало линию политического движения начала 80-х гг. XIX в. Главным свидетельством генетической связи земского движения рубежа веков с либерализмом последней четверти XIX в. стала апелляция к государству и поддержка реформ, проводимых самодержавной властью.

¹ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 120.

² В.Г. Земцы новые и земцы старые // Наша жизнь. 1905. № 272. С. 2.

³ Пирумова Н.Г. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 191.

⁴ Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. М., 2009.

Современники сходятся во мнении, что в процессе организационного оформления российского либерализма 1901 год являлся поворотным пунктом, после которого «стремление правительства подавлять всякое движение потеряло свою устрашающую силу, и меры его стали вызывать, прежде всего, новый прилив энергии в оппозиционных кругах, вместе с тем, все расширяя кадры оппозиции»¹. С одной стороны, это можно объяснить общей радикализацией политической обстановки (14 февраля 1901 г. министр народного просвещения Н.П. Боголепов был смертельно ранен П.В. Карповичем, 4 марта 1901 г. состоялась студенческая демонстрация на Казанской площади и т.д.²), а с другой – активизацией общественно-политической жизни страны. Так, 10–19 февраля 1901 г. в Москве проходит важный для объединения земств съезд деятелей агрономической помощи местному хозяйству, в сентябре 1901 г. в Полтаве собрался съезд по кустарным промыслам, а в декабре 1901 г. в Петербурге – X съезд естествоиспытателей и врачей³. Профессиональные съезды начала XX в. становятся действенным способом для организации встреч представителей земств различных губерний, которым совместная деятельность была запрещена как земским положением 1864 г.⁴, так и новым положением 1890 г.⁵ Во время этих встреч устраивались частные совещания, в которых принимали участие не только представители земств, но и демократически настроенная интеллигенция. Данное сотрудничество, проявлявшееся в совместной работе в «Беседе», публикации ряда книг («Мелкая земская единица», «Всеобщее образование в России»⁶ и др.), постоянных

¹ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 528.

² Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программа. Тактика. М., 1985. С. 129.

³ Пирумова Н.Г. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 197–199.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 39. СПб., 1867. № 40457. С. 2

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 10. СПб., 1895. № 6927. С. 496.

⁶ ОР ИРЛИ РАН. Ф. 334. Оп. 1. Д. 650. Л. 16–16об.; Мелкая земская единица. Сборник статей. Вып. 1. СПб., 1902; Всеобщее образование в России. М., 1902. Вып. 1.

контактах на различных съездах и собраниях, приводит сначала к реализации идеи заграничного издания (с 18 июня 1902 г. начинает выходить журнал «Освобождение»¹), а затем и к организационному оформлению нового направления в российском либерализме начала XX в., формат которого, в условиях политической реальности данного периода, мог быть только нелегальным.

Именно поэтому для обсуждения организационных и программных вопросов сторонники журнала «Освобождение» провели первую встречу за пределами Российской империи. В подготовке данной встречи решающую роль, по мнению И.П. Белокопского, имел «дружеский ужин» с участием земских деятелей в апреле 1903 г., съехавшихся в Петербург для участия в совещании земцев по страховому вопросу. Именно во время данной встречи «была высказана мысль о необходимости организации политического “Союза освобождения”, который бы мог объединить все без исключения оппозиционные силы России»². Стремление выйти за рамки исключительно земского движения находят подтверждение в состоявшемся 20–22 июля 1903 г. в Шафгаузене предварительном съезде группы «Освобождение»³. По сведениям И.И. Петрункевича в совещании приняли участие Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский, В.В. Водовозов, И.М. Гревс, князь Петр Д. Долгоруков, Д.Е. Жуковский, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Ковалевский, С.А. Котляревский, Е.Д. Кускова, Н.Н. Львов, П.И. Новгородцев, И.И. Петрункевич, А.С. Петрункевич, С.Н. Прокопович, Ф.И. Родичев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, князь Д.И. Шаховской⁴. Из перечисленных лиц половина была представителями земств, вторая половина – лица свободных профессий. По мнению Д.И. Шаховского, на этой встрече были представлены далеко не все кружки, принимавшие участие в создании Союза. Тем не

¹ Освобождение. 1902. № 1.

² Белокопский И.П. Земское движение до образования партии Народной Свободы // Былое. 1907. № 9. С. 245.

³ ОР ИРЛИ РАН. Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 5.

⁴ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. М., 1993. Т. XXI-XXII. С. 338.

менее, даже такой состав участников и проведение съезда в формате «туристических прогулок нескольких групп, сходящихся для бесед за столом в разных пунктах веселой местности к северу от Констанцкого озера»¹, позволили обсудить важнейшие вопросы политической и экономической программы будущей организации новых либералов. Более полный перечень вопросов, которые были проработаны в июле 1903 г. представителями нового либерализма приводит в своих воспоминаниях В.В. Водовозов. Указывая на то, что на совещании в Шафгаузене программа Союза детально и текстуально выработана не была, он приводит основные ее направления требование конституции, всеобщего голосования, свободы слова, свободы развития национальностей, широкого местного самоуправления на основе всеобщего голосования»².

Совещание в Шафгаузене сыграло существенную роль в постановке и разработке концепции национально-государственного устройства представителями нового либерализма, что нашло отражение в трех докладах, подготовленных для съезда Петром Д. Долгоруким: «Конституционная партия за прошлый год»³, «Конституционная партия в предстоящий год»⁴ и «Финляндия и русская конституция»⁵.

Первый из них содержит отчетную информацию о деятельности представителей нового либерализма в сфере продвижения конституционных идей в земской среде и был представлен автором в первый день съезда⁶. В конспекте доклада, сохранившемся в архиве журнала «Освобождение», находят отражение не только упоминаемые нами ранее встречи земцев, но и характе-

¹ Шаховской Д.И. Союз освобождения // Либеральное движение в России 1902–1905. М., 2001. С. 547.

² ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3196. Л. 71.

³ Конспект доклада Петра Д. «Конституционная партия за прошлый год» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 28–31.

⁴ Конспект доклада Петра Д. «Конституционная партия в предстоящий год» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 31–37.

⁵ Доклад П.Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 51–60.

⁶ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С. 167.

ристика обсуждаемых на них вопросов. С этой точки зрения представляется значимым описание совещания земских деятелей 1903 г., проходившего 24–25 апреля 1903 г. в Санкт-Петербурге. Оно показало неготовность земцев идти на сближение с оппозиционными движениями окраин и выдвинуть более детальную национальную программу по сравнению с заявлением «От русских конституционалистов», опубликованном в первом номере журнала «Освобождение»¹. Это проявилось в обсуждении мер по организации самостоятельной партии. Было решено приступить к организации земских кружков в земских губерниях России. Далее, «при первой возможности» такие кружки должны были возникнуть в Юго-Западном крае, в Области Войска Донского и Сибири. Что же касается «окраин с иноплеменным населением» (главным образом – Финляндии, Польши, Прибалтийского края и Кавказа) вопрос о создании там земских кружков был оставлен открытым².

Однако, определяя перспективы и направления дальнейшей работы по консолидации оппозиционных либеральных сил, Петр Долгоруков вернулся к идее о возможности плодотворного сотрудничества с представителями национальных движений империи. Это нашло отражение во втором его докладе «Конституционная партия в предстоящий год», который по признанию автора он озвучить не успел, т.к. опоздал на второй день заседания, о чем сообщил П.Б. Струве в сопроводительном письме к конспектам выступлений³. В докладе намечались основные позиции либеральной программы, которые следовало обсуждать и пропагандировать для привлечения на сторону конституционалистов реальных общественных сил (специально подчеркивалось, что это идеальные требования, которые могут быть предметом торговли и уступок). Среди таковых сил отдельно указывались и окраины, а именно Великое княжество Финляндское, Царство Польское и Прибалтийский край.

¹ От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1. С. 9.

² Конспект доклада П.Д. Долгорукова «Конституционная партия за прошлый год» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 30.

³ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 141. Л. 55–56.

Для них были намечены пути выстраивания отношений и поиска точек соприкосновения.

Наиболее пространное описание принципов развития дальнейших взаимоотношений было дано для финнов. С ними планировалось заключить союз, однако под сомнение ставилась необходимость его обнародования. Основой для союза должна была стать, по мнению П.Д. Долгорукова, общность интересов, которая выражалась в стремлении к установлению конституционного строя на всей территории Российской империи¹. Сближение с финским оппозиционным движением предполагалось осуществить через совместную деятельность в Европе и взаимное снабжение интересными материалами. Под этим, в первую очередь, подразумевалась помощь финнов при транспортировке журнала «Освобождение» в Россию. Большая часть его ввозилась на территорию империи именно через Финляндию. К реализации данного направления предполагалось привлечь Петербургскую группу сторонников журнала².

Принципиально важными представляется и те политические обещания, которые предлагал выдвигать П.Д. Долгоруков в поисках эффективного взаимодействия с финнами: «Мы обещаем им содействие и пропагандирование сохранения за Финляндией прежних вольностей и политической автономии». В будущем, при разработке русской конституции планировалось найти «форму единения с Финляндией», в том числе не исключалась и федерация. Таким образом, в 1903 г. возможность федеративного устройства России новыми либералами не отвергался. В качестве эффективности данной формы государственного устройства в пример приводилась Швейцария: «федерация не есть сепаратизм (Шве[й]цария), напротив, более прочное единение Финляндии с Россией»³.

¹ Конспект доклада П.Д. Долгорукова «Конституционная партия в предстоящий год» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 37.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 37.

Менее детально в конспекте доклада П.Д. Долгорукова были представлены пути сближения с другими западными окраинами империи: Царством Польским и Остзейским краем. В их отношении только начинался поиск путей выхода на заинтересованные национальные группы, которые в перспективе могли примкнуть к российским либералам. Первоочередную роль в этом поиске играли личные неформальные, связи.

Возникали большие сомнения в целесообразности политического союза с поляками, поэтому было решено только ознакомиться с их положением, но «политической автономии не обещать». В качестве «контактного человека» П.Д. Долгоруков предлагал Владимира Даниловича Спасовича¹. Этот известный юрист, публицист и активный общественный деятель второй половины XIX в. именно в 1902 г. переехал из Санкт-Петербурга в Варшаву².

Прибалтийский край выделен в отдельный пункт, но конкретных действий в отношении него не прописано. В качестве возможного «контактного человека» для данного направления П.Д. Долгоруков отметил Александра Феликсовича Мейендорфа³, общественного и политического деятеля, выходца из остзейских дворян, работавшего делопроизводителем в земском отделе Министерства внутренних дел, а затем в Государственной канцелярии⁴.

П.Д. Долгоруков на встрече в Шафгаузене представил еще один доклад, посвященный непосредственно национальной проблематике – «Финляндия и русская конституция»⁵. Доклад был достаточно пространным, содержал конкретные примеры русификаторской политики имперских властей в Княжестве, используемые финнами способы борьбы с ними, а также более

¹ Конспект доклада П.Д. Долгорукова «Конституционная партия в предстоящий год» // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 37.

² Спасович Владимир Данилович // Российский либерализм середины XVIII–начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 895.

³ Конспект доклада П.Д. Долгорукова «Конституционная партия в предстоящий год» // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 37.

⁴ Мейендорф Александр Феликсович // Российский либерализм середины XVIII–начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 569.

⁵ Доклад П.Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 51–60.

конкретные предложения по политической программе организующегося Союза в данном вопросе.

В качестве докладчика был выбран именно Петр Долгоруков, т.к. он был из собравшихся наиболее осведомленным в данном вопросе. Еще в 1902 г. в процессе подготовки к изданию сборника «Мелкая земская единица» он изучал состояние финской системы местного управления и профессионального образования. Планируя в марте 1902 г. очередную поездку в Финляндию он обратился к В.Ю. Скалону за рекомендательным письмом «к одному или двум финляндцам», которые в свою очередь могли бы рекомендовать его далее¹. Обращение к В.Ю. Скалону также было неслучайным. С одной стороны, он был автором статей о Финляндии в изданиях Г.А. Фальборка и Д. Протопопова и считался специалистом в этой области, с другой – приобрел тесные связи с финскими журналистами в ходе работы в «Русских ведомостях» и «Вестнике Европы»². Это пример того, что отношения между отдельными финскими и русскими журналистами сложились еще до начала издания в 1902 г. журнала «Освобождения». Их активизация приходится на период после издания Манифеста 3 февраля 1899 г. о порядке законодательства в Великом княжестве Финляндском. Площадкой для совместных публикаций по поводу ущемления данным актом правительства прав финляндцев стали именно журналы «Вестник Европы» и «Русское богатство».

Более того, П.Д. Долгоруков входил в специальный комитет, который был создан «освобожденцами» для подробного выяснения финляндского вопроса. В его состав также входили В. фон Ден и И.В. Гессен. Они провели несколько встреч с представителями финских конституционалистов и осуще-

¹ ГАРФ. Ф. 102. 1902 г. Д. 550. Т. 2. Л. 4.

² Скалон В.Ю. Народное образование в Финляндии // Народное образование в России / под ред. Г.А. Фальборка. СПб., 1900. С. 229–263; Скалон В.Ю. Политическое положение Финляндии и «финляндский вопрос» // Финляндия / под ред. Д. Протопопова. СПб., 1898. С. 29–75.

ствили несколько поездок в Княжество¹. Результатом контактов с финляндцами, визитов в Гельсингфорс и переговоров стало осознание необходимости совместных действий.

Следует также отметить, что с теоретической точки зрения финляндский вопрос был самым проработанным в интеллектуальной традиции русской либеральной общественно-политической мысли. Новые либералы при его разработке за основу взяли теорию Г. Еллинека, который выработал совершенно самостоятельное научное определение государственно-правового положения Финляндии. Он доказывал, что Финляндия не является государством, «но это лучше для нее, так как, если бы она была государством, то единственная форма государственных соединений, которая подходила бы к отношению между ней и Россией, была бы международно-правового характера; а в международно-правовых отношениях при острых конфликтах решается *ultima ratio*, – война, как это сравнительно недавно произошло при столкновении Англии с Трансваальской республикой»². Так как, по мнению Еллинека, Финляндия не государство, ее отношение к России государственно-правового характера, и гарантии ее конституционного строя заключаются в государственно-правовых нормах России и Финляндии, и должны быть развиты с русской конституцией. Все эти идеи нашли отражение в докладе П.Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция»³, название которого уже содержит в себе основную мысль: для сохранения целостности Российской империи необходим переход к конституционному строю, а уничтожение самодержавия представляет собой единственный путь к сохранению политической автономии Великого княжества Финляндского.

¹ Copeland W.R. *The Uneasy Alliance. Collaboration Between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904.* Helsinki, 1973. С. 178; Витухновская М.А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX–начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2007. С. 127–128.

² Кистяковский Б. Георг Еллинек, как мыслитель и человек. М., 1911. С. 9–10.

³ Доклад П.Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 51–60.

Подтверждение данным тезисам автор стремится найти как в истории взаимоотношений империи и окраины, так и в современном состоянии финского общества. Обращает на себя внимание желание автора подкрепить свои утверждения ссылками на законодательную практику, что проявляется уже в начале доклада при разрешении самой спорной составляющей финляндского вопроса, а именно о наличии собственной конституции у данной окраины¹. Давая положительный ответ, П.Д. Долгоруков ссылается не только на сохранение Александром I за Финляндией при присоединении в 1809 г. широкой автономии в сфере финансов, военном деле, почтовой и монетной системах, но и на законодательное подтверждение этих прав всеми последующими российскими монархами и установление Александром II «такого начала, что ни один закон, касающийся Финляндии, не может быть издан или изменен без согласия ее сословий (сейма)»².

По данному вопросу прослеживается преемственность с характерной для последней четверти XIX в. дискуссии между либеральными и консервативными периодическими изданиями. Последние стремились обвинить Финляндию в сепаратизме. П.Д. Долгоруков присоединяется к либеральной интеллектуальной традиции, опровергавшей данный тезис «отсутствием у Финляндии опыта собственной государственности, угрозы военного характера со стороны двух держав: России и Швеции, а главное – численный перевес на данной территории финской нации, которая все больше приобретает свою собственную национальную физиономию именно благодаря мирному существованию под властью русских государей»³.

Смена правительственного курса в отношении Княжества объясняется в докладе П.Д. Долгорукова двумя причинами: ослаблением и деградацией

¹ Доклад П.Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 51.

² Там же.

³ Дмитриева Н.В. Имперская национальная политика в либеральной общественной мысли конца XIX–начала XX в. (на примере Великого княжества Финляндского) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 2 (198). С. 50.

самодержавного режима в России, а с другой – изменением принципов имперской политики по отношению ко всем окраинам. Последнее связывается «с ложно понимаемым достоинством империи, которой стало казаться несовместимым существование около самого Петербурга Финляндии, пользующейся большей свободой, чем остальная Россия, и могущей быть опасным наглядным примером для пробуждающегося российского общества»¹.

По утверждению П.Д. Долгорукова, специфика национального состава населения Великого княжества Финляндского (наличие двух народностей шведской и финской, противостоящих в социальном плане) дает возможность российскому самодержавию практиковать здесь традиционную политику на окраинах «разделяй и властвуй». Однако под воздействием мероприятий центральных властей конца XIX в., направленных на инкорпорацию Княжества в административно-правовое пространство империи произошло смещение на второй план национальных противоречий шведов и финнов. На первый план был выдвинут вопрос о сохранении автономного в политическом плане положения территории².

Автор достаточно большое внимание уделил и формам борьбы финляндцев с произволом российского самодержавия. Настаивая на преобладании преимущественно пассивных ее проявлений на начальном этапе, П.Д. Долгоруков высказывает предположение о дальнейшей революционизации финской оппозиции как результате усиления гнета со стороны царской власти. По мнению докладчика, таков возможный сценарий развития ситуации и в самой империи. Исходя из этого предлагался альтернативный вариант выхода из сложившейся ситуации, а именно изменение политического строя в России – замена самодержавной формы правления на конституционную. Последняя сможет обеспечить «такой правовой порядок в русском правительстве, чтобы по отношению к ней [Финляндии] не имели места индивидуальные личные воззрения, симпатии или антипатии и произвольное толко-

¹ Доклад П.Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 52.

² Там же. С. 54.

вание законов, а были бы серьезные гарантии в соблюдении установленных норм и уважение к закону»¹. Таким образом, на смену власти самодержавия должна прийти власть закона. Именно поэтому оппозиционные силы Княжества, по мысли П.Д. Долгорукова, должны были примкнуть к либерально-ориентированной российской оппозиции, т.к. господство закона является принципиальным основанием ее программы. В качестве альтернативы царскому угнетению освобожденцы предлагали спроектировать «будущий политический строй Российской империи так, чтобы оставить в ней место для Финляндии не менее самостоятельной, чем она до сих пор была по своим основным законам и, кроме того, установить такое взаимодействие двух законодательных собраний, чтобы Финляндия могла впредь спокойно развиваться согласно указанию времени свои законы, ничуть не угрожая целостности империи»². Насильственное насаждение русской культуры в окраине признавалось абсолютно безрезультатным мероприятием. По мнению П.Д. Долгорукова, только при свободном культурном взаимодействии возможно сближение русского и финского народов, а вместе с этим и «более тесное единение Финляндии с Россией»³.

Все приведенные в докладе аргументы были призваны убедить участников съезда в необходимости внесения вопроса о статусе Великого княжества Финляндского в программу создающейся политической организации в качестве отдельного пункта. Более того, столь подробные разъяснения, глубокий анализ причин и последствий ужесточения окраинной политики царского правительства должны были впоследствии опровергнуть распространенный в охранительных кругах тезис об угрозе децентрализации управления целостности Российского государства.

Например, еще К.П. Победоносцев в работе «Великая ложь нашего времени» утверждал, что «начало национальности выступило вперед и стало

¹ Доклад П.Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001.. С. 59.

² Там же.

³ Там же. С. 60.

движущей и раздражающей силой в ходе событий именно с того времени, как пришло в соприкосновение с новейшими формами демократии. Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы, – и не только одной силой, но и уравнением прав и отношений под одной властью. Но демократия не может с ними справиться, ... Провидение сохранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар всероссийского парламента»¹.

В противовес данным утверждениям, П.Д. Долгоруков писал, что российский и мировой опыт показывают несостоятельность опасений расцвета сепаратизма в условиях парламентского правления. Во-первых, «сама Финляндия не помышляла об отделении от империи». Во-вторых, сепаратизм процветает в тех государствах, где угнетены отдельные национальности (Великобритания с ее Ирландией или Турция с ее балканскими провинциями); в тех же государствах, где обеспечено «дружное, культурное и единоправное сожителство» (Швейцария), ничто не угрожает целостности страны².

По мнению И.И. Петрункевича, в Шафгаузене кроме обсуждения основных программных установок будущей организации, было принято принципиально важное решение о ее форме. Большинство голосов вопрос был решен в пользу союза, «т.е. образования отдельных групп, сохраняющих свою программу, но связанных основной задачей и основным методом борьбы, которые устанавливаются собранием всех групп, входящих в состав союза через своих делегатов»³.

После съезда в Шафгаузене в процессе организационного оформления либерального движения существенную роль сыграли частные совещания сторонников «Освобождения» в Харькове в сентябре 1903 г. Для их конспи-

¹ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 51.

² Доклад П.Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 60.

³ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. М., 1993. Т. XXI–XXII. С. 339.

ративного проведения была использована всероссийская выставка животноводства, инициатором которой выступили Харьковское губернское земство и Харьковское сельскохозяйственное общество¹. В совещаниях приняли участие 16 человек, представители земств и интеллигенции, в том числе принимавшие участие в съезде в Шафгаузене: П.Д. Долгоруков, Д.И. Шаховской, С.Н. Булгаков, Н.Н. Ковалевский и Е.Д. Кускова². 15 сентября 1903 г. на одном из таких собраний, по сведениям Д.И. Шаховского, было принято решение о проведении съезда местных групп освобожденцев в Петербурге в январе 1904 г.³ Также было решено разослать на места проект программы и устава будущей организации⁴, основное содержание которых было разработано петербургской группой исходя из направлений, определенных совещанием в Шафгаузене. Накануне поездки в Харьков Е.Д. Кускова сделала доклад в Петербурге об основных результатах заграничной встречи, в котором были определены основные вопросы для обсуждения на предстоящем съезде, а именно финляндский, рабочий и аграрный⁵.

На совещании в Харькове было также принято решение и о создании Союза земцев-конституционалистов, главной целью которого стало внедрение и распространение в земской среде конституционных идей, организация одновременных оппозиционных выступлений на заседаниях земств. Необходимость его образования была обоснована опасением, что многие земцы откажутся войти в конспиративную организацию, где, по словам Д.И. Шаховского, «их ожидала встреча с неведомыми элементами», а с большим энтузиазмом примут участие «в съезде земского характера, но с весьма ярко выраженной на нем политической целью»⁶. Таким образом, ор-

¹ Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 174.

² Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С. 181.

³ Шаховской Д.И. «Союз освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 547.

⁴ ОР ИРЛИ РАН. Ф. 334. Оп. 1. Д. 918.

⁵ Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 174.

⁶ Шаховской Д.И. «Союз освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 548.

организационное оформление нового либерализма происходило параллельно по двум направлениям. Первый съезд земцев-конституционалистов состоялся 8 ноября 1903 г. «Союз освобождения» был официально создан на учредительном съезде 3–5 января 1904 г. Попытка слияния впоследствии двух организаций потерпела неудачи, однако отдельные члены земцев-конституционалистов входили в состав оргбюро «Союза освобождения» и принимали участие в разработке его программных и тактических установок, в том числе и по вопросу о национально-государственном устройстве России. Сам же «Союз земцев-конституционалистов» программы по данному вопросу выработать не успела, а только поставила его на повестку дня в июле 1905 г.¹ Объясняется это преимущественно составом участников, большинство из которых были все-таки земские деятели, а главным вопросом внутри-российских губерний, где были распространены земства, был вопрос не национальный, а аграрный. Постановка национальной проблемы в данной организации связана с необходимостью в 1905 г. создания партийной организации для продолжения деятельности в обновленных политических условиях.

В соответствии с принятым в Харькове планом, в Санкт-Петербурге с 3 по 5 января 1904 г. состоялся учредительный съезд «Союза освобождения». По сведениям Д.И. Шаховского, на нем присутствовало 50 избранных представителей столичных и провинциальных освобожденческих групп из 22 городов². В ходе съезда помимо обсуждения рабочего, аграрного и организационного вопросов, по свидетельству И.Д. Шаховского, много внимания было уделено проблемам национально-государственного устройства империи³. Накануне открытия съезда – 2 января 1902 г. – в столице состоялась встреча членов специального комитета освобожденцев по финляндскому вопросу (И.В. Гессен, П.Д. Долгоруков, В.Э. Дэн) с представителями финской оппо-

¹ Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 9–10 июля 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 351.

² Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 607.

³ Шаховской Д.И. «Союз освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 551.

зиции Адольфом Тернгреном и Юлио Рейтером¹. В ходе встречи обсуждался вопрос о будущем статусе Финляндии в составе Российской империи. А. Тернгрэн дал ясно понять, что минимальное требование финской оппозиции сводится к восстановлению положения до назначения Н.И. Бобрикова генерал-губернатором Княжества².

Постановка финляндского вопроса на учредительном съезде «Союза освобождения» привела к необходимости обсуждения более широкой проблемы, связанной с определением статуса и других окраин в составе империи, в частности Польши.

По свидетельству Д.И. Шаховского, «обсуждение вело главным образом к выработке достаточно ясной и вместе с тем гибкой формулы: выражение – признание за народностями “права на самоопределение”, нашли наиболее отвечающим цели, и оно с легкой руки съезда вошло затем в общий обиход»³. В этом представляется принципиальное значение учредительного съезда для дальнейшей выработки новыми либералами политического курса по национально-государственной проблематике. С одной стороны, национальный и областной вопрос рассматривался в непосредственной связи, с другой стороны – выбор общей формулы позволял привлечь на сторону освободителей представителей многочисленных нерусских народностей. Кроме того, в январе 1904 г. в отличие от финляндского вопроса, еще не было выработано решение о необходимости более тщательной проработки статуса Царства Польского в составе Российской империи, несмотря на ее исторический опыт и особое положение. Считалось, что общая формула о признании права на самоопределение покрывала и этот вопрос⁴. В итоге при определении сущности Союза была принята приводимая Д.И. Шаховским примерно следующая формулировка: «В сфере национальных вопросов Союз признает

¹ Copeland W.R. Relations Between the Finnish Resistance Movement and the Russian Liberals, 1899–1904 // Essays on Russian Liberalism / ed. by Ch.E. Timberlake. Columbia, 1972. P. 112.

² Там же.

³ Шаховской Д.И. «Союз освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 552.

⁴ Там же.

право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения»¹.

На учредительном съезде «Союза освобождения» также были заслушаны ряд докладов, подготовленных представителями московской группы освободителей: об основаниях желательного государственного строя, о внешней политике и о будущей тактике партии. Первый из них в целях предосторожности был озаглавлен, по данным Д.И. Шаховского, «Об австрийской избирательной реформе, из сочинений Геллерта»² и сохранился в форме машинописной записки «Изложение проекта Геллерта» в архивном фонде редакции журнала «Освобождение»³. Согласно воспоминаниям П.Н. Милюкова автором данного документа является Ф.Ф. Кокошкин: «Вскоре после моего возвращения из-за границы (апрель 1905) один из самых наших деятельных единомышленников, Д.И. Шаховской, улыбаясь, передал мне коротенькую рукопись под загадочным и весьма академическим заглавием: «Изложение проекта Геллерта». – Геллерт? Известный германский баснописец XVIII столетия? Что такое? Речь шла о переходе от самодержавия к конституционному строю... в австрийской империи. ... Проект содержал краткий конспект будущего конституционного строя в России, набросанный твердой рукой государствоведа ... Ф.Ф. Кокошкина»⁴. Документ включает семь разделов, касающиеся основных законов, всеобщего избирательного права, структуры двухпалатного представительного учреждения и исполнительных органов власти, суда и окраинного вопроса. Данный конституционный проект можно считать первым программным документом нового либерализма, в котором

¹ Шаховской Д.И. «Союз освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 552.

² Там же. С. 553.

³ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 224.

⁴ Милюков П.Н. Роковые годы (Из воспоминаний) // Русские записки. 1939. № 13. С. 117.

был сформулирован вариант решения вопроса о национально-государственном устройстве России. Так, в отношении Галиции (Польши) признавалось право широкой местной автономии, с собственным местным органом в форме собрания, из которого предполагалось делегировать депутатов в верхнюю палату парламента. Относительно Чехии (Финляндии) считалось необходимым восстановить ее «статус кво», а для принятия общих с империей законов образовать делегационную комиссию из местного сейма и общего парламента¹.

Таким образом, формулировка по решению финляндского вопроса проекта Ф.Ф. Кокошкина практически полностью совпадает с окончательными постановлениями учредительного съезда «Союза освобождения». Однако, по свидетельству Д.И. Шаховского, серьезному обсуждению данный документ в ходе работы съезда не подвергся. По мнению основных лидеров нового либерализма, в дальнейшем его положения послужили основой работы над составлением полноценного конституционного проекта².

Начавшаяся 27 января 1904 г. русско-японская война сместила интересы протопартийных организаций в область внешней политики. В дальнейшем к вопросам национально-государственного устройства представители нового либерализма обратятся во время проходившей в Париже 30 сентября–9 октября 1904 г. Конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства. Организация встречи новых либералов с представителями революционных партий стала возможна в результате стремления к объединению и созданию единого фронта сторонников борьбы с российским самодержавием. Еще в мае 1904 г. на страницах журнала «Освобождение» было опубликовано «Письмо в редакцию», в котором автор X (псевдоним не расшифрован) призывал либералов и революционеров временно объединиться на основе одной общей цели – слома самодержавия. Союз предлагался

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 224. Л. 112.

² Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 553; Милуков П.Н. Роковые годы (Из воспоминаний) // Русские записки. 1939. № 13. С. 118.

временный, потому что автор признавал разнородность их политических устремлений и программ¹.

Благодаря усилиям финской оппозиции, в частности, Конни Циллиакусу, и при финансовой поддержке бывшего японского военного атташе в Санкт-Петербурге полковника Акаши была начата активная подготовка к проведению конференции. В. Коупленд, подробно исследовавший вопросы взаимодействия финского и русского либерального оппозиционного движения, придерживается точки зрения, что либералы знали о японской финансовой помощи в организации встречи². В своих воспоминаниях П.Н. Милюков отрицает личную осведомленность об этом факте, однако упоминает, что «Струве, вероятно, знал больше, ... о происхождении этого съезда»³.

К. Циллиакус пригласил к участию в конференции восемнадцать организаций, выразивших принципиальное согласие, три из которых имели общероссийский характер (Российская социал-демократическая рабочая партия, Партия социалистов-революционеров и Союз освобождения (в одном из вариантов протокола конференции обозначен как Группа русских конституционалистов)⁴), оставшиеся пятнадцать представляли национальные движения империи (Польская социалистическая партия, Всеобщий еврейский рабочий союз, Социал-демократия Польши и Литвы, Польская социалистическая партия «Пролетариат», Латышская социал-демократическая рабочая партия, Союз латышских социал-демократии, Украинская социал-демократическая партия, Украинская революционная партия, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Армянская социал-демократическая рабочая организация, Белорусская социалистическая Громада, Армянская революционная федерация, Польская национальная лига,

¹ Х. Письма в редакцию // Освобождение. 1904. № 24 (48). С. 436.

² Copeland W.R. The Uneasy Alliance. Collaboration Between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904. Helsinki, 1973. P. 153.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 169.

⁴ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 19.

Финляндская партия активного сопротивления)¹. Из приведенного перечня видно, что оформленные оппозиционные организации получили в этот период распространение преимущественно на окраинах империи. Организаторы стремились обеспечить общеимперский характер конференции, приглашая представителей всех территорий страны.

Из приглашенных восемнадцати оппозиционных организаций в работе конференции приняли участие только восемь (Партия социалистов-революционеров, Союз освобождения, Польская социалистическая партия, Латышская социал-демократическая рабочая партия, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Армянская революционная федерация, Польская национальная лига, Финляндская партия активного сопротивления)². Сохранившиеся в архиве редакции документы конференции свидетельствуют об участии 17 делегатов. «Союз освобождения» на конференции представляли П.Б. Струве, П.Н. Милюков (в документах конференции Александров), Петр Д. Долгоруков (в документах конференции Анисимов), В.Я. Богучарский (в документах конференции Глебов)³.

Первоочередная задача, которую была призвана решить Парижская конференция, заключалась в поиске способов «возможного согласованного действия для достижения целей, которые могли бы оказаться общими для всех этих организаций»⁴. Ввиду существенной (зачастую непреодолимой) разницы в идеологии, программных установках и тактике участвовавших в конференции партий, было признано необходимым: «ограничить суждение настоящего совещания установлением того минимума общих идей и целей, который уже в настоящее время входит в состав программ совещающихся партий и выяснение которого оставляет неприкосновенным все пункты про-

¹ Протокол конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства // Листок освобождения. 1904. № 17. С. 1; РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 14.

² РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 19об.

³ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215; Русский политический сыск за границей. Париж, 1914. Ч. 1. С. 185.

⁴ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 14об.

граммы и все тактические приемы каждой отдельной партии»¹. Уже в первый день заседания В. Черновым была предложена формулировка, в дальнейшем вошедшая в итоговый протокол, о необходимости учреждения посреднического бюро в России для координации возможных совместных действий². Во время второго заседания при обсуждении резолюции им же было инициировано расширение изначально отрицательной формулировки о ненависти к самодержавию положительной формулировкой о суверенитете народа при всеобщем избирательном праве³. Обращает на себя внимание, что при первичном обсуждении этого пункта П.Н. Милюковым были высказаны сомнения относительно своевременности включения данного пункта в резолюцию⁴. Однако уже на следующий день 1 октября 1904 г. он заявил о готовности освобожденцев поддержать данный пункт в итоговой резолюции⁵.

Даже в сокращенном составе национальные партии и их делегаты составляли три четверти всех участвовавших в конференции. Их преобладающее количество априори предполагало постановку на повестку дня вопроса о правах наций в составе Российского государства и возможных трансформациях национально-государственного устройства империи. Дискуссию по национальной проблематике уже в первый день конференции начал Р. Дмовский, представлявший Польскую национальную лигу, высказав предложение о включении в резолюцию мысль, что «самодержавие выродилось и для самосохранения и отвлечения от внутренних задач развивает свою внешнюю и окраинную политику»⁶. Против данной формулировки высказался К. Циллиакус, рекомендовав быть осторожнее в резолюции относительно национального вопроса и сосредоточиться на положительном и общем требовании конституционного режима⁷. Представители польских партий прямо

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 57.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 48.

⁵ Там же. Л. 48об.

⁶ Там же. Л. 47об.

⁷ Там же. Л. 48.

заявляли о том, что финские оппозиционеры поддерживают русских конституционалистов, по причине того, что последние уже определились с вопросом об автономном статусе Финляндии в составе Российского государства. К. Келлес-Крауз, представитель Польской социалистической партии, задавался вопросом: «если бы в России была конституция, хотя бы и настоящая, но не восстанавливающая автономии Финляндии, то считали ли бы ее финляндцы прогрессом». На что К. Циллиакус подтвердил готовность финнов бороться за автономный статус до конца¹. Существуют свидетельства того, что и сами финляндские «активисты» рассматривали свое сотрудничество с русскими либералами как временную меру, которая, с одной стороны, будет способствовать восстановлению финляндской автономии, а с другой – будущей полной независимости Финляндии (после революции в России). Сын Конни Циллиакуса, Конни Цилиакус-младший, в данном в 1923 г. интервью вспоминал: «Из детства я вынес две идеи, крепко закрепившиеся у меня в голове: первое, что когда-то в России будет революция, и это будет нечто великое и хорошее, чего ждут все либеральные и цивилизованные люди. Второе, что русские – отсталая, варварская и полуазиатская нация (the Russians were a backward, barbarous and semi-Asiatic people), у которой остальному миру нечему учиться политически, хотя революция должна освободить финнов и поляков и позволить России начать догонять Запад»².

Представители польских партий во время конференции открыто высказывали скепсис относительно позиции русских либералов по польскому вопросу. Р. Дмовский предположил, что русские патриоты начнут отпадать от либерального движения, если будет принят пункт о совместных действиях «Союза освобождения» с поляками³. П.Н. Милюков подтвердил отсутствие в либеральном движении четко сформулированной формулы решения национального вопроса, однако заверил оппонента, что националистов в среде ос-

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 48об.

² Konni Zilliacus. URL: <https://spartacus-educational.com/TUzilliacus.htm> (дата обращения: 18.04.2020).

³ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 48об.

вобожденцев нет¹. П.Д. Долгоруков шел еще дальше в этом вопросе, заявляя, что в понимании освобожденцев конституция без децентрализации невозможна². Впоследствии П.Н. Милюков вспоминал, что «на съезде Струве и другие наши делегаты шли дальше меня в этом вопросе. Мое упорное сопротивление затянуло прения на целых полтора заседания и привело к тому, что никакой формулы, приемлемой для обеих сторон, выработано не было. Помню, после прений ко мне подошел коренастый поляк с умным взглядом глаз и с энергичным выражением лица и сказал мне: “Очень рад познакомиться с русским человеком, который наконец в первый раз не обещает нам всего, чего мы требуем”. Это был Дмовский»³.

В ходе продолжительных дебатов было принято решение о включении в итоговый протокол конференции пункта, который, с одной стороны показал бы связь между решением национального вопроса и потребностью в трансформации политического строя в России, с другой – являлся бы универсальным и мог охватить весь спектр требований национальных партий. В итоге по вопросу о национальностях было зафиксировано «общее желание применять демократическую идею к установлению общего взгляда на решение этого вопроса», а также что, «за каждой народностью признается право на национальное самоопределение и на гарантированную законами свободу национального развития. Собрание единодушно признало, что настоящий режим является не организацией мирной совместной культурной работы различных национальностей, а организацией насилия, одинаково тяготеющего над всеми национальностями. Борьба против руссофикаторских стремлений, извращающих самые основы общественной жизни окраин, и против разжигания национальной вражды должна быть поставлена на ряду с борьбой против агрессивной внешней политики, так как то и другое одинаково имеет целью отвлечь внимание общественного мнения от вопросов внутренней политики,

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 48об.

² Там же.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. М, 1990. Т. 1. С. 253.

чтобы сколько-нибудь протянуть существование настоящего режима»¹. Из приведенной выше цитаты видно, что практически все предложения со стороны делегатов от польских партий были учтены. Представителям Великого княжества Финляндского удалось добиться включения в итоговую декларацию конференции пункта «об отмене всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии»².

В «Листке Освобождения» было опубликовано отдельные пояснения от «Союза освобождения», которое по вопросам национально-государственного устройства совпадало полностью с протоколом, однако исключало критику русификаторской политики империи на окраинах: «В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения в настоящее царствование»³.

20 октября 1904 г. в Санкт-Петербурге проходил второй съезд «Союза освобождения», который по своему составу и политическому настрою принципиально не отличался от первого. В съезде приняло участие, по сведениям Д.И. Шаховского, около 50 человек⁴. В процессе работы было принято тактическое решение об организации конституционных выступлений в рамках банкетной кампании, приуроченной к сорокалетию судебных уставов 1864 г. Также была поставлена проблема разработки «настоящей программы Союза взамен того краткого изложения его целей, которое было выработано первым съездом»⁵. Подготовленный к съезду в редакции журнала «Освобождение» проект программы был только заслушан, но не подвергся серьезному обсуждению. Было принято решение разослать его местным группам Союза для

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 17–17об.

² Там же. Л. 17об.

³ От Союза освобождения // Листок «Освобождения». 1904. № 17. С. 2.

⁴ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 570.

⁵ Там же. С. 571.

ознакомления, чтобы «сделать затем предметом занятий следующего съезда»¹. Ко второму съезду «Союза освобождения» также был подготовлен проект конституции и избирательного закона, составленный Московским и Петербургским отделениями Союза с участием ведущих юристов: Н.Ф. Анненского, И.В. Гессена, В.М. Гессена, П.И. Новгородцева, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского и др. Текст этого проекта в марте 1905 г. был выпущен отдельной брошюрой редакцией «Освобождения», и опубликован П.Б. Струве в журнале «Освобождение», а затем в России его перепечатала газета «Право»². По мнению Д.И. Шаховского, несмотря на то, что этот проект «не был никогда принят каким-нибудь ответственным органом Союза, но получил широкое распространение (между прочим, на земских съездах 1905 г.) и, несомненно, оказал влияние на дальнейшие работы по выработке текста соответствующих проектов»³. В выработанном тексте «Основного государственного закона» присутствовала и национально-государственная компонента, которая определяла территориально-правовую организацию империи. Постулировался принцип единой и неделимой России (п. 3), отдельным разделом было прописано положение Великого княжества Финляндского, которое было «неразрывно соединено с Российской Империей и во всех международных отношениях составляет вместе с ней одну нераздельную державу»⁴. «Основной государственный закон» предполагал восстановление всех прав Княжества, которые были ликвидированы в ходе царствования Николая II и, прежде всего, право издавать местные законы (п. 5). В раздел «Об основных правах граждан» был включен пункт о гражданском

¹ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 572.

² Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Париж, 1905; Освобождение. 1905. № 67. С. 278–282; Право. 1905. № 21. Стб. 1735–1746.

³ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 572.

⁴ Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Париж, 1905. С. 2.

равноправии, в т.ч. по этноконфессиональному признаку (п. 6)¹. Отдельным разделом было прописано широкое местное самоуправление, формирование местных органов власти должно было проходить по результатам всеобщих, равных, прямых и тайных выборов (п. 68)². В проекте отдельно не прописан польский вопрос, Царство Польское даже не выделено в качестве особой территории в отделе о местных учреждениях Российской империи, на что особое внимание обратил во вступительной статье П.Б. Струве, по мнению которого «русско-польские отношения должны быть вновь поставлены на почву принципиального признания конституции 1815 г.»³. Все вышеперечисленные пункты позволяют сделать вывод о том, что к концу 1904 г. получили дальнейшее развитие намеченные еще в 1902 г. основные направления политического курса новых либералов по национально-государственному вопросу. Практически в неизменном виде были включены пункты о гражданском равноправии, а пункт о Великом княжестве Финляндском был скорректирован с учетом результатов Парижской конференции оппозиционных групп и партий.

Осенью 1904 г. произошло еще одно важное событие в политической жизни не только новых либералов, но и всей России. 6–9 ноября 1904 г. на петербургских частных квартирах состоялось частное совещание земских деятелей, получившее в литературе наименование «общеземского съезда», поскольку оно было весьма представительным: в нем в общей сложности участвовало 103 (по другим данным, 104) делегата от 33 губерний⁴. Главной целью участников съезда являлось рассмотрение проекта политической программы об изменении государственного устройства и принятии конституции. Однако, вероятно, из-за слишком большой поляризации мнений участников съезда, рассматриваемые им постановления напрямую не затрагивали ни на-

¹ Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Париж, 1905. С. 2–3.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. XII.

⁴ Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 года в С.-Петербурге. М., 1905.

ционального, ни областного вопроса. Только идея религиозного равноправия была отражена в 6-м пункте постановления: «Для полного развития духовных сил народа, для всестороннего выяснения общественных нужд и для беспрепятственного выражения общественного мнения необходимо обеспечение свободы совести и вероисповедания, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзов»¹.

В ходе обсуждения пункта о земских учреждениях был поставлен областной вопрос. Один из делегатов, А.В. Васильев заявил, что «и окраины России также нуждаются в местном самоуправлении. Кроме того, введение самоуправления в окраинах явилось бы знаком братского доверия ко всем национальностям, входящим в состав России. Такая политика имела бы своим последствием сплочение всех наций в одну семью»².

Будущий ведущий специалист кадетской партии по национальному вопросу Ф.Ф. Кокошкин, наоборот, заявил: «Указать на распространение земских учреждений на всю Россию следует, хотя, может быть, придется делать и исключения для местностей, населенных кочевыми и полудикими племенами»³. Таким образом, даже местное самоуправление ставилось в прямую зависимость от уровня «цивилизованности» инородцев, развития у них «уровня гражданственности». Эта точка зрения и вошла в 9-й пункт, последний абзац которого гласил: «Местное самоуправление должно быть распространено на все части Российской империи»⁴.

После конференции в Париже в конце 1904 г. новые либералы предприняли первые попытки заключить польско-российское соглашение. Сразу после окончания работы ноябрьского съезда земских и городских деятелей 12 ноября в Москве состоялась встреча польских и российских активистов,

¹ Постановления II съезда земских деятелей 6–9 ноября 1904 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы (Документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. С. 50.

² Общеземский съезд 6–9 ноября 1904 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. С. 93.

³ Там же. С. 95.

⁴ Постановления II съезда земских деятелей 6–9 ноября 1904 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы (Документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. С. 50.

представляющих буржуазные сферы. В нем участвовали от польской стороны граф Адам Красинский, Людвик Страшевич, Владислав Жуковский, Станислав Виджга и Александр Ледницкий, с российской стороны – Сергей Муромцев, Василий Скалон, Виктор Гольцев, Николай Гучков, Петр Долгоруков¹. Из-за самого момента встречи, когда позиции обеих сторон еще не были окончательно определены, а также из-за узкого представительства польской делегации, тон которой был задан главным образом посредниками, совещание не приняло никаких существенных резолюций. Однако было принято решение, что в будущем необходимо созвать более широкий польско-русский съезд. Что и было реализовано в апреле 1905 г.

Подводя итог рассмотрению процесса выработки политического курса нового либерализма по национально-государственному устройству России в 1902–1904 гг., следует отметить, что к началу Первой русской революции отечественные либералы вплотную подошли к данной проблеме. Национально-государственная компонента рассматривалась как часть общего курса по политическому освобождению России, т.е. перехода к конституционной форме правления, которая должна была обеспечить реализацию базовых принципов либерализма: личной свободы и гражданского равноправия, в том числе равноправия религиозного и национального.

Единственным народом России, в отношении которого прямо была поставлена задача отмены ограничительного законодательства, были евреи. Постановка вопроса о правах евреев была, вероятно, вызвана множеством факторов, среди которых: активная роль еврейской интеллигенции в освободительном движении; неприятие либеральными интеллектуалами правительственного антисемитизма и жуткие случаи насильственных действий в отношении евреев (такие, как Кишиневский погром 1903 г.). Вопрос об областном управлении в тот период еще не нашел должного решения, хотя и были высказаны диаметрально противоположные идеи: от признания принципа феде-

¹ Lednicki A. Z Lat Wolny. Artykuly, Listy, Przemowienia (1915–1918). Warszawa, 1921. S. 116.

рации до заявлений о неготовности части народов империи к «цивилизованному» управлению. Единственной окраиной России, чье право на автономию поддерживалось новыми либералами, являлась Финляндия. Это было вызвано и тем обстоятельством, что еще со второй половины XIX в. русские либералы видели в парламентской системе Финляндии «воплощение принципа, достижение которого было бы желательно и в государственной жизни России»¹. Будущее совместное существование России и Финляндии виделось на принципах, восходящих к прежней ситуации, попорченной имперской властью в 1899 г. В отличие от Финляндии, Польша (которая многими в России воспринималась как потенциально мятежная провинция, а поляки – как бунтари-анархисты, которые всегда держали «всех соседей в вечной тревоге»²) в том период не получила от русских либералов признания своих автономных прав.

На период 1903–1904 гг. приходится сложный процесс организационного оформления нового либерализма, который нашел выражение в создании двух протопартийных либеральных организаций «Союзе земцев-конституционалистов» и «Союзе освобождения». На учредительном съезде последнего прозвучало принципиальное положение либеральной национальной программы, заключавшееся в признании за народностями империи права на самоопределение. «Союз освобождения» предполагал развивать свою деятельность по ключевым направлениям традиционных западноевропейских партийных программ. Отличие «Союза освобождения» как организации нового либерализма также заключалось и во включении в тактику нелегальных методов борьбы, расширении социального состава за счет третьего элемента. Именно на базе «Союза освобождения» происходила выработка политического курса по национально-государственному устройству представителями нового либерализма в этот период.

До 1905 г. развития в виде конкретных программных положений тезис

¹ Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80-90-е гг. XIX в. Л., 1982. С. 11.

² Ренненкампф Н.К. Польский и еврейский вопросы. Открытые письма Б.Н Чичерину. Киев, 1898. С. 14.

о праве наций на самоопределение не получил, но он опирался на солидный теоретический фундамент западной либеральной мысли. Следствием признания права на самоопределения за народностями Российской империи явилась «Декларация», принятая в 1904 г. на Конференции оппозиционных и революционных организаций России, которая, получила развитие и реализацию в дальнейшей практической деятельности новых либералов. Таким образом, в период 1902–1904 гг. происходит постепенная выработка политического курса по национально-государственному вопросу в отечественном новом либерализме.

3. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА НОВОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

3.1. Дискуссии о национально-государственном устройстве России в отечественном либерализме в первый год революции

В истории развития российского либерального движения начала XX в. одним из решающих внешних факторов следует рассматривать Первую русскую революцию (1905–1907 гг.), достижением которой является ускорение процесса консолидации либеральных сил в идейно-политическом плане. Начало данному процессу во многом положили события 9 января 1905 г., которые подверглись детальному обсуждению и разбору на страницах журнала «Освобождение». Д.И. Шаховской в своих воспоминаниях пишет, что «надо перечитать три ближайших номера “Освобождения” и издававшегося при нем листка, чтобы восстановить в памяти то ошеломляющее впечатление, которое 9 января и его ближайшие последствия произвели на русское общество»¹. По мнению А. Мартынова, «после 9-го января на фоне разрастающегося народного движения политическая роль обеих организаций, “Союза освобождения” и “Союза земцев-конституционалистов”, начинает быстро падать». Автор объясняет это с тем, что «общественная среда, которая раньше представляла главную сферу влияния освободенцев, теперь значительно опередила их и ушла далеко влево от своих недавних учителей»².

Однако большее значение в процессе оформления либеральных политических партий и выработки их принципиального отношения к революционным событиям, власти и происходящим изменениям в стране сыграл Вы-

¹ Шаховской Д.И. Союз Освобождения // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 580.

² Мартынов А. История конституционно-демократической партии // Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб., 1914. Т. III. Кн. 5. С. 6–7.

сочайший рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина от 18 февраля 1905 г., в соответствии с которым было принято решение «привлекать достойнейших, доверием народа облечённых, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений»¹.

П.Н. Милюков в воспоминаниях писал о том, что «важнее этой маленькой уступки, не выходящей за пределы прежних, неосуществившихся попыток этого рода, был для русского общества секретный циркуляр министра внутренних дел “не препятствовать существующим общественным и сословным учреждениям” и т.д. “подвергать своему обсуждению предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства” и т.д.»². Оба документа были восприняты представителями либерального движения, как разрешение на публичные съезды и обсуждение вопросов об изменении системы политической власти в стране. 1905 г. становится годом проведения значительного количества съездов представителей земского и городского самоуправления, на которых будут обсуждаться ключевые вопросы российской действительности начала XX в., такие как аграрный, вопрос о власти, рабочий, а также национальный, впоследствии вошедшие отдельными главами в партийную программу конституционно-демократической партии. Проекты докладов и резолюций для земских съездов готовили, как правило, идейные лидеры «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», входившие в организационное бюро съездов. Через участие в работе земских и городских съездов обе протопартийные организации надеялись «повлиять на возможно широкую постановку и благоприятный исход намеченной работы»³.

¹ Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел (18 февраля 1905 г.) // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 22.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 184.

³ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 583.

Революционные события 1905 г. привели к активизации национальных движений и на окраинах империи. Русификаторская политика царской власти, начало которой следует искать еще во второй половине XIX в. получившая дальнейшее развитие в начале XX в., стала причиной того, что борьба за политические, экономические и социальные права на окраинах приобретала национальную окраску. В условиях Первой русской революции, по свидетельству современников, среди национальных меньшинств не проявлялись сепаратистские тенденции: «я не помню открытых врагов старой России, – пишет В.А. Маклаков. – Помню врагов Самодержавия, а не русского общества». Самодержавие выступало общим врагом не потому что оно было националистически настроенным, а в силу стремления к унификации всех сфер жизни для сохранения унитарного характера государства. По определению В.А. Маклакова, «вся Россия *одинаково* была против воли Самодержца *бесправна*»¹. Тесная связь освободителей с оппозиционным движением в Финляндии, налаживание связей через известного польского адвоката А.Р. Ледницкого с представителями польского освободительного движения, формирование местных отделов «Союза освобождения» в Юго-Западном крае приводят к увеличению числа представителей окраин в заседаниях Союза и необходимости выработки более четкой программы по решению вопроса о будущем национально-государственном устройстве страны.

Уже 24 февраля в Москве на квартире Ю.А. Новосильцева проходит IV съезд «Союза земцев-конституционалистов»². На съезде было принято решение постараться обеспечить широкое общественное представительство в комиссии А.Г. Булыгина с целью «скорейшего созыва учредительного собрания», состоящего из двух палат на основе «всеобщего права голоса»³. Обращает на себя внимание признание необходимости создания именно двухпа-

¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936. Ч. 1. С. 227.

² Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 583.

³ Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 24 февраля 1905 года // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 154.

латного представительного органа, в котором вторая палата должна была быть от земских и городских учреждений. Условия представленности окраин, в которых земские учреждения отсутствовали в силу местной специфики не оговаривалось. Таким образом, постановления съезда носят общий установочный характер, потребность в которых вызвана меняющейся политической ситуацией в стране.

По свидетельству И.П. Белоконого, одновременно со съездом земцев-конституционалистов происходили совещания и городских деятелей, результатами которых стали «энергичные петиции некоторых городских дум, не только требовавших всеобщего (равного, прямого и тайного) голосования, но даже и учредительного собрания»¹. Автор отмечает, что наиболее крайне были настроены города Кавказа. В канцелярии Совета Министров по наместничеству на Кавказе, созданному 26 февраля 1905 г., сохранились обращения представителей дворянства, буржуазии, городских и сельских обществ Кавказа с предложениями об организации двухпалатной Государственной думы на основе всеобщего избирательного права, о распространении земских учреждений на край, что смогло бы обеспечить представительство всех территорий империи в составе верхней палаты российского парламента. Особую активность проявили представители кутаисской городской думы, предложившие ввести областную автономию².

В новых политических условиях, сложившихся в России после 18 февраля 1905 г. начинается активная работа по выработке программы будущей конституционно-демократической партии. В статье «Вопросы тактики» П.Б. Струве призывает активизировать создание местных комитетов реформ на легальных основаниях, предоставленных Манифестом 18 февраля 1905 г. и начать активную пропаганду освобожденческих идей среди широких масс населения на основе программы, общие черты которой обозначены в этом же номере и представляли собой «Основной государственный закон Российской

¹ Белоконосский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 272.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 15. Л. 10–15.

империи», выработанный Московским и Петербургским отделениями «Союза освобождения» с участием В.М. Гессена, П.И. Новгородцева, И.В. Гессена, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского и И.И. Петрункевича в октябре 1904 г. после Парижской конференции оппозиционных и революционных групп и партий¹.

Описывая деятельность «Союза освобождения» в 1905 г. П.Н. Милюков особо отмечал, что «в наших работах тех дней нам пришлось коснуться, наконец, и национального вопроса – в связи со стремлениями поляков к автономии»². Однако Царство Польское было не единственной окраиной, желавшей, чтобы программа русских либералов включала их требование областной автономии. В феврале–марте 1905 г. в период подготовки к III съезду «Союза освобождения» и выработки проекта его программы проходят совместные совещания лидеров Союза и представителей его южнорусских групп для обсуждения требований, которые предъявляли украинцы. Сведения о предъявляемых требованиях нашли отражение в статье Украинца (Кистяковского Б.А.³) «Русские оппозиционные партии и украинцы». К участию в обсуждении были приглашены «украинцы всех направлений, родственных Союзу освобождения, т.е. либералы, радикалы и демократы». Столь широкий состав определил и широту требований: признавая в качестве идеального варианта формы государственного устройства федерацию на основах национального областничества, в условиях 1905 г. наиболее удобной была признана все-таки областное самоуправление. В качестве критерия для разделения на области должны были выступить однородность экономических, географических и этнографических условий. Также предлагалось дополнить существующую земскую систему самоуправления более крупной, чем губернское земство – областной единицей, которая имела бы представительство в парламенте. Вторым требованием стало введение преподавания в на-

¹ Струве П.Б. Вопросы тактики // Освобождение. 1905. № 67. С. 281.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 187.

³ Шацилло К.Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1981. С. 113.

чальной школе для украинцев на родном языке, введение в программу средней и высшей школы истории Украины, украинского языка и истории украинской литературы. И замыкало перечень требование ведения делопроизводства на украинском языке в «учреждениях близких к украинскому народу»¹. С вышеназванными требованиями согласились все участники совещания. К сожалению, протоколы данных совещаний, как и протоколы III съезда «Союза освобождения» пока не обнаружены, в связи с чем выяснить, кто принимал участие в обсуждении данных требований не удалось. Обсуждение выдвинутых требований продолжилось на состоявшемся 25–28 марта 1905 г. съезде «Союза освобождения» в Москве, главной задачей которого, по мнению И.П. Белоконского, было «обсуждением конституции»,² т.е. программы Союза. Съезд был представлен 27 городами³, проходил в московских квартирах «весьма сильной адвокатской группы», состав членов остался без изменений по сравнению со II съездом, расширение произошло за счет ростовской-на Дону группы и «Вятского демократического союза»⁴.

К началу работы съезда из Америки вернулся П.Н. Милюков, который вошел в состав группы, занимавшейся переработкой текста «Проекта Основного закона» в текст программы «Союза освобождения». Кроме него в состав данной группы входили М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, «но рабочую силу составляли молодые профессора-юристы нового поколения – Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев и другие»⁵.

Программа «Союза освобождения» по свидетельству Д.И. Шаховского была тщательно рассмотрена и принята довольно единодушно, но при этом «не считалась чем-либо законченным и неподвижным», что свидетельствует

¹ Украинец. Русские оппозиционные партии и украинцы // Освобождение. 1905. № 77. С. 468.

² Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 388.

³ Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 612.

⁴ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 585.

⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 186.

о незавершенности процесса оформления Союза в парию¹. Текст структурно и содержательно близок к Проекту Основного закона Российской империи, составленного в октябре 1904 г., и проекту программы, опубликованной П.Б. Струве в «Освобождении» от 5 марта 1905 г. Таким образом, можно утверждать, что именно в программе «Союза освобождения», принятой III съездом в марте 1905 г. мы находим логическое продолжение развития политического курса новых либералов по решению вопроса о национально-государственном устройстве России.

Программа предусматривала, как и в 1902 г., признание прав человека и гражданина, в составе которых на первом месте стоят «равенство всех перед законом без различия пола, вероисповедания и национальности». Далее приводится расширенное толкование предыдущего требования, которое полностью повторяет заявление «От русских конституционалистов», опубликованное в первом номере журнала «Освобождение» в 1902 г.: «всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и других отдельных групп населения должны быть отменены»². Это позволяет утверждать, что по-прежнему часть проблем национального характера либералы предполагали решить через введение элементов гражданского равноправия, т.е. базовых принципов либеральной идеологии.

Если вопрос о равенстве граждан представляется окончательно решенным, то вопрос о национально-государственном устройстве России с представительной формой правления получает в программе «Союза освобождения» новую интерпретацию по сравнению с предыдущим этапом. Данное утверждение относится, в первую очередь, к вопросу децентрализации управления на окраинах империи: «самое широкое областное самоуправление должно быть, во всяком случае, предоставлено областям Империи, резко

¹ Шаховской Д.И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 585.

² Съезд «Союза освобождения» 25–28 марта 1905 г. // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 158.

обособленным по своим бытовым и историческим условиям»¹. В качестве примера в документе приводятся Польша, Литва, Малороссия и Закавказье. Таким образом, в отличие от Проекта Основного закона Российской империи, в котором автономия Польши была прописана отдельным пунктом, программа «Союза освобождения» в решении вопроса децентрализации управления идет существенно дальше, уточняя территории, на которые возможно распространение законодательной автономии. Согласно сведениям Б.А. Кистяковского, в ходе обсуждения данного пункта возникли дебаты по поводу предложенного украинцами введения областного самоуправления через деление России на области: «некоторые очень видные земцы-освобожденцы выступили определенно и резко против этих требований, доказывая, что губерния есть самая целесообразная единица по территории и населению для организации самоуправления»². Большинство членов съезда предложение об областной автономии, как общего принципа реорганизации местного самоуправления была отвергнута. В виде исключения в проекте ее оставили только для Польши, Литвы и Закавказья. Малороссии в изначальном перечне не было. Таким образом, «Съезд принял во внимание и требование малороссов, которое отстаивали все представители южнорусских групп, ...и присоединил к названным областям также Малороссию»³.

В отличие от вопроса об областной автономии, финляндский вопрос решался полностью идентично проекту Основного закона: «конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенное государственное положение, должна быть всецело восстановлена и торжественно признана в основных законах Российской Империи. Всякие дальнейшие мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь делом соглашения между законодательными факторами Империи и Великого Княже-

¹ Съезд «Союза освобождения» 25–28 марта 1905 г. // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 160.

² Украинец. Русские оппозиционные партии и украинцы // Освобождение. 1905. № 77. С. 468.

³ Там же.

ства»¹. Обращает на себя внимание стремление авторов программы подтвердить факт наличия конституции у окраины в основных законах государства, сняв, таким образом, с повестки дня самый дискуссионный вопрос в отношениях империи и Финляндии. Данное положение не будет реализовано в «Основных государственных законах Российской империи» 23 апреля 1906 г., хотя отдельным пунктом (п. 2) будет указано право решения внутренних дел окраины на основе особого законодательства².

Помимо областной автономии программой «Союза освобождения» предполагалось введение права наций на самоопределение, под которым подразумевалось «употребление в начальных школах и во всех местных учреждениях народного языка». Данная формулировка представляет собой определенное развитие по сравнению с «Основным государственным законом Российской империи» в части употребления местных языков.

Проведенный сравнительный анализ двух документов, отделенных друг от друга пятью месяцами позволяет сделать вывод о расширении и уточнении требований новых либералов по национально-государственному устройству в условиях Первой русской революции. Областная (законодательная) автономия как средство решения проблем национального характера в Российской империи появляется только в условиях революции. Однако включение в число территорий, для которых допускалось ее введение, новых окраин, может свидетельствовать о стремлении членов «Союза освобождения» найти поддержку среди оппозиционно настроенного окраинного населения.

Программа «Союза освобождения» опубликована журналом «Освобождение» в № 69–70 от 20 мая 1905 г.³ В этом же номере П.Б. Струве в статье «К программе Союза освобождения» подверг критике решение III съезда ор-

¹ Съезд «Союза освобождения» 25–28 марта 1905 г. // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 160.

² Высочайше утвержденные Основные государственные законы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 26. 1906. СПб., 1909. № 27805. С. 156.

³ Программа Союза освобождения // Освобождение. 1905. № 69–70. С. 305–306.

ганизации, в том числе и по вопросу национально-государственного устройства страны. «В пункте об областном самоуправлении, – писал он, – мы считаем неправильной постановку на одну доску Польши, Литвы, Малороссии и Закавказья»¹. Обосновывалось это недостаточным уровнем обособленности вышеназванных регионов. При этом следует иметь в виду, что автономию Польши Струве понимал не как признание за ней права на политическую независимость, а как автономию в границах единого российского государства. Кроме того, он поставил вопрос о необходимости индивидуального подхода к положению каждой отдельно взятой национальной окраины. Объяснялось это разным уровнем развития отдельных частей империи. Соответственно, и предоставляемые права в области самоуправления должны быть разными².

Через две недели после III съезда «Союза освобождения» в Москве проходил польско-русский съезд. П.Н. Милюков в воспоминаниях неточно указывает дату съезда – 7(20) апреля 1905 г. Данная неточность может быть объяснена спецификой условий создания автором данного произведения в эмиграции без доступа к оставшимся в России документам. В Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде 279 журнала «Освобождение» сохранилась машинописная копия протокола, которая была переслана П.Б. Струве в Париж после съезда³. В названии дела ошибочно указан апрель 1904 г. Дата проведения съезда – 8–9 апреля 1905 г. В Государственной архиве Российской Федерации в фонде Р-9510 Представительства регентского совета Королевства Польского сохранились рукописный оригинал, написанный А.Р. Ледницким,⁴ и печатная копия протокола польско-русского съезда в Москве также с датами 8–9 апреля 1905 г.⁵

Этот съезд был организован при активном участии польского общественного и политического деятеля, присяжного поверенного А.Р. Ледницкого.

¹ П.С. К программе Союза Освобождения // Освобождение. 1905. № 69–70. С. 307–308.

² Там же. С. 308.

³ РГАСПИ. Ф.279. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–24.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9510. Оп. 1. Д. 312. Л. 15–37.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9510. Оп. 1. Д. 310. Л. 12–34.

В работе съезда принимали участие представители городского и земского самоуправления, а также интеллигенции (адвокаты, литераторы, врачи, инженеры и т.д.). В политическом отношении польская сторона была представлена различными направлениями, в том числе Национал-демократической и Прогрессивно-демократической партиями. От российской стороны на съезде присутствовали члены организационного бюро «Союза освобождения» Д.И. Шаховской, П.Д. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Муромцев, П.Н. Милюков и др. В соответствии с протоколом съезда всего присутствовало 75 человек. В задачи съезда входило помимо установления связи между русскими и поляками и установления способов общения, также согласование программных требований и выработка согласованных действий¹.

Ораторы с польской стороны сосредоточились на критике русификаторской политики в Царстве за последние 40 лет (политической, экономической и культурной), специфике края по сравнению с внутрироссийскими губерниями (гминное устройство, школьное образование), крестьянском движении на территории окраины, сокращении прав в области землепользования для поляков в Северо-Западном и Юго-Западном краях (для поляков земля в данных регионах не являлась предметом гражданского оборота. Запрет на куплю-продажу земли был введен указами от 10 декабря 1865 г.)².

Представители русской стороны присутствовали и выступали на съезде как частные лица, выражавшие собственное мнение, а не мнение организации или партии. Это важное замечание, сделанное Ф.Ф. Родичевым позволяет сделать вывод, что если польской стороной форма встречи определялась как съезд, то для представителей российского либерального движения это было совещание частных лиц, не обязывавшее включать в программные требования уже существовавших протопартийных организаций или формирующейся конституционной партии договоренности, достигнутые на съезде. Характер частного совещания также является свидетельством отсутствия в ли-

¹ РГАСПИ. Ф.279. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–5.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. 1865. СПб., 1867. № 42759–42760. С. 326–328.

беральном движении единого мнения относительно требований поляками автономии. Присутствовавший на съезде Ф.Ф. Кокошкин, специализировавшийся на национальном и областном вопросе в «Союзе освобождения», предложил собравшимся детально проработать программу введения в Царстве Польском законодательной автономии с четко определенными рамками предметов законодательства местных польских учреждений. Против столь подробной разработки вопроса выступил Д.И. Шаховской, предложивший принципиально признать автономию Царства Польского¹. Еще один представитель освобожденческого движения В.Е. Якушкин, поддерживая внесение требований о польской автономии в программу русских конституционалистов, обратил внимание на необходимость соблюдения прав русского населения в Польше, в связи с чем «в польскую конституцию должна быть включена общая декларация прав, одинаково обеспечивающая основные права и поляков, и русских»².

Обращает на себя внимание разница в подходах к постановке проблемы представителями польской стороны и русскими либералами. Поляки в большей степени обращаются к историческому опыту существования на территории Польши законодательной автономии, насильственной и несправедливой политике российского самодержавия, придают польскому вопросу международный статус (в данном случае можно наблюдать отсылку к событиям 1863–1864 гг.). Представителей российской стороны в большей степени интересовали вопросы правового характера, юридического обоснования автономного статуса окраины и возможности сохранить целостность Российской империи.

А.Р. Ледницкий в общих чертах описал круг вопросов, которые должны остаться за имперским центром в случае предоставления Царству автономии: «общие финансы, торговые и международные договоры, иностранные

¹ РГАСПИ. Ф.279. Оп. 1. Д. 39. Л. 10, 13.

² Там же.

сношения, таможня и декларация прав человека»¹. Вариант автономии, предложенный краковским редактором Балицким, включал 7 пунктов, в том числе: восстановление польского языка во всех публичных сферах, полная свобода вероисповедания и обрядов, введение в администрацию края польских чиновников, бессословность местного самоуправления, служба польских военных по призыву исключительно на территории Царства, отмена всех законодательных ограничений, направленных против поляков². Точку зрения Балицкого о границах автономии поддержал П.Н. Милюков. После продолжительных прений в текст резолюции было включено два пункта: 1) принцип обязательной автономии для Польши; 2) необходимость более подробного ее обсуждения на следующем съезде³.

Речь проф. М.Э. Здзеховского, закрывавшая работу съезда, в протоколе отсутствует, но была опубликована в периодической печати, в частности, в газете «Московская неделя»⁴. Здзеховский подвел итог двухдневного польско-русского съезда: «поддерживаемая свирепой шовинистической печатью, русская бюрократия закрыла перед нами Русский народ и что мы забыли о существовании русского общества, которое представлялось нам бездушным материалом в руках правительства, слепым орудием его целей. Одно для нас ясно: что сама по себе, бюрократия никогда ничего нам не даст, нынешний бюрократический строй должен быть отменен, что вы, господа, являетесь нашими единственными надежными друзьями в России и что по этому мы по мере возможности должны идти рука об руку с русским освободительным движением»⁵. Б. Бенедиктов отмечает, что этот съезд положил начало ряду совещаний между представителями русской интеллигенции и инородческими

¹ РГАСПИ. Ф.279. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.

² Там же. Л. 14–15.

³ Там же. Л. 19.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9510. Оп. 1. Д. 310. Л. 34; Речь проф. М.Э. Здзеховского // Московская неделя. 1905. № 1/2–3. С. 23–24.

⁵ Речь проф. М.Э. Здзеховского // Московская неделя. № 1/2–3. С. 24.

партиями. Весьма активное участие в этих переговорах принимал П.Н. Милюков с одной стороны и А.Р. Ледницкий – с другой¹.

К главным итогам данного съезда следует отнести признание представителями российского либерального движения необходимость вынесения вопроса о польской автономии отдельным пунктом программы, чего до этого не было сделано, а также подробной разработки границ польской автономии в составе российского государства. Для реализации обозначенных пунктов российским либералам потребовалось пять месяцев. Уже на сентябрьском земско-городском съезде была представлена программа «Союза освобождения» по предоставлению Польше автономии в составе России. Таким образом, основы польской автономии были выработаны в ходе непосредственных переговоров с поляками.

На съезде «Союза земцев-конституционалистов, проходившем 9–10 июля 1905 г. в Москве, было принято решение создать комиссию из 20-ти членов, которой было поручено «вступить в соглашение с близкими по направлению группами по своему усмотрению, составить вместе с лицами, которые будут уполномочены от тех групп временный комитет партии, приступить к необходимым действиям по ее организации»².

23–25 августа 1905 г. в Москве проходил четвертый съезд «Союза освобождения», на котором была избрана комиссия из 40 лиц. Съездом ей было поручено войти по вопросу об организации открытой конституционно-демократической партии «в сношения с другими общественными группами и принимать все нужные подготовительные меры»³.

В число выбранных съездом «Союза освобождения» 40 человек входили 15 из 20 избранных лиц «Союзом земцев-конституционалистов». Проходивший в сентябре 1905 г. общероссийский съезд земских и городских деяте-

¹ Бенедиктов Б. П.Н. Милюков и национальный вопрос // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия 1859–1929. Париж, 1929. С. 209–210.

² Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 9–10 июля 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 360.

³ Съезд «Союза освобождения» 23–25 августа 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 380.

лей стал платформой, на которой были опробованы основные положения, намеченные сорокочленной комиссией для программы будущей партии. Не был исключением и вопрос о будущем национально-государственном устройстве России.

Съезд проходил в Москве с 12 по 15 сентября 1905 г., его заседания широко освещались в прессе. В московской либеральной газете «Русские ведомости» публиковались постановления съезда, а в юридической газете «Право» выходили стенографические отчеты заседаний, включавшие в себя и прения по озвученным на съезде докладам. В работе съезда приняли участие 126 представителей земств и 68 представителя городских управлений¹. Впервые в истории земских съездов на заседание были приглашены представители неземских губерний, а именно Северо-Западного края, Царства Польского, Области Войска Донского и Сибири. Одной из причин для подобного расширения персонального состава участников можно назвать стоявший на повестке дня вопрос о правах национальностей и децентрализации управления.

Описывая работу съезда земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. в Москве, историк и политический деятель А.А. Кизеветтер писал, что публика устремилась на эти заседания, словно в парламент. Значение данного съезда, по мнению автора, заключается в том, что «здесь еще раз были обсуждены все части политической и социальной программы, которую предполагалось положить в основу конституционно-демократической партии. Много говорили в обществе, между прочим, о дебатах, возникших там по польскому вопросу; тогда А.И. Гучков выступил против автономии Польши, мысль о которой была выдвинута конституционалистами, и на защите этой мысли пожинал на этом съезде первые лавры политического дебата Ф.Ф. Кокошкин»².

¹ Съезд земских и городских деятелей // Право. 1905. № 37. С. 3043–3044.

² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881 – 1914 / вступ. ст., коммент. М.Г. Вандалковской. М., 1996. С. 268.

Дебаты, о которых пишет А.А. Кизеветтер, связаны с докладом организационного бюро «О правах национальностей и о децентрализации», представленным съезду на заседании 13 сентября 1905 г. Ф.Ф. Кокошкиным¹.

Доклад начинается с признания политической целостности Российской империи при обособленном положении Великого княжества Финляндского (несмотря на все объединительные мероприятия, проведенные в царствование Николая II, Финляндия оставалась единственной территорией империи с выборным представительным органом – сеймом), а также территориальной, экономической и этнографической гетерогенности государства.

Наличие центробежных тенденций и рост национального движения на окраинах объясняются докладчиком русификаторской политикой царского правительства. Принудительный характер проводимых империей объединительных мероприятий административной, экономической, военной, а главное, культурной направленности привел к включению в либерально-демократическую программу национальных движений окраин вопрос о децентрализации управления после изменения политического строя российского государства.

В докладе подчеркивается неразрывная связь между политическими правами и свободами конституционного государства и расширением культурных и политических прав окраин. «Насильственное подчинение какой-либо части населения государства политическому порядку, несообразному ее нуждам и стремлениям, не только несправедливо, но почти всегда и невыгодно. И такого рода политика особенно опасна для государства конституционного, ибо она подрывает основные устои политической свободы»². Гражданское равноправие как основа либеральной идеологии включает в себя равенство всех граждан перед законом независимо от национальности и вероисповедания.

¹ О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905.

² О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 2.

Доклад Ф.Ф. Кокошкина обращает на себя внимание и тем, что в нем представлены предложения, поступившие в организационное бюро после июльского съезда 1905 г. в связи с обсуждением принятого проекта основного государственного закона. Изучение данных предложений позволяет оценить претензии отдельных национальных движений окраин империи на политическое и культурное обособление.

Первыми в докладе приводятся предложения от партий Царства Польского, для которых вопрос о правах национальностей и децентрализации управления являлся наиболее актуальным. Ф.Ф. Кокошкин переходя к их описанию, ссылается на уже имевшийся опыт совместной работы русских либеральных и польских оппозиционных сил, указывая встречу частных лиц в ноябре 1904 г. Докладчик отмечает, что представленные в организационное бюро земского и городского съезда польскими активистами предложения, обсуждались на русско-польском съезде в апреле 1905 г. и имели вид «поправок к принятому съездом в первом чтении проекту основного закона»¹. Предлагалось уточнить первый раздел «О законах» более четким разделением функционала общегосударственного представительного органа и автономных учреждений, а также во второй раздел «О правах русских граждан» включить пункты о возможности преподавания в школах на местных языках и равноправии общегосударственного и национальных языков в судах и администрации. Отдельным разделом была прописана «Автономия Царства Польского», подразумевавшая автономическую конституцию, сейм, участие польских депутатов в общероссийском представительстве. Связующим звеном между империей и окраиной должен был выступать российский монарх. Законы, издаваемые польским сеймом, по проекту должен был утверждать государь. Предполагалось введение по образцу Финляндии должности министра статс-секретаря в качестве посредника между центром и окраиной. Отдельно в докладе оговаривается обсуждение спорного вопроса о границах

¹ О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 3.

Царства, т.к. его национальный состав не ограничивался польским населением, а включал еще литовское и украинское. Предлагалось передать решение данного вопроса населению, непосредственно проживавшему на спорных территориях.

По свидетельству И.П. Белоконского в первой половине 1905 г. общероссийские земские съезды и съезды городских деятелей в Москве и Санкт-Петербурге происходили параллельно с совещаниями и заседаниями городских и земских деятелей в регионах. Результатами этих встреч стали «энергичные петиции некоторых городских дум, не только требовавших всеобщего (равного, прямого и тайного) голосования, но даже и учредительного собрания». Автор отвечает, что наиболее крайне были настроены города Кавказа¹.

Поступившие в оргбюро от Кутаисской городской думы предложения о децентрализации управления на Кавказе подразумевали введение в Грузии «широкого политического самоуправления» при сохранении единства с империей, что могло способствовать культурно-национальному развитию кавказских народов. На практике децентрализация предполагалась через созыв в Тифлисе сейма, утверждение российским парламентом грузинской конституции, организация выборов на основе «четырёххвостки» без различия пола и национальностей.

От Малороссии в докладе приводятся предложения «Украинской демократической партии», которая в программных заявлениях пошла значительно дальше представителей от Польши и Кавказа, требуя федеративного устройства российского государства, собственной законодательной властью в пределах автономии через представительство – сейм, в ведение которого входят внутренние политические и экономические вопросы².

Групповые предложения поступили в оргбюро от тех окраин, с которыми были налажены тесные взаимоотношения в ходе развития освободительного движения. В период организации и существования «Союза освобож-

¹ Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 272.

² О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 3–8.

дения» вопрос о польской, грузинской и украинской автономии поднимался несколько раз от окраинных комитетов данной организации, а также обсуждался на страницах журнала «Освобождения». В отличие от Финляндии даже в отношении Царства Польского план конкретных мероприятий по расширению прав местных органов власти был выработан только к сентябрю 1905 г.

Решение об организации общероссийской либеральной партии, принятое на июльском и августовском съездах «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения» соответственно подтолкнуло оргбюро съезда к разработке национальной составляющей политического курса хотя бы в общих чертах.

На сентябрьском съезде был представлен не столько проект практического разрешения национальных и окраинных вопросов, сколько теоретические основания для их урегулирования. Отсутствие конкретного проекта объяснялось наличием более важных политических вопросов в повестке дня съезда и узкой представленностью национальных окраин в работе съезда.

В докладе четко разделяются национальный и областной вопросы. Областная автономия выступала одним из средств решения части национальных проблем для территорий с однородным этническим составом населения. С другой стороны, она представляла собой вариант выстраивания взаимоотношений между центром и особо удаленными окраинами, которые по этой причине были весьма обособленными. В качестве примера приводилась Сибирь. Однако, по мнению докладчика, автономия не решала национального вопроса в полиэтнических регионах.

По определению Ф.Ф. Кокошкина национальный вопрос состоял из трех отдельных подвопросов: «1) о равноправности всех граждан независимо от их национальности; 2) об устранении всех препятствий к сохранению и развитию языка, литературы и культуры каждой народности; и 3) о равноправии языков различных народностей в местных государственных и обще-

ственных установлениях и в школе»¹. Проблема обеспечения гражданского равноправия выступала одним из базовых принципов либеральной идеологии. Ее положительное разрешение было обозначено представителями земств на ноябрьском съезде 1904 г. (п. 7 общеполитической резолюции съезда)². Вопрос о праве на культурное самоопределение было призвано решить введение свободы употребления всех языков и наречий в общественной жизни, свободы собраний и союзов, преследующих национально-культурные цели, а также возможность основания национальных учебных заведений³.

Значительно больше оговорок вызывал третий подпункт в национальном вопросе об использовании национальных языков в государственных учреждениях и органах самоуправления. Признавая необходимость сохранения территориальной целостности Российской империи, новые либералы оставляли за русским языком статус языка центральных государственных учреждений, армии и флота. Для местных органов самоуправления и суда, опираясь на опыт западноевропейских государств, были разработаны общие положения употребления языков. Суть этих положений сводилась к выбору языка местного делопроизводства исходя из соображений удобства общими и местными законами, судопроизводство в полиэтнических территориях должно было обеспечиваться чиновниками, владеющими как русским, так и местными языками. Признавалась возможность использования местных языков в преподавании в начальной школе, при сохранении обязательным элементом программы русского языка. За частными школами оставлялось право самостоятельного определения языка преподавания⁴.

Сохранение целостности Российской империи было одним из пунктов либеральной программы. Однако экономическая, политическая, культурная

¹ О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 14.

² Общеземский съезд 6–9 ноября 1904 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 137.

³ О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 15.

⁴ Там же. М., 1905. С. 16–19.

разноуровневость отдельных территорий, их обособленность от основной части государства ставила на повестку дня вопрос о разработке пути предоставления определенной доли самостоятельности подобного рода окраинам. Будучи юристом-государствоведом, Ф.Ф. Кокошкин в докладе рассмотрел преимущества и недостатки возможных вариантов решения обозначенной проблемы через описания отдельных форм государственного устройства.

Одним из вариантов решения областного вопроса выступала административная децентрализация «в форме широкого развития земских и городских учреждений». Широкое местное самоуправление подразумевало расширение компетенции земских и городских учреждений «на всю область местных польз и нужд» и управления, в том числе и полицейский надзор, за исключением решения вопросов, связанных с таможенными тарифами, железнодорожным транспортом, почты, акциз и т.п. Предполагалось, что широкое местное самоуправление, организованное на широких демократических началах (через всеобщие, прямые, равные и тайные выборы) должно было удовлетворить потребности большинства территорий империи, «особенно в центральной России»¹.

Иной формой была законодательная децентрализация с «участием в законодательстве местных представительных собраний». По мнению докладчика, политическая децентрализация возможна в современных ему условиях только в Царстве Польском, т.к. остальные окраины, претендующие на автономию не имеют четких границ и требуют пересмотра существующего искусственного административного деления².

По данному вопросу Ф.Ф. Кокошкин конкретизировал свою позицию в более поздней работе «Автономия и федерация». Автор посчитал целесообразным отделить пункты, касающиеся автономии и децентрализации законодательства, от национального вопроса. Причиной этому послужило понимание сущностных различий между данными проблемами, несмотря на их

¹ О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 21.

² Там же. С. 21, 23.

принципиальную близость. Под вопросом об автономии, автор понимал, преимущественно децентрализацию, решение же национального вопроса возможно было и на основе культурного самоопределения. Автор фактически полностью отрицает возможность преобразования национально-государственного устройства России в федерацию на основе этнической принадлежности населения территориальных единиц. С одной стороны, этому мешает неравномерная численность народностей, с другой – неравномерность занимаемой ими территории¹.

Окончательное решение вопроса об областной автономии, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, должно быть отложено до «общего политического освобождения». Несмотря на сложность вопроса об автономии в докладе, озвученном на сентябрьском съезде 1905 г., сохранилась возможность за всеми территориями империи претендовать на получение политической автономии «по мере выяснения ... естественных границ и потребности в автономии местного населения», однако указывалось, что происходить это должно постепенно «путем издания каждый раз особого общеимперского закона об образовании той или иной автономной области», которым определялись бы пределы автономии и разграничение функционала между местными и центральными органами власти. Возможность издания подобного рода законов должно быть закреплена конституционно². В качестве скрепы, сохраняющей единство центра и автономных территорий, должна была выступить единая конституция для всего государства, участие населения всех территорий империи в выборах и работе общеимперского парламента.

Ввиду особенности Царства Польского введение в нем политической автономии, по мнению докладчика, возможно сразу после обеспечения общих гражданских прав и свобод в империи. «Имперский закон об автономии может подлежать пересмотру по соглашению всероссийского народного

¹ Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Бесплатное приложение к № 11–13 «Вестника партии Народной Свободы». Пг., 1917. С. 7.

² О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 25–26.

представительства с первым сеймом Царства»¹. Критерием для выделения Царства Польского из общего перечня окраин Российской империи, по мнению новых либералов, служило полное совпадение национального и областного вопросов.

Описанные выше подходы к решению национального и областного вопросов были зафиксированы в положениях к докладу, предложенных для утверждения съезду, и состояли из следующих частей: «а) По вопросу о правах национальностей, включающих пункты о культурном самоопределении народов, населяющих Российскую империю; б) По вопросу о децентрализации управления, подразумевавший введение широкого местного самоуправления; в) По вопросу о децентрализации законодательства, закреплявший возможность введения политической автономии в империи повсеместно, а также фиксирующий способы получения территориями автономного статуса»². Отдельным разделом были выделены положения по вопросу об автономии Царства Польского, согласно которым законодательная децентрализация должна быть проведена сразу после введения «демократического народного представительства»³.

Таким образом, политический курс новых либералов по национально-государственному устройству страны в 1905 г. предполагал решение двух принципиально разных вопросов: национального и областного. Лишь для некоторых территорий Российской империи в начале XX в. они могли быть объединены. Речь шла об этнически однородных окраинах, к которым, в первую очередь относилось Царство Польское.

Обращает на себя внимание длительное обсуждение данного доклада в рамках съезда. Ему посвящено вечернее заседание 13 сентября и дневное и вечернее заседания 14 сентября 1905 г. Несмотря на это единого решения участникам съезда выработать так и не удалось. Мнения присутствовавших

¹ О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 28.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

разделились. Одни из них считали невозможным обсудить столь важный и сложный вопрос в течение одного заседания. Граф П.А. Гейден, например, призывал добиваться законных прав отдельных народностей уже в Государственной думе¹.

Представители национальных окраин причину роста сепаратистского движения видели именно в унитарной форме государственного устройства страны. Представитель Кутаиса заявил, что «100 лет Грузия находилась в руках русского правительства и это центральное управление привело, в конце концов, только к борьбе населения с русскими войсками. Единственное средство умиротворения края – автономия»². Предложения ряда национальных партий и групп о том, что основой государственного порядка в России должно стать «федеративное начало государственного устройства, органически построенное на этнически-территориальном принципе» было отвергнуто докладчиком. Было предложено не торопиться с признанием принципа областной автономии до «общего политического освобождения»³.

Несмотря на недовольство представителей окраин, в резолюцию съезда по национальному вопросу было включено только требование культурного самоопределения национальностей. Против итоговой резолюции выступило правое крыло либерального движения во главе с А.И. Гучковым, который позже вспоминал: «я выступил против, указывая, что мы должны сделать уравнение в правах, значит, и городские учреждения. Я был против политической автономии только потому, что это был зародыш для сепаратизма. Я знал, что заинтересованность политическая была у верхов и не отвечала настроению польских масс»⁴.

Таким образом, в условиях начавшейся Первой русской революции происходит активизация работы протопартийных организаций по созданию платформы для общей либеральной партии. С целью расширения сторонни-

¹ Право. 1905. № 38. С. 3059.

² Там же. С. 3062–3063.

³ Там же. С. 3063.

⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1999. С. 33.

ков конституционного варианта реформирования государства, участники «Союза освобождения» обращаются к оппозиционному движению на окраинах, под давлением которого происходит дальнейшая разработка политического курса по национально-государственному устройству России. В утвержденную в марте 1905 г. программу «Союза освобождения» впервые включается расширительная интерпретация областной автономии и признается возможность ее распространения не только на обособленную в этническом и культурном плане Польшу, но и на Малороссию, и Кавказ. В этот же период происходит первое серьезное расхождение внутри «Союза освобождения» относительно территорий «достойных» автономного устройства между П.Б. Струве и организационным бюро Союза. Изменившиеся политические условия в России, появление проекта законосовещательного представительного учреждения активизировали процесс образования либеральных политических партий. Обсуждаемый на сентябрьском земско-городском съезде 1905 г. вопрос о децентрализации управления и правах национальностей, признание необходимости предоставления автономии Царству Польскому и возможности распространения автономного устройства на другие территории империи, становится одной из причин, по которой происходит окончательное размежевание российского либерального движения.

3.2. Основные положения политической программы конституционно-демократической партии по национально-государственному устройству России

Создание конституционно-демократической партии в октябре 1905 г., несомненно, подвело определенный итог одного из этапов в истории отечественного либерального движения. Однако преемственность и неразрывная связь между программами «Союза освобождения» и конституционно-демократической партии, дальнейшее обсуждение программы и ее практической реализации следует рассматривать в качестве логического продолжения

процесса выработки политического курса по национально-государственному устройству представителями нового либерализма.

В рамках двух первых партийных съездов и избирательной кампании 1906 г. вопрос о статусе окраин с этнически неоднородным населением стал объектом дискуссий и споров внутри не только либерального движения в целом, но и в самой партии кадетов.

Первый партийный съезд конституционно-демократической партии состоялся в Москве 12–18 октября 1905 г. по поэтическому выражению В.Д. Набокова «при ярком зареве пламени, охватившем в неделю с 10-го по 17-ое октября всю Россию»¹. Учредительный съезд по решению 40-членной комиссии, состоявшей из членов «Союза земцев-конституционалистов» и членов «Союза освобождения» и занимавшейся, в том числе, организационными вопросами, должен был пройти в октябре 1905 г., т.к. в более ранние сроки, по мнению большинства, правильное конституирование партии состояться не могло. В протоколе заседания комиссии от 15 сентября 1905 г. указано, что по предложению Д.И. Шаховского принять участие в съезде должно было 200 человек (3 человека от каждой губернии + столицы)². Однако проведение съезда совпало с Октябрьской всероссийской политической стачкой, активное участие в которой работников железнодорожного транспорта привело к парализации к 17 октября 1905 г. всех железнодорожных путей империи. По этой причине к завершению работы первого съезда кадетов в нем приняли участие 81 человек (по данным, озвученным А.А. Корниловым в докладе при открытии II партийного съезда 5 января 1906 г.)³. В соответствии с регистрационными листами в работе съезда в отдельные дни принимало участие от 65 до 73 делегатов (12 октября было зафиксировано 65 членов

¹ Набоков В. Современное положение и тактические задачи к.д.-ской партии // Право. 1905. № 41. Ст. 3404.

² Протоколы заседаний «40-членной комиссии» сентябрь–октябрь 1905 года. Москва // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 423.

³ Второй съезд Конституционно-демократической партии 5–11 января 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 48.

съезда, 14 октября – 73, 17 октября – 72). С 14 октября к спискам членов съезда прилагается перечень гостей, которые присутствовали на съезде, но не являлись его участниками. 14 октября таких гостей по спискам – 65 человек, а 17 октября – 81 человек¹.

Широкое губернское представительство (в том числе от окраинных территорий – были представлены г. Тифлис – Х.А. Вермишев (входил в состав бюро съезда), г. Вильно – Г.Д. Ромм, Ставропольская губерния – Г.К. Пправе), а также стремительно развивающаяся политическая ситуация в стране, позволили съезду начать работу и конституировать партию при малочисленности делегатов.

В основу принятой учредительным съездом программы новой конституционно-демократической партии был положен предложенный 40-членной комиссией проект, базу которого составляла программа «Союза освобождения», утвержденная третьим съездом организации еще в марте 1905 г. Объясняется этот выбор тем, что в ходе своей работы вторая либеральная протопартийная организация – «Союз земцев-конституционалистов» – разработала собственную программу только аграрной реформы. По рабочему, финансовому, национальному и областному вопросам подобные наработки отсутствовали.

Первый раздел программы был посвящен основным правам граждан. В первом пункте данного раздела декларировалось, что «все российские граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и всех без исключения других отдельных групп населения должны быть отменены». Вторым пунктом снимались ограничения по конфессиональному признаку: «каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания»². Первый пункт был принят в предложенной

¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 40. Л. 3–11об., 22–28.

² Программа конституционно-демократической партии [Принята II съездом] // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 189.

40-членной комиссией редакции без изменений. Во второй пункт было внесено дополнение об отделении православной церкви и других исповеданий от государства. Таким образом, вопрос о гражданском равноправии, являющийся неотъемлемой частью либеральной теории, и призванный решить часть проблем, связанных с национальным вопросом в Российской империи, был включен в программу кадетской партии без изменений из программы «Союза освобождения».

Раздел «Основные права граждан» кроме прав «первого поколения» включал параграфы, гарантирующие населяющим империю народностям «право свободного культурного самоопределения», пп. 11 и 12 программы выделялись в качестве программы о правах национальностей¹. Под культурным самоопределением понималась «полная свобода употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свобода основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности, и т.п.»². Данный параграф был призван решить проблему возможности употребления местных языков в культурных и образовательных учреждениях, которая остро стояла в начале XX в. для всех национальных окраин России, т.к. в рамках имперской политики по национальному вопросу со второй половины XIX в. именно языковая русификация занимает ключевое место. Кадеты сохраняли за русским языком статус государственного – русский должен был остаться языком центральных учреждений, армии и флота, а также учебных заведений, содержимых на средства государства или органов самоуправления³. Возможность употребления в последних местных языков наряду с обязательным государственным должно было регулироваться общими и местными законами. Получение начального, а по возможности и

¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 1. Л. 7.

² Первый съезд Конституционно-демократической партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 35.

³ Там же.

дальнейшего образования предполагалось на родном языке¹. В отличие от первых двух пунктов «Основных гражданских прав» программа о правах национальностей вызвала продолжительные прения, которые заняли значительную часть дневного и вечернего заседаний 13 октября. В опубликованном в газете «Русские ведомости» № 269 от 14 октября отчете о заседании, к сожалению, они не приводятся, но в результате данные пункты были приняты без изменений и вошли в изложенной редакции в программу конституционно-демократической партии².

Вторая часть политической программы партии по решению вопроса о национально-государственном устройстве России нашла отражение в III разделе «Местное самоуправление и автономия». В нем отдельными пунктами изложено отношение Конституционно-демократической партии к польскому и финляндскому вопросам. П. 25 предполагает введение на территории Царства Польского представительного органа с конституционными правами – сейма, избираемого на основании всеобщего, равного прямого и тайного голосования. Неотъемлемым условием введения автономного устройства выступает сохранение территориальной целостности Российской империи. Обращает на себя внимание сохранение кадетами возможности изменения территориальных границ между Царством Польским и соседними губерниями в соответствии с этническим составом при наличии у местного населения такового желания. Таким образом, вопрос о границах территории Царства Польского, которой возможно предоставление автономии оставался открытым. Проживающим на территории Царства Польского национальным меньшинствам в рамках автономии гарантировались права на культурное самоопределение. Значительно меньше оговорок требовал пункт о положении Великого княжества Финляндского в составе империи. П. 26 программы кадетов предполагал полностью восстановить конституции Княжества, обеспечивав-

¹ Первый съезд Конституционно-демократической партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 35.

² Русские ведомости. 1905. № 269. С. 3.

шую его особое положение в Российском государстве. Империя получала право на решение только общих с Финляндией дел на уровне законодательных органов¹.

Прения по пп. 25–26 в протоколах I партийного съезда отсутствуют. Сравнение данных пунктов с программой «Союза освобождения» показывает, что формулировка относительно положения Великого княжества Финляндского в составе Российской империи была полностью взята отсюда. Вопрос о польской автономии в освобожденческой программе был менее проработан, поэтому формулировка данного пункта была взята из резолюции о правах национальностей, о децентрализации управления и законодательства Общероссийского съезда земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. Таким образом, можно говорить, что выработка в рамках политического курса по национально-государственному устройству конкретного решения очень спорного и сложного польского вопроса новыми либералами осуществлялась в 1905 г. в условиях Первой русской революции при росте национального движения как в самом Царстве Польском, так и на других окраинах империи.

18 октября 1905 г. сразу после закрытия учредительного съезда конституционно-демократической партии состоялось при участии делегатов съезда первое заседание ее Центрального комитета. Кроме общих организационных вопросов заседание обсуждало способы и порядок организации местных комитетов новой партии, отдельно были отмечены западные губернии, ввиду того, там все партии разделяются на национальные группы. Мнение, высказанное Д.И. Шаховским, что подобного рода разделение может быть неудобным для проведения избирательной кампании,² нашло подтверждение и в отзывах от местных комитетов в ходе избирательной кампании 1906 г. Так,

¹ Программа конституционно-демократической партии, выработанная учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 37.

² Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905–середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. М., 1994. С. 31.

рижский комитет кадетов сообщал, что «коренные жители Риги издавна группировались по национальностям, причем, однако, национальная группировка довольно близко совпадала с группировкой социальной»¹. Именно это определяло распределение политических предпочтений во время выборов. И только усилиями рижского комитета кадетов была создан союз с прогрессивными партиями Риги, что и обеспечило победу кадетов в данном регионе.

По подсчетам В.В. Шелохаева, в октябре - декабре 1905 г. конституировалось 72 местных кадетских организации. Возникали они, прежде всего, там, где ранее функционировали организации «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» и группировались вокруг земского и городского самоуправления, университетских центров, а также других организаций общественного характера². 25 местных комитетов в этот период были образованы в губерниях Остзейского, Северо-Западного, Юго-Западного, Кавказского краев, Сибири, Туркестанского генерал-губернаторства, преимущественно в крупных губернских городах (Баку, Варшава, Вильно, Киев, Кишинеv, Рига, Ташкент, Тифлис и др.)³.

Также в ходе первого заседания ЦК было принято решение об организации лекций по партийным вопросам (задачи партии, программы, тактики) в литературном кружке. Уже тогда лекторами были определены ведущие представители и яркие ораторы Партии народной свободы: Ф.Ф. Кокошкин, А.А. Кизеветтер, С.А. Котляревский⁴. При закреплении членов партии за конкретными пунктами программы при подготовке краткого библиографиче-

¹ Рига // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 6. Ст. 407.

² Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 112.

³ Подсчитано по: Шелохаев В.В. Численность и состав кадетской партии // Политические партии в России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 115–130.

⁴ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905–середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. М., 1994. С. 34.

ского указателя областной вопрос был закреплен за В.И. Вернадским и Ф.Ф. Кокошкиным, а вопрос о самоуправлении – за С.А. Котляревским¹.

Дальнейшее обсуждение вопрос о национально-государственном устройстве проходило на общероссийском съезде земских и городских деятелей (6–13 ноября 1905 г., Москва), в повестку которого был включен вопрос о предоставлении автономии Царству Польскому. Хотя съезд и не был исключительно партийным, на нем была представлена часть именно партийной программы кадетов по решению польского вопроса, утвержденной учредительным съездом. Данный вопрос, несмотря на уже принятую резолюцию сентябрьским земским съездом 1905 г., потребовалось вынести на повторное обсуждение в связи с введением на территории Царства Польского военного положения, а также разгоревшейся в периодической печати дискуссией.

В газете «Московские ведомости» от 2 октября появилась показательная статья с ярким названием «Как либеральные земцы хотят искромсать Россию»², в которой жесткой критике подверглись решения по национальному вопросу, принятые на съезде земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. Положительное разрешение вопроса о децентрализации управления и предоставления автономии Царству Польскому было интерпретировано авторами статьи как расчленение единого и неделимого государства, создание на территории Российской империи новых независимых государств. На первой полосе «Московских ведомостей» была приведена карта того, как предполагали разделить Российское государство либеральные земцы: на юге страны – Армения с центром в Тифлисе и казачья вольница; на юго-западе Малороссия; на западе Польша и Остзейский край, России оставались центральные европейские губернии, а Север и всю остальную территорию занимали инородцы, которые как иноплеменное население также выйдут из со-

¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905–середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. М., 1994. С. 34.

² Как «либеральные» земцы хотят искромсать Россию // Московские ведомости. 1905. № 261. С. 1.

става российского государства. Подобная утрированная интерпретация резолюции земско-городского съезда, которая с незначительными изменениями вошла в программу конституционно-демократической партии, станет основой, развернувшейся с конца 1905 г. и на протяжении первых предвыборных месяцев 1906 г., дискуссии вокруг основных положений кадетской партии по национально-государственному устройству России¹.

В работе последнего съезда земских и городских деятелей принимали участие представители не только земских губерний. В частности «из неземских губерний явились представители от Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, области Войска Донского, Киевской, Ковенской, Минской, Могелевской, Подольской и Черноморской». В связи с отказом молитвенному дому виленского еврейского общества в участии в съезде, бюро было отдельно отмечено, что на съезде присутствуют только представители местностей, а не национальностей². Царство Польское было представлено 23 уполномоченными. Самое большое число участников, зафиксированное в момент голосования на одном из заседаний, составляло 227 чел.³

Представители Царства Польского еще на заседании 8 ноября в ходе обсуждения общего положения в стране после объявления Манифеста 17 октября 1905 г. обозначили границы требований польских политических партий, а именно: отмена военного положения и усиленной охраны, введение автономного устройства, восстановление польского языка в учебных заведениях, судах и общественных учреждениях. Отсутствие сепаратистских тенденций среди польских политических партий, в том числе и революционного толка, подтвердил в своем выступлении А.Р. Ледницкий, сделав акцент на общности освободительного движения в России и Польше⁴.

¹ Как «либеральные» земцы хотят искромсать Россию // Московские ведомости. 1905. № 261. С. 1.

² Общероссийский съезд земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 439.

³ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 630.

⁴ Общероссийский съезд земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 450.

Представители окраин неоднократно отходили от основного вопроса о современном политическом положении и возможности оказания поддержки правительству С.Ю. Витте к обсуждению вопроса об автономии. В качестве примера могут быть приведены не только представители Царства Польского, но также Грузии, малороссийских губерний. Председателям заседаний приходилось несколько раз обращать внимание ораторов на наличие отдельного вопроса об автономии в повестке съезда. Резолюция бюро по польскому вопросу была озвучена Ф.Ф. Кокошкиным на дневном заседании 11 ноября. Повторное обсуждение постановлений сентябрьского съезда земских и городских деятелей не предполагалось, т.к. позиция большинства участников съезда по этому поводу не изменилась. Более того, повторное обсуждение вопроса о предоставлении автономного статуса Царству Польскому могло привести к необходимости корректировки уже включенных в программу кадетов пунктов по данному вопросу. Тем не менее, описанная выше развернувшаяся в прессе против польской автономии кампания, введение военного положения в крае потребовала от бюро съезда расширить резолюцию подробными разъяснениями. Используемая в резолюции формулировка о том, что предоставление автономии Царству Польскому «не только не имеет ничего общего с понятием отделения Польши от России, но, напротив, представляется необходимым для прочного обеспечения целостности и могущества империи»¹ будет в дальнейшем использована представителями партии кадетов в избирательной кампании в первую Государственную думу. Помимо данного разъяснения бюро съезда включило в проект резолюции пункт с требованием введения в крае польского языка в школах, местном самоуправлении и суде.

Желание принять участие в дебатах по польскому вопросу выразил 61 человек из 227 присутствовавших на съезде, т.е. больше четверти участников. Актуальность поставленного вопроса подтверждает и продолжитель-

¹ Общероссийский съезд земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 481.

ность прений, которые заняли все вечернее заседание 11 ноября и дневное заседание 12 ноября. Представители Царства Польского, принявшие участие в прениях (Сулиговский, Гроссман, Балицкий, Ледницкий, Буковецкий, Новодворский) акцентировали внимание участников на единстве польского и русского движения в борьбе за права, свободы и ограничение самодержавие, на лояльности польских патриотов по отношению к российскому государству, на невозможность съездом отказаться от собственного постановления двухмесячной давности.

Активным противником утверждения предложенной бюро резолюции об автономии Царства Польского выступал, также как и на сентябрьском съезде 1905 г., А.И. Гучков, предлагая перенести обсуждение данного вопроса на площадку Государственной думы. В качестве доводов «против» приводились: наличие в крае сепаратистских тенденций, возможность иностранного вмешательства в случае предоставления автономии (в частности, Германии), узкая представленность края на съезде и отсутствие возможности удовлетворить потребности поляков, не задев интересов других народов, населяющих Царство Польское¹. К возражениям А.И. Гучкова следует добавить неблагоприятные экономические последствия предоставления автономии краю, высказанные представителем Саратова Немеровским. По мнению оратора из Поволжья, более развитая экономически и культурно Польша, получив право самостоятельно решать внутренние экономические вопросы, может во многих отношениях «обездолить» Россию².

В защиту автономии Царства Польского выступили видные представители освободительного движения: П.Б. Струве, П.Д. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин. Опираясь на имевшуюся практику изучения польского вопроса, они доказывали принятый на сентябрьском съезде тезис о том, что только вовремя данная Польше автономия позволит сохранить целостность Российской империи. Интересным представляется выступление

¹ Общероссийский съезд земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 488.

² Там же. С. 485.

М.М. Ковалевского, который обратил внимание на выгодность для России с геополитической точки зрения иметь на западных границах лояльное население. Поляки могут стать для России друзьями только в случае предоставления им широкого областного самоуправления с правом законодательного решения местных вопросов. Именно такой формулировкой оратор предложил съезду заменить слово «автономия»¹. Данное предложение при голосовании было отклонено большинством против 17 голосов.

Большинством голосов съезд подтвердил решения сентября 1905 г., добавив в резолюцию пункт о необходимости отмены военного положения. Еще одной специфической чертой резолюции ноябрьского съезда по вопросу об автономии Царства Польского является ее преамбула, которая представляется ответом на обвинения в стремлении отделить Польшу от России. Резолюция съезда была опубликована в газетах «Русские ведомости» и «Право», став доступной широкому читателю и доводя до него в адаптированном варианте («указанное в этом постановлении разрешение польского вопроса не только не имеет ничего общего с понятием отделения Польши от России, но, напротив, представляется необходимым для прочного обеспечения целостности и могущества империи»²) разъяснение одного из пунктов программы уже образовавшейся к тому времени конституционно-демократической партии.

Ноябрьский съезд обращает на себя внимание еще тем, что после принятия резолюции по вопросу об автономии Царства Польского, проходило обсуждение возможности применения начал автономии и в других окраинах империи. Ответ на поставленный вопрос давал Ф.Ф. Кокошкин, ответственный за областной вопрос в партии кадетов. Среди высказавшихся по данной проблеме от окраин были представители Риги, Тифлиса, Вильно, Одессы, Чернигова, Омска. В частности, Шраг (представитель от Чернигова) обратился к бюро с просьбой «к следующему съезду разработать этот вопрос с такой

¹ Общероссийский съезд земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 490.

² Там же. С. 495.

же тщательностью и любовью, как оно сделало это по отношению к Польше»¹. Все они призывали бюро съезда учитывать местную специфику при разработке вопроса об автономии и применении местных языков в образовании. Представители всех окраинных территорий призывали съезд принять решение об отмене ограничений относительно использования местных языков. Ф.Ф. Кокошкин подтвердил готовность заниматься вопросами о применении автономных начал к другим территориям империи, «не обязываясь, однако, сделать это к известному сроку». Вопрос о свободе употребления местных языков не был включен в итоговую резолюцию, т.к. существовал ранее утвержденный пункт об «отмене всех исключительных законов, тяготеющих над отдельными национальностями и вероисповеданиями»². Таким образом, на ноябрьском земском съезде 1905 г. получила свое подтверждение программа кадетов по решению вопроса об управлении Царством Польским и возможности распространения национально-культурной автономии на другие окраины и территории России, а также требование гражданского равноправия для всего населения империи.

Еще в ходе ноябрьского съезда земских и городских деятелей 12–14 ноября 1905 г. состоялось первое пленарное заседание ЦК кадетской партии, на котором присутствовали представители губернских организаций, а также члены партии, которые не смогли участвовать в учредительном съезде партии 12–18 октября 1905 г. Прямого обсуждения вопроса о местном самоуправлении и автономии на заседании не было, однако обсуждался аграрный вопрос, который затрагивал интересы окраин и мог повлиять на выбор основной массы населения России – крестьянства. Многие члены партии (А.И. Шингарев, А.А. Стахович и др.) высказались за необходимость изменения аграрной программы. Она могла, с одной стороны, не удовлетворить крестьянство, т.к. была слишком общей и не предполагала национализации земли, с другой стороны, не учитывала специфики отдельных регионов им-

¹ Общероссийский съезд земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 485.

² Там же. С. 500.

перии. Например, представитель Терской области Н.И. Файвишевич, предположил, что национализация земли в Терской области просто ограбила бы народ¹. В.В. Хижняков высказал подобную же мысль на заседании 14 ноября относительно малороссийских губерний, Пищуков (представитель из Омска) заявил о непригодности программы для киргизов². Условия землепользования, а также проводимая относительно земельной собственности политика правительства на различных территориях делала общую, одинаковую для всех, аграрную программу конституционно-демократической партии непригодной для окраин. Универсализм в аграрном вопросе не учитывал специфику имперского характера государства. Эту мысль подтверждает и пример Виленской губернии. Ее представитель на первом пленарном съезде ЦК Сергей Лопацинский, объяснил, что в Виленской губернии землевладение у крестьян подворное, полей для национализации земли нет и население примкнет к партии кадетов только в том случае, если в программе будет более определенное выражение отношение к возможности прирезки земли, а также, если будет дополнен и расширен областной вопрос³. Вопрос об изменении программы по аграрному вопросу был вынесен на обсуждение ближайшего съезда партии.

II съезд конституционно-демократической партии проходил с 5 по 11 января 1906 г. в г. Санкт-Петербурге. Решение о созыве второго съезда до проведения выборов в Государственную думу объяснялось необходимостью обсуждения программы и тактических вопросов в расширенном составе, с представителями местных групп партии, которые не смогли прибыть на I съезд. В докладе 6 января Ф.Ф. Кокошкина, продолжая доклад И.В. Гессена, о задачах, которые предстоит решать партии в Государственной думе, отметил огромную важность в политической сфере решения вопроса о местной

¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905–середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. М., 1994. С. 38.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

автономии, и в частности об автономии Царства Польского, «так как только правильное разрешение этого вопроса может поставить на прочные духовные устои единство России и обеспечить ее могущество»¹. Эта мысль проходит красной нитью через все выступления Ф.Ф. Кокошкина, зачастую с совпадающими формулировками. Разрешение вопроса об автономии Царства Польского и возможности приобретения автономного статуса другими окраинами Российской империи было предложено, как и прежде, отложить до появления Думы, избранной на основе всеобщего голосования. В Думе, образованной на основе избирательного закона 11 декабря 1905 г., возможно, по его мнению, только создание смешанной комиссии для разработки проекта подобного устройства². П.Н. Милюков в своих воспоминаниях по этому поводу отмечал, что «наш блюститель принципов Кокошкин, провел свою поправку, которая различала между обязательствами перед избирателями осуществить главную задачу, после чего должен был стать на очередь роспуск Думы и новые выборы, – и планами дальнейшей деятельности»³. В прениях по поводу основных докладов (П.Н. Милюкова, И.В. Гессена, Ф.Ф. Кокошкина) выступил Л.И. Петражицкий, который обратил внимание собравшихся на позитивный потенциал предложенного партией решения национального вопроса. Он рассматривал национальную часть партийной программы как способ привлечь избирателей на сторону кадетов и заставить пойти их на избирательные участки⁴. Мысль Л.И. Петражицкого о том, что национальный вопрос, решаемый имперской властью через русификацию и политику угнетения в полиэтнической стране в итоге приведет к ее разрушению, и необходимость воспользоваться либералам недовольством угнетенного нерусского населения в качестве союзника в борьбе с самодержавием, в 30-

¹ Второй съезд Конституционно-демократической партии 5–11 января 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 76.

² Там же. С. 77.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 237.

⁴ Второй съезд Конституционно-демократической партии 5–11 января 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 95.

е гг. XX в. найдет отражение в работе В.А. Маклакова «Власть и общественность на закате старой России». В ней В.А. Маклаков обвинит освободителей, а затем кадетов, в заигрывании с национальными окраинами при поиске союзников¹.

Большинство съезда высказалось против изменения текста программы (в п. 24 и 25) ввиду приближающихся выборов. Предложение о создании отдельной комиссии по вопросам автономии было отвергнуто в первую очередь П.Н. Милюковым (по его мнению, ЦК партии и есть особая комиссия), более того он сослался на договоренности, достигнутые при непосредственном общении с отдельными национальностями (поляки, финны, украинцы), которые гораздо шире и определеннее пунктов партийной программы². Остальные участники съезда также не поддержали идею о создании специальной комиссии для решения вопроса об автономии. Во время вечернего заседания 10 января 1906 г. И.В. Гессен сообщил, что по вопросу об автономии и федерации поступило очень мало заявлений, притом крайне неясных. Из переговоров с представителями разных народностей выяснилось, что для партии лучше в целях тактичности остаться на прежней позиции³.

Таким образом, принятая II съездом программа конституционно-демократической партии подтвердила пункты по национально-государственному устройству России, утвержденные первым съездом в октябре 1905 г. А именно: первый раздел программы конституционно-демократической партии был посвящен основным правам граждан и правам национальностей. Вторая часть программы включала в себя положения о реформировании местного самоуправления и предоставления автономии Царству Польскому и Великому княжеству Финляндскому, а пункт 24 программы предполагал предоставление для всего российского государства возмож-

¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1936. Ч. 1. С. 222.

² Второй съезд Конституционно-демократической партии 5–11 января 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 162.

³ Там же. С. 159.

ности установление местной автономии и областного представительства. Именно с этими положениями конституционно-демократическая партия примет участие в избирательной кампании в первую Государственную думу в 1906 г.

В журнале «Вестник Партии народной свободы» от 28 марта 1906 г. в разделе «Выборы в Государственную думу» было опубликовано сообщение представителей нижегородского отделения конституционно-демократической партии, которое наглядно подтверждало важность для кадетов вопроса о национально-государственном устройстве в общем политическом курсе и избирательной кампании 1906 г. Нижегородцы восклицают: «Как это на первый взгляд и ни странно, но факт тот, что лозунгом предвыборной агитации у нас стал вопрос об автономии Польши»¹. Избирательную кампанию 1906 г. следует рассматривать как способ презентации партиями собственной политической программы, отдельные составляющие которой выступали элементами целостной концепции модернизации российского государства.

Одним из первых доступных для кадетской партии способов агитации стало тиражирование и распространение среди населения через местные группы программы, устава, листовок с подробными разъяснениями первых двух. С одной стороны, сформулированная в европейских традициях программа партии оказалась не всегда доступной для понимания основной массе населения России. В частности, у российского населения возникало много вопросов по поводу предоставления автономии Польше. Потребность в максимально доступном разъяснении избирателям этого пункта программы объясняется тем, что и ораторы из центрального комитета кадетской партии, и представители местных отделений зачастую сталкивались с отождествлением автономного статуса с предоставлением независимости. В январе 1906 г. в ЦК поступило письмо из комитета Тотемской группы Конституционно-

¹ Выборы в Государственную Думу. Н.-Новгород // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 5. С. 298.

демократической партии с просьбой более тщательного разъяснения п. 25 программы, так как он выражен недостаточно ясно. Одним из возможных вариантов адаптации был предложен текст брошюры Архангельского комитета, где говорится: «Так как полякам лучше знать, какие им нужны законы, то пускай сами они и составляют такие законы для себя, лишь бы они были в единении с Россией, подчинялись тем законам, которые должны быть одинаковыми для всего русского государства и участвовали бы в Государственной Думе, как равноправные русские граждане»¹. Подобные запросы стали основой для появления листовок с названием «Чего хочет конституционно-демократическая партия»². П. 1 листовки, озаглавленный «Свободная Россия должна быть государством единым и неделимым», гласил: «Единство и неделимость России должны покоиться на внутренней и духовной связи ее окраин с центром. Железными цепями принуждения, политикой насилия и произвола – государственного единства не создать», а п. 14 содержал подробное разъяснение необходимости предоставления полякам автономии с целью сохранения этого единства: «Мы стоим за единство и нераздельность России. Это единство должно основываться на внутренней и духовной связи разных частей государства. Поэтому мы должны настаивать, чтобы Польше был дарован сейм при всеобщем избирательном праве. Этот сейм будет решать дела о народном просвещении, о земском деле и о других делах, не касающихся всего Российского государства и не имеющих особой государственной важности. Русский язык должен оставаться официальным языком в государственных учреждениях, в армии и во флоте (которые должны быть общие для всего государства). Таким образом, **единство с Россией сохраняется**, поляки будут посылать своих депутатов также в Государственную Думу, которая будет решать общие государственные дела, как-то: об армии и флоте, о сношениях с другими государствами, об общих налогах и пошлинах, о государственных расходах, о почте и железных дорогах и т.д. В то же время будет ряд

¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–1об.

² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 272. Л. 1об.

местных дел, которые будут рассматриваться не в Думе, а отдельно в сейме. Это и понятно: Дума не может завлекаться в подробности устройства каждой местности – этим займутся, повторяем, для Польши свой сейм, подобно тому, как теперь более мелкие местные дела ведают земства»¹.

С другой стороны, необходимость распространения программы и устава партии среди населения окраин ставила перед ЦК задачу их перевода на множество местных языков и наречий. На это обращали внимание представители местных комитетов на втором партийном съезде в январе 1906 г. Партийную литературу предлагали переводить на татарский (Г.Ф. Шершеневич), эстонский (Н.А. Золотавин), украинский, польский и даже местно еврейское наречие (И.В. Лучинский)². Специфика ряда территорий империи обязывала учитывать полиэтничный состав даже отдельных губерний. Например, в Лифляндской губернии, где проживало население, говорившее на русском, немецком и латышском языках плакаты с доступным изложением партийной программы печатались на трех языках сразу³. Подготовкой литературы на местных языках занимались региональные комитеты кадетской партии. Часть из них, наиболее крупные, печатала литературу самостоятельно, например, в Киеве. Малочисленные группы, включавшие в себя преимущественно третий элемент, обращались за финансовой помощью в ЦК, например, в Нарве.

Помимо тиражирования и распространения программы, устава партии и листовок с их подробными и доступными обывателям разъяснениями, представители конституционно-демократической партии активно задействовали периодическую печать, используя ее не только для агитации, но и для полемики со своими оппонентами. Кадеты использовали такие известные газеты как «Русские ведомости», «Полярная звезда», «Право», а также собственные органы периодической печати газету «Речь» и «Вестник Партии на-

¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 272. Л. 5.

² Второй съезд Конституционно-демократической партии 5–11 января 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 57, 61.

³ Лифляндская губерния, г. Рига // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 5. Ст. 285.

родной свободы». Отвечали на нападки со стороны преимущественно октябристов по национальному вопросу ведущие юристы и специалисты по государственному праву Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, В.М. Гессен. На страницах газеты «Русские ведомости» в конце 1905—начале 1906 гг. вышло несколько статей, посвященных рассматриваемой проблеме. В них автономия Польши также представлялась как средство не раздробления, а объединения России. По мнению С.А. Котляревского, автора статьи «К польскому вопросу», только автономия способна восстановить спокойствие и мир, которые не могла создать практиковавшаяся имперским правительством система управления Польшей¹. В его следующей статье «Национально-областной вопрос в программе конституционно-демократической партии» отстаиваются принципы политической программы конституционно-демократической партии в области национально-государственного устройства России, которые своими корнями восходили к программным документам «Союза освобождения» и решениям земско-городских съездов 1905 г. Автор указывал на тесную связь политического освобождения России и разрешения национального вопроса, доказывая, что кадеты не являются сторонниками идеи расчленения империи, а твердо держатся «принципа единства и нераздельности России». С.А. Котляревский определил отношение к правам и интересам различных народностей как наиболее оригинальную часть программы конституционно-демократической партии, так как именно его используют различные партии (а именно, Торгово-промышленная, Партия правового порядка, Союз 17 октября) для принципиального отмежевания от кадетов².

В феврале 1906 г. октябристами была подготовлена и опубликована отдельная брошюра «Чего же хочет конституционно-демократическая партия?» с критикой программы кадетской партии по всем включенным в нее вопросам, в том числе и национальному, который представлен в качестве яркого примера политического доктринерства. По мнению авторов брошюры, пре-

¹ Русские ведомости. М., 1905. № 297. С. 5.

² Котляревский С.А. Национально-областной вопрос в программе Конституционно-демократической партии // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 114.

доставление автономии Царству Польскому создаст прецедент, который впоследствии будет использован и другими национальными окраинами империи. Особенно авторов брошюры возмущала возможность реализации подобного опыта на территории Кавказского края, где поддержание и развитие местных традиций и нравов приведет к разбою и грабежам, столь характерным для населения данной территории¹.

В полемику с авторами брошюры вступил один из главных разработчиков национальной составляющей политического курса кадетов Ф.Ф. Кокошкин, опубликовав в газете «Русские ведомости» статью «Конституционно-демократическая партия перед судом союза 17-го октября»². В данной статье автор подробно разбирает все пункты обвинительной брошюры, отмечая ее концептуальный и обстоятельный характер, который проявился в первую очередь в отходе «правых конституционных партий» от неоднократно опровергнутого и избитого обвинения в «расчленении России».

Тактика партийной борьбы кадетов также предполагала издание тематических просветительских брошюр. В ходе избирательной кампании в первую Государственную думу кадетским издательством Народное право были опубликованы брошюры двух категорий: категории А и категории Б (для народа). Доклад Ф.Ф. Кокошкина о децентрализации был издан в обеих категориях, таким образом, рассчитывая, как на более подготовленного читателя, так и не очень сведущего в области государственного права³.

Кроме работ Ф.Ф. Кокошкина в 1906 г. были выпущены брошюры двух известных юристов-государствоведов, издателей газеты «Право» В.М. Гессена и Н.А. Лазаревского, посвященные теоретическому обоснованию автономии как инструмента сохранения целостности полиэтнических государств. В работе Н.А. Лазаревского «Автономия» объясняется содержание понятия, его разновидности, цели введения автономного статуса для от-

¹ Чего же хочет конституционно-демократическая партия? М., 1906. С. 8.

² Русские ведомости. 1906. № 44. С. 5.

³ О правах национальностей и о децентрализации. М., 1906; Кокошкин Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906.

дельных территорий, определяются критерии, на основе которых можно определить возможность предоставления автономии. Анализ конкретных примеров из истории Российской империи (Польши, Финляндии, Остзейского края) приводит автора к выводу, что «при автономии утрачивают всякий повод для возникновения все враждебные государству мотивы, все настроения, направленные против центральной народности», автономия – то средство, которое позволяет достигнуть подлинного единства государства¹. Более концептуальный характер носит брошюра В.М. Гессена «Автономия, федерация и национальный вопрос». Автор проводит четкую границу между двумя способами децентрализации управления в государстве: федерацией и автономией. Основным критерием является степень самостоятельности территории в реализации законодательной, судебной и исполнительной властей. Если в федерации отдельные местности в этих вопросах вполне самостоятельны, то первым характерным признаком автономной области является зависимость ее законодательства². Единственным возможным решением проблемы сохранения целостности многонациональной Российской империи является, по мнению В.М. Гессена, именно автономия, которая заменит внешнее единство, поддерживаемое штыками, на прочный политический строй, где интересы одной части государства не приносятся в жертву интересам другой.

В более поздней относительной первой избирательной кампании работе А.А. Кизеветтера «Нападки на Партию народной свободы и возражения на них»³, написанной для кадетских ораторов уже после роспуска I Государственной думы, мы можем найти подробное разъяснение позиции кадетской партии по национальному вопросу. Симптоматично, что ответы на возражения по данной теме относятся к разделу беседы только с октябристами. Во многом они повторяют мысли, высказанные на страницах печатных изданий первой избирательной кампании, а именно: автономия есть средство для сохранения целостности империи, необходимость предоставления автономии

¹ Лазаревский Н.И. Автономия. СПб., 1906. С. 27.

² Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 30–31.

³ Кизеветтер А.А. Нападки на Партию народной свободы и возражения на них. М., 1906.

Царству Польскому объясняется не столько гомогенностью этнического состава окраины и отличительным уровнем социально-экономического развития, сколько существованием исторического опыта автономии на данной территории.

Еще одним способом продвижения политической программы конституционно-демократической партии стало проведение популярных политических лекций с привлечением ярких ораторов – членов ЦК партии, что позволяло кадетам подробно и в максимально доступной форме излагать пункты своей программы для всех категорий населения. Именно поэтому одним из основных занятий ЦК кадетской партии после второго съезда стала организация поездок влиятельных членов партии в провинциальные города с целью объяснения и защиты программы. География таких поездок была достаточно обширной и включала преимущественно города европейских губерний империи, из окраин наиболее популярными направлениями были Западный край, Остзейские губернии, в меньшей степени Привислинский край. Анализ сведений Вестника Партии народной свободы, который публиковал отчеты о подобных командировках, позволяет проанализировать частоту встречаемости вопроса об автономии Польши. Поднимался он преимущественно не на окраинах, а в губерниях центральной России, что объясняется с одной стороны, непониманием населением термина автономия, с другой стороны активной антипропагандой со стороны правых партий и партии Союз 17-го октября. Столь пристальное внимание указанных партий к пункту кадетов об областной автономии и автономии Царства Польского представители местных отделений кадетской партии объясняли тем, что «прикидываясь народолюбцами, они не решились нападать на другие пункты программы партии народной свободы, боясь скомпрометировать себя в глазах демократических избирателей. ... И вот враждебные конституционалистам-демократам партии ос-

тановились на автономии, как на вопросе, наименее понятном массам, а потому и наиболее пригодном для неразборчивой в средствах агитации»¹.

Таким образом, при разработке политического курса по национально-государственному переустройству России представителями конституционно-демократической партии не ставилась под сомнение необходимость сохранения целостности российского государства. Способом для достижения поставленной цели выступала возможность введение децентрализованного управления на отдельных окраинах. На начальном этапе вопрос о децентрализации был решен кадетами в отношении Великого княжества Финляндского и Царства Польского. Опыт избирательной кампании в I Государственную думу 1906 г. показал, что вопрос об автономии, с одной стороны, остался непонятным для основной массы населения центральных губерний империи, с другой стороны, на окраинах создавались собственные национальные партии с программами схожими с кадетской и именно они получили основную поддержку избирателей на окраинах.

Таким образом, в первый год Первой русской революции происходит трансформация либеральных протопартийных объединений в политическую партию со всеми характерными элементами: программой, уставом, развитием системы местных отделений, членством и т.д. Потребность в создании четкой рамки для идентификации сторонников идей нового либерализма приводит к определению не только политической, но и программной точки зрения либералов по вопросу о национально-государственном устройстве. В либеральной мысли России начала XX в. была сформулирована в правовом отношении типология форм административно-территориального устройства государства, критериями для которой выступали формы распределения власти между имперским центром и этнически гетерогенными окраинами. Вариант национально-государственного устройства России, предложенный конституционно-демократической партией, предполагал компромисс и взаимопони-

¹ Выборы в Государственную Думу. Н.-Новгород // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 5. С. 298.

мание между различными народностями, предоставляя реальную возможность избежать насильственного решения национального вопроса, а, следовательно, и распада Российской империи. В предвыборной кампании 1906 г. в отечественном либеральном дискурсе выделилось несколько альтернативных подходов к решению вопроса о национально-государственном устройстве России, кадетские ораторы вынуждены были не только отвечать на критику со стороны оппонентов, но и вести разъяснительную работу среди избирателей, большинство из которых воспринимало идею об автономии как попытку разрушения единой Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XIX в. в России происходят качественные сдвиги в социально-политической сфере, связанные, с одной стороны, с процессами модернизации постреформенного периода, а с другой – с внутренними трансформациями различных направлений российских общественно-политических движений. В интеллектуальной сфере результатом данных процессов становится смена мировоззренческих парадигм, а в организационном – появление первых отечественных политических партий, преимущественно революционного толка. Подобное стремление к консолидации проявляется и в российском либеральном движении, в котором на рубеже XIX–XX вв. в рамках старого земского либерализма происходит формирование нового качественно отличного направления, получившего в историографии наименование «новый либерализм». Именно в рамках данного направления осуществляется поиск подходящих форм объединения и создаются протопартийные организации, соответствующие современным западноевропейским образцам и вызовам времени. В контексте объединительных процессов происходит выработка политического курса проектируемой либеральной партии, что сопровождалось оценкой существующей отечественной либеральной традиции, определением приоритетных направлений развития, а также формированием среднесрочных и перспективных задач и путей их достижения. Этноконфессиональная гетерогенность Российской империи актуализировала для отечественных либералов разработку вопросов, связанных с пересмотром существовавших принципов взаимодействия между центральной властью и органами управления на этнически неоднородных окраинах государства.

Теоретическое осмысление данной проблемы представителями нового либерализма происходило в тесной связи с уже существовавшей на тот момент интеллектуальной либеральной традицией последней четверти XIX в. Среди российских либеральных мыслителей данного периода несомненный приоритет принадлежит представителям государственной школы русской ис-

ториографии (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский), которые приняли участие в дискуссии, прежде всего, как теоретики права и историки политической мысли. Необходимо также отметить, что российский либерализм, как идейное течение, в XIX в. имел свои характерные черты, отличавшие его от классического европейского. Экономические и социальные особенности развития российского общества привели к тому, что либерализм в России получил распространение значительно позже, чем в Западной Европе. Его социальная база была существенно уже, а ее основу составляло привилегированное сословие – дворянство. Российский либерализм имел непосредственную связь с государством и его эволюционное развитие считал возможным только через проведение реформ, инициированных властью. На основе анализа сущности и содержания национального вопроса в России, ими были сформулированы условия сохранения целостности полиэтнического российского государства. Среди форм национально-государственного устройства, способных сохранить единство страны, назывались широкое местное самоуправление, национально-культурная и даже политическая автономия. Концептуальной основой для данных выводов выступала теория правового государства с идеей самоценности человека и его прав. Инициировать и реализовать изменения национально-государственного устройства страны была призвана государственная власть в лице российского самодержавия.

Оценка вклада в разработку либеральной концепции национально-государственного устройства России представителей интеллектуального либерализма определил необходимость выработки специального политического курса по данной проблеме. Принципы решения «окраинного» вопроса находят отражение в трудах представителей нового либерализма, активных участников протопартийных либеральных организаций, впоследствии вошедших в состав конституционно-демократической партии (П.Н. Милюкова, В.М. Гессена, Н.И. Лазаревского, Ф.Ф. Кокошкина, П.Б. Струве), чьи теоретические представления легли в основу национально-государственной составляющей программы партии. Новый либерализм не отрицал психологиче-

ских основ формирования наций, продолжая тем самым интеллектуальную традицию либералов последней четверти XIX в. Преемственность также можно проследить в преобладающем значении прав и свобод человека, его нравственного развития. Однако формальный характер признания гражданского равноправия в теориях старых либералов получил развитие в проработке новыми либералами конкретных форм его практической реализации. Вопрос национально-государственного устройства являлся частью нового и старого либерализмов на теоретическом уровне. На уровне политического курса и программатики вопрос о национально-государственном устройстве Российской империи был разработан представителями нового либерализма. Оставаясь сторонниками унитарного государства, они обосновали возможность реализации в Российской империи административной и законодательной децентрализации, т.к. в условиях перехода к конституционному строю на смену верховенству самодержавной власти придет верховенство закона.

Существенную роль в организационном оформлении, а также разработке программы и тактики нового либерализма сыграло нелегальное печатное издание «Освобождение», выходившее в 1902–1905 гг. в Штутгарте, а затем в Париже под редакцией П.Б. Струве. На его страницах в теоретических статьях ведущих представителей нового либерализма, выкристаллизовывались основные положения политического курса нового либерализма, а в последствии и будущей конституционно-демократической партии. Материалы, поступающие в журнал от корреспондентов из различных частей России, позволяли новым либералам знакомиться с развитием оппозиционного движения на окраинных территориях. Русификаторская политика империи, направленная на административно-правовую, а в отдельных случаях и на культурную, унификацию приводила к росту национальных движений на окраинах, в которых российское либеральное движение искало союзников в борьбе с самодержавием.

На период 1902–1904 гг. приходится, с одной стороны, процесс организационного оформления российского либерального движения, выразившийся

в создании двух близких, но автономных протопартийных организаций «Союз освобождение» и «Союз земцев-конституционалистов». С другой стороны, делаются попытки организовать единый оппозиционный фронт для борьбы с самодержавием. В ходе вышеназванных процессов происходит выработка политического курса по национально-государственному вопросу в отечественном новом либерализме. На начальном этапе наиболее подробно был разработан вопрос относительно статуса Великого княжества Финляндского, что может быть объяснено тесными связями финского и российского оппозиционных движений. До конца 1904 г. польский вопрос не являлся отдельным пунктом программы либерального движения, что может быть объяснено недоверием, существовавшим к полякам в среде российского общества после событий 1863–1864 гг. Являясь носителями имперского сознания и разрабатывая проект решения вопроса о национально-государственном устройстве страны, либералы не выходили за рамки формулы «единая и неделимая Россия». Польские же политические партии в качестве лозунга выдвигали либо независимую Польшу, либо Польшу в рамках федеративной России.

Представители национальных движений на окраинах рассматривались новыми либералами в качестве перспективных союзников в борьбе с российским самодержавием. Именно поэтому на этапе протопартийного строительства складываются конкретные формы взаимодействия между ними. Изначально ключевую роль в этом процессе играли личные связи, сложившиеся еще в конце XIX в. Начало издания нелегального журнала «Освобождение» и потребность в его транспортировке в центральные губернии России привело к усилению связей новых либералов с финским революционным движением. По мере развития и структурного оформления нового либерализма индивидуальные неформальные связи заменяются совместными встречами, а в условиях Первой русской революции более организованными совещаниями и съездами.

В изменившихся политических условиях 1905 г. происходит активизация деятельности либеральных протопартийных организаций. В большей

степени это объясняется согласием Николая II пойти на изменения политической системы в направлении создания представительного органа власти. Потребность в создании единой партии для участия в выборах стимулирует работу участников либерального движения по выработке более четкого политического курса. В поисках союзников либералы обращаются к представителям оппозиционных движений на окраинах, что находит отражение в съездах с поляками и украинцами и расширительной трактовке областной автономии в программе «Союза освобождения». На протяжении всего 1905 г. происходит уточнение позиций новых либералов по вопросу возможного национально-государственного устройства конституционной России. Максимально полное выражение их концепция находит отражение в докладе организационного бюро земско-городскому съезду в сентябре 1905 г. Признанное большинством съезда требование автономии для Царства Польского, целесообразность в будущем распространения автономного устройства и на другие территории России вызывает раскол и становится одним из камней преткновения при выработке единой политической программы российского либерального движения, в результате чего происходит окончательное размежевание сторонников либерализма и создание двух либеральных политических партий: конституционно-демократической и Союза 17 октября.

Проведенное исследование наглядно показало, что процесс выработки политического курса по разрешению вопроса о национально-государственном устройстве России в новом либерализма конца XIX–начала XX в. прошел развитие от постановки проблемы в форме критики русификаторской политики самодержавия, через разработку наиболее очевидного и, с другой стороны, сложного финляндского вопроса, к включению в программу конституционно-демократической партии принципа областной автономии для Царства Польского и в будущем для других территорий Российского государства. Проблема национально-государственного устройства являлась неотъемлемой частью общего либерального политического курса, направленного на модернизацию страны. Разработанные в конкретных условиях начала

XX в. предложения новых либералов являлись наиболее оптимальными, так как создавали перспективные возможности для реформирования системы взаимодействия центральных властей и местных сообществ и сохранения целостности исторически сложившегося полиэтнического Российского государства мирным путем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 230. Д. 500; Оп. 231. Д. 1111; 1902 г. Д. 550. Т. 2.
2. Ф. 523. Партия народной свободы (кадеты). Оп. 1. Д. 40, 196, 272; Оп. 3. Д. 1.
3. Ф. 539. Водовозов Василий Васильевич. Оп. 1. Д. 3196.
4. Ф. Р-9510. Представительство Регентского совета Королевства Польского в России. Оп. 1. Д. 310, 312.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

5. Ф. 279. Струве Петр Бернгардович. Оп. 1. Д. 39, 73, 84; Оп. 2. Д. 50, 133, 141, 215, 224.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

6. Ф. 1276. Совет министров (1905–1917). Оп. 19. Д. 15.

Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук (ОР ИРЛИ РАН)

7. Ф. 334. Шаховской Дмитрий Иванович. Оп. 1. Д. 650, 651, 918.

Законодательные акты, документы государственных учреждений

8. Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел (18 февраля 1905 г.) // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. – Санкт-Петербург : Издание Юридического книжного склада «Право», 1909. С. 22–23.

9. Высочайше утвержденные Основные государственные законы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. 26. –

Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1909. – С. 456–461.

10. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по делам о государственных преступлениях за 1902 год. – Ростов-на-Дону : Типография «Донская Речь», 1906. – 138 с.

11. Общий свод по империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – Санкт-Петербург : паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 2. - 417 с.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – 415 с.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. 39. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – 973 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. 10. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1895. – 843 с.

15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. 21. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1895. – 1903. 1265 с.

16. Русский политический сыск за границей / Авт. вступ. ст. и примеч. Л. Меньшиков. – Ч. 1. – Париж : Menstschikoff, 1914. – 249 с.

Документы общественных организаций и политических партий

17. Второй съезд Конституционно-демократической партии 5–11 января 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 96-149.

18. Доклад П. Д. Долгорукова «Финляндия и русская конституция» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 51–60
19. Конспект доклада П. Д. Долгорукова «Конституционная партия за прошлый год» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 28–30.
20. Конспект доклада П. Д. Долгорукова «Конституционная партия в предстоящий год» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 31–37.
21. Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 648 с.
22. О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. – Москва : Тип. О. Л. Сомовой, 1905. – 47 с.
23. Общеземский съезд 6–9 ноября 1904 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 83–138.
24. Общероссийский съезд земских и городских деятелей 6–13 ноября 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 436–509.
25. Основной государственный закон Российской империи: Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». – Paris: Soc. nouvelle de librairie et d'éd, 1905.– 76 с.
26. Первый съезд Конституционно-демократической партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 18–44.
27. Постановления II съезда земских деятелей 6–9 ноября 1904 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы (Документы, воспоминания, публицистика). – Москва : РОССПЭН, 1996. – С. 49–51.

28. Проект основного закона Российской империи: Выработан Комис. Бюро общеземских съездов / Изд. ред. «Освобождения». – Paris : Soc. nouvelle de librairie et d'éd, 1905. – 20 с.

29. Программа конституционно-демократической партии, выработанная учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 34–40.

30. Программа конституционно-демократической партии [Принята II съездом] // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 189–196.

31. Протоколы заседаний «40-членной комиссии» сентябрь–октябрь 1905 года. Москва // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 422–434.

32. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905–середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. – Москва : Прогресс-Академия, 1994. – 526 с.

33. Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 24 февраля 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 154–156.

34. Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 9–10 июля 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 334–378.

35. Съезд «Союза освобождения» 25–28 марта 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 158–162.

36. Съезд «Союза освобождения» 23–25 августа 1905 г. // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 380–388.

37. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 1. 1905–1907 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997 – 744 с.

38. Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 года в С.-Петербурге. – Москва : Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1905. – 223 с.

Источники личного происхождения

39. Гучков, А. И. Историк о времени и о себе. Александр Иванович Гучков рассказывает... / А. И. Гучков // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8. – С. 191–216; № 9–10. – С. 186–211; № 11. – С. 178–195; № 12. – С. 165–175.

40. Кизеветтер, А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 / вступ. ст., коммент. М.Г. Вандалковской / А. А. Кизеветтер. – Москва : Искусство, 1996. – 396 с.

41. Маклаков, В. А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). В 3-х ч. Ч. 1 / В. А. Маклаков. – Париж : «Журн. Ил. Россия», 1936. – 246 с.

42. Милюков, П. Н. Воспоминания / П. Н. Милюков. – Москва : Изд-во политической литературы, 1991. – 528 с.

43. Петрункевич, И. И. Из записок общественного деятеля / И. И. Петрункевич // Архив русской революции. – Москва : Терра, 1993. – Т. XXI–XXII. – 472 с.; 424 с.

44. Корнилов, А. А. Воспоминания / А. А. Корнилов // Вопросы истории. – 1994. – № 2. – С. 143–159; № 3. – С. 126–152; № 4. – С. 136–149; № 5. – С. 106–124; № 7. – С. 120–139; № 8. – С. 108–128; № 9. – С. 112–122; № 10. – С. 122–134.

45. Тыркова-Вильямс, А. В. На путях к свободе / А. В. Тыркова-Вильямс. – Москва : Московская школа политических исследований, 2007. – 390 с.

46. Шаховской, Д. И. Союз освобождения. Воспоминания Д.И. Шаховского / Д. И. Шаховской // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 526–602.

47. Шипов, Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. – Москва : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева, 1918. – 592 с.

48. Konni Zilliacus Was Interviewed by J.H. Bradley for His Book Bedales: A Pioneer School (1923) // Konni Zilliacus. – URL: <https://spartacus-educational.com/TUzilliacus.htm> (дата обращения: 18.04.2020).

49. Lednicki, A. Z Lat Wolny. Artykuly, Listy, Przemowienia (1915–1918) / A. Lednicki. Warszawa: Nakł. Księg. F. Hoesicka, 1921. - 286 s.

Периодическая печать

50.Былое. – Санкт-Петербург, 1907. – № 9.

51.Вестник Европы. – Москва, 1885. – Т. 5. Кн. 9.

52.Вестник Европы. – Москва, 1887. – Т. 6. Кн. 11/12.

53.Вестник Европы. – Москва, 1889. – Т. 3. Кн. 5/6.

54.Вестник Европы. – Москва, 1901. – Т. 1. Кн. 1/2.

55.Вестник Партии народной свободы. – Москва, 1906. – № 5.

56.Вестник Партии народной свободы. – Москва, 1906. – № 6.

57.Московские ведомости. – Москва, 1905. – № 261.

58.Московская неделя. – Москва, 1905. – № 1/2–3.

59.Наша жизнь. – Санкт-Петербург, 1905. – № 272.

60.Образование. – Москва, 1898. – № 4.

61.Образование. – Москва, 1898. – № 5–6.

62.Освобождение. – Штутгарт, 1902. – № 1.

63.Освобождение. – Штутгарт, 1902. – № 3.

64. Освобождение. – Штутгарт, 1902. – № 8.
65. Освобождение. – Штутгарт, 1902. – № 13.
66. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 14.
67. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 16.
68. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 17.
69. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 19.
70. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 20/21.
71. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 22.
72. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 24.
73. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 3 (27).
74. Освобождение. – Штутгарт, 1903. – № 7 (31).
75. Освобождение. – Штутгарт, 1904. – № 19 (43).
76. Освобождение. – Штутгарт, 1904. – № 21 (45).
77. Освобождение. – Штутгарт, 1904. – № 23 (47).
78. Освобождение. – Штутгарт, 1904. – № 24 (48).
79. Освобождение. – Штутгарт, 1904. – № 50.
80. Освобождение. – Штутгарт, 1904. – № 59.
81. Освобождение. – Париж, 1905. – № 67.
82. Освобождение. – Париж, 1905. – № 77.
83. Листок «Освобождение». – Париж, 1904. – № 17.
84. Право. – Санкт-Петербург, 1901. – № 2.
85. Право. – Санкт-Петербург, 1905. – № 37.
86. Право. – Санкт-Петербург, 1905. – № 38.
87. Право. – Санкт-Петербург, 1905. – № 41.
88. Русские ведомости. – Москва, 1905. – № 269.
89. Русские ведомости. – Москва, 1905. – № 297.
90. Русские ведомости. – Москва, 1906. – № 44.
91. Русские записки. – Париж, 1939. – № 13.
92. Современные записки. – Париж, 1929. – № 38.
93. Современные записки. – Париж, 1930. – № 41.

94.Современные записки. – Париж, 1935. – № 57.

Публицистика

95. Автономия, федерация и национальный вопрос / под ред. В.М. Гессена. – Санкт-Петербург : Народ и свобода, 1906. – 48 с.

96. Всеобщее образование в России. – Москва : типо-лит. В. Рихтера, 1902. – Вып. 1. – 203 с.

97. Градовский, А. Д. Национальный вопрос в истории и в литературе / А. Д. Градовский. – Санкт-Петербург : Издательство Д. Е. Кожанчикова, 1873. – 309 с.

98. Градовский, А. Д. Собрание сочинений. Т. 6. [Статьи и публичные лекции о национальном вопросе; Славянский вопрос и война 1877 года; Польский вопрос] / А. Д. Градовский. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – 635 с.

99. Кавелин, К. Д. Наши инородцы и иноверцы / К. Д. Кавелин. – Санкт-Петербург : Правда, 1907. – 14 с.

100. Кавелин, К. Д. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 2. / К. Д. Кавелин. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1898. – 1258 стб.

101. Кистяковский, Б. Георг Еллинек, как мыслитель и человек / Б. Кистяковский. – Москва : типо-лит. товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1911. – 12 с.

102. Кокошкин, Ф. Ф. Автономия и федерация. Бесплатное приложение к № 11–13 «Вестника партии Народной Свободы» / Ф. Ф. Кокошкин. – Петроград : Партия народной свободы, 1917. – 30 с.

103. Кокошкин, Ф. Ф. Областная автономия и единство России / Ф. Ф. Кокошкин. – Москва : Народное право, 1906. – 15 с.

104. Кокошкин, Ф. Ф. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский / Ф. Ф. Кокошкин. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 592 с.

105. Котляревский, С. А. Национально-областной вопрос в программе Конституционно-демократической партии / С. А. Котляревский // Российские

либералы: кадеты и октябристы. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – С. 114–116.

106. Лазаревский, Н. И. Автономия / Н. И. Лазаревский. – Санкт-Петербург : скл. изд. при Юрид. кн. скл. «Право», 1906. – 32 с.

107. Мелкая земская единица. Сборник статей. – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Народная польза», 1902. – Вып. 1. – 421 с.

108. Милль, Дж. С. Размышления о представительном правлении / Дж. С. Милль. – Санкт-Петербург : Яковлев, 1863. – 361 с.

109. Миллюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. Вып. 1 / П. Н. Миллюков. – Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1901. – 181 с.

110. Миллюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры Ч. 3. Национальность и общественное мнение. Вып. 2 / П. Н. Миллюков. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 424 с.

111. Миллюков, П. Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев / П. Н. Миллюков. – Москва : типо-лит. товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1893. – 53 с.

112. Нападки на партию Народно Свободы и возражения на них / под ред. А. А. Кизеветтера. – Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. – 149 с.

113. Победоносцев, К.П. Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев. – Москва : Русская книга, 1993. – 637 с.

114. Ренненкампф, Н. К. Польский и еврейский вопросы. Открытые письма Б.Н Чичерину / Н. К. Ренненкампф. – Киев : типо-лит. товарищества И.Н. Кушнерева и К°, 1898. – 82 с.

115. Скалон, В. Ю. Народное образование в Финляндии / В. Ю. Скалон // Народное образование в России / под ред. Г. А. Фальборка. – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Народная польза», 1900. – С. 229–263.

116. Скалон, В. Ю. Политическое положение Финляндии и «финляндский вопрос» / В. Ю. Скалон // Финляндия / под ред. Д. Протопопова. – Санкт-Петербург : О. Н. Попова, 1898. – С. 29–75.
117. Струве, П. Б. В чем же истинный национализм / П. Б. Струве // Струве, П. Б. На разные темы (1893–1901 гг.). Сборник статей. – Санкт-Петербург : Типография А.Е. Колпинского, 1902. – С. 526–555.
118. Струве, П. Б. На разные темы (1893–1901 гг.). Сборник статей / П. Б. Струве. – Санкт-Петербург : Типография А.Е. Колпинского, 1902. - 555 с.
119. Струве, П. Б. Право и права / П. Б. Струве // Струве, П.Б. На разные темы (1893–1901 гг.). Сборник статей. – Санкт-Петербург : Типография А.Е. Колпинского, 1902. – С. 522–526.
120. Чего же хочет конституционно-демократическая партия? – Москва : Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1906. – 10 с.
121. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. – Москва : Типо-лит. товарищества И. Н. Кушнерев, 1894. – Ч. 1. - 482 с.
122. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. – Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев, 1898. – Ч. 3. - 556 с.
123. Чичерин, Б. Н. О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. – Москва : тип. Грачева и К°, 1866. – 553 с.
124. Чичерин, Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия / Б. Н. Чичерин. – Берлин : б.и., 1900. – 180 с.
125. Чичерин, Б. Н. Польский и еврейский вопрос: ответ на открытые письма Н. К. Ренненкампа / Б. Н. Чичерин. – Берлин : Издательство Гуго Штейнц, 1899. – 56 с.
126. Miliukov, P. Russia and its crisis. Introduction by Peter V. Kaufman / P. Miliukov. – New York : Barnes&Noble Books, 2005. – 445 p.

2. Научная литература

127. Айнутдинова, Л. М. Казанские либералы о национально-государственном устройстве России (начало XX в.) / Л. М. Айнутдинова // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сборник материалов Международной научной конференции / науч. ред. А. О. Чубарьян. – Москва : ИВИ РАН, 2007. – С. 360–371.

128. Аронов, Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.) / Д. В. Аронов. – Москва : Издательская группа «Юрист», 2005. – 413 с.

129. Аронов, Д. В. Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. / Д. В. Аронов // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Сборник материалов всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. – Орел : Издатель Александр Воробьев, 2014. – С. 122–130.

130. Аронов, Д. В. Права человека в теории и политико-правовой практике российского либерализма в конце XIX–начале XX в. / Д. В. Аронов. – Москва : Юрист, 2007. – 383 с.

131. Аронов, Д. В. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). / Д. В. Аронов, В. Г. Садков. – Орел : Орловский государственный технический университет, 2004. – 347 с.

132. Бахтурина, А. Ю. П. Н. Милюков и польский вопрос / А. Ю. Бахтурина // П.Н. Милюков: историк, политик, диплома. Материалы международной научной конференции. Москва 26-27 мая 1999 г. – Москва : РОССПЭН, 1999. – С. 334-342.

133. Белоконский, И. П. Земское движение. Второе издание / И. П. Белоконский. – Москва : Задруга, 1914. – 399 с.

134. Белоконский, И. П. Земство и конституция / И. П. Белоконский. – Москва : Образование, 1910. – 184 с.

135. Бенедиктов, Б. П. Н. Милюков и национальный вопрос / Б. Бенедиктов // П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия 1859–1929. – Париж: б.и., 1929. – С. 207–208.

136. Блок, М. Апология истории, или ремесло историка / М. Блок. – Москва : Наука, 1986. – 254 с.

137. Братолобова, М. В. Взгляды донских либеральных деятелей начала XX в. на проблемы политической реорганизации общества / М. В. Братолобова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2010. – № 1 (17). – С. 27–34.

138. Братолобова, М. В. Донские либералы: фрагменты исторического бытия / М. В. Братолобова. Ростов-на-Дону : Издательств Ростиздат, 2010. – 230 с.

139. Булат, В. Польский вопрос в борьбе русских политических лагерей осенью 1905 года / В. Булат // СССР и Польша. Интернациональные связи – история и современность. В 2-х т. – Москва : Политиздат, 1977. – Т. 1. – С. 255–253.

140. Бурмистрова, Т. Ю. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий России / Т. Ю. Бурмистрова, В. С. Гусакова. – Москва : Мысль, 1976. – 262 с.

141. Вандалковская, М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: История и политика / М. Г. Вандалковская. – Москва : Наука, 1992. – 288 с.

142. Веселовский, Б. Б. История земства за сорок лет. В 4-х т. Т. 3 / Б. Б. Веселовский. – Санкт-Петербург : Изд-во О. Н. Поповой, 1911. – 708 с.

143. Витухновская, М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX–начала XX веков / М. А. Витухновская // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. – Великий Новгород: НовГУ, 2007. – С. 89–142.

144. Вострикова, В. В. Административно-территориальное устройство в теории и программатике российского либерализма начала XX в. / В. В. Вострикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9 (59): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 51–54.

145. Вострикова, В. В. Концепция представительной власти в трудах идеологов нового российского либерализма (конец XIX–начало XX вв.) / В. В. Вострикова // Управление экономическими и общественными системами. – 2008. – № 2. – URL: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2008/2/vostrikova.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

146. Вострикова, В. В. Представление идеологов либерализма в начале XX века о государстве / В. В. Вострикова // Вопросы истории. – 2010. – № 2. – С. 15-28.

147. Вострикова, В. В. Теория заимствования в интерпретации российских либералов начала XX века / В. В. Вострикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (8): в 3-х ч. – Ч. II. С. 50-53.

148. Вострикова, В. В. Формирование государственно-правовых взглядов российских либералов рубежа XIX–XX вв. / В. В. Вострикова // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / науч. ред. А.О. Чубарьян. – Москва : ИВИ РАН, 2007. – С. 260–265.

149. Гатагова, С. Л. Империя: идентификация проблемы / С. Л. Гатагова // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – Москва : АИРО-XX, 1996. – С. 332–353.

150. Горякина, В. С. Партия кадетов и национальный вопрос в период буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. / В. С. Горякина // Не-пролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. – Москва : б.и., 1992. – С. 137-145.

151. Дмитриева, Н. В. Б. Н. Чичерин о национально-государственном строительстве / Н. В. Дмитриева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9 (71). – С. 44–48.

152. Дмитриева, Н. В. Имперская национальная политика в либеральной общественной мысли конца XIX–начала XX века (на примере Великого Княжества Финляндского) / Н. В. Дмитриева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2018. – № 2 (198) – С. 47–51.

153. Думова, Н. Г. История российских буржуазных партий в новейшей англо-американской историографии / Н. Г. Думова // История СССР. – 1977. – № 9. – С. 198–217.

154. Думова, Н. Г. Российский либерализм в освещении современной англо-американской историографии / Н. Г. Думова // История СССР в современной западной немарксистской историографии: критический анализ. – Москва : Наука, 1990. – С. 100–112.

155. Европейский либерализм в новое время. Теория и практика / отв. ред. С. П. Пожарская. – Москва : ИВИ, 1995. – 271 с.

156. Егоров, А. Н. Очерки историографии российского либерализма конца XIX–первой четверти XX века (дореволюционный и советский периоды) / А. Н. Егоров. – Череповец : Изд-во ЧГУ, 2007. – 275 с.

157. История национальных политических партий России. Материалы международной конференции – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), – 1997. – 405 с.

158. Исхаков, С. М. Мусульманский либерализм в России в начале XX века / С. М. Исхаков // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. – Москва : РОССПЭН, 1999. - С. 391-404.

159. Канищев, В. Ю. Журнал «Освобождение» - орган либерального направления нового типа / В. Ю. Канищев // Наше Отечество. Страницы истории: Сборник научных статей. – Москва : МАИ, 2005. – Вып. 4. - С. 61-70.

160. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. – Москва : Традиция–Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

161. Кара-Мурза, А. А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. / А. А. Кара-Мурза. – Москва : ИФРАН, 2009. – Вып. 2. – 155 с.

162. Кара-Мурза, А. А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. / А. А. Кара-Мурза. – Москва : ИФРАН, 2006. – 178 с.

163. Кара-Мурза, А. А. Российский либерализм: проблемы генезиса, эволюции и типологизации / А. А. Кара-Мурза // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 420–429.

164. Карапетян, Л. А. К вопросу о политическом будущем армянского народа в идеологии конституционно-демократической партии России в начале XX в. в контексте международной политики европейских государств / Л. А. Карапетян // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 1 (58). – С. 14–21.

165. Карапетян, Л. А. К вопросу об отношении политических партий и организаций Северного Кавказа к Учредительному собранию в 1917 г. / Л. А. Карапетян // Клио. – 2018. – № 12 (144). – С. 93–100.

166. Карапетян, Л. А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион: (Конец 90-х гг. XIX в. – февр. 1917 г.) / Л. А. Карапетян. – Краснодар : Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2001. – 375 с.

167. Карнишина, Н. Г. Национальные окраины Российской империи в модели монархического государства конца XIX–начала XX вв. / Н. Г. Карнишина // Имперская и монархическая составляющая либеральной

идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. – Орел : Госуниверситет – УНПК; Орел : Издатель Александр Воробьев, 2014. – С. 308-317.

168. Карнишина, Н. Г. Национальный вопрос в теории российского либерализма конца XIX–начала XX вв. / Н. Г. Карнишина // Сергей Андреевич Муромцев – председатель первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог. Сборник научных статей. – Орел : ИД Орлик, 2010. – С. 128-138.

169. Карнишина, Н. Г. Проблемы государственного устройства и решения национального вопроса в России в либеральных проектах русских государствоведов второй половины XIX–начала XX вв. / Н. Г. Карнишина // Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции. Сборник научных статей. - Орел : Издатель Александр Воробьев, 2013. – С 271-278.

170. Карнишина, Н. Г. Трактовка федерализма и автономии в трудах русских конституционалистов в конце XIX–начале XX вв. / Н. Г. Карнишина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4 (10): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 78-81.

171. Карпов, В. Д. Журнал «Освобождение» и некоторые вопросы формирования контрреволюционной либеральной идеологии в России накануне революции 1905–1907 гг. / В. Д. Карпов // Молодые обществоведы Москвы – Ленинскому юбилею. Материалы конференции. – Москва : Наука, 1982. – С. 69-72.

172. Карпович, М. М. Два типа русского либерализма Маклаков и Миллюков / М. М. Карпович // Опыт русского либерализма. Антология. - Москва : Канон, 1997. – С. 387–407.

173. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – Москва : Наука, 1987. – 441 с.

174. Козеллек, Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий / Р. Козеллек // История понятий, история дискурса,

история метафор. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 21–33.

175. Козеллек Р. Социальная история и история понятий / Р. Козеллек // Исторические понятия и политические идеи в России XVI – XX века. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2006. – С. 33–53.

176. Кром, М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в России / М. М. Кром // Исторические записки. – 2001. – № 4 (122). – С. 370–397.

177. Кудряшев, В. Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности / В. Н. Кудряшев // Сибирские исторические исследования. – 2013. – № 1. – С. 58–66.

178. Кудряшев, В. Н. Проблема генезиса наций в либеральной общественной мысли России XIX в. / В. Н. Кудряшев // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 64–68.

179. Кудряшев, В. Н. Проблема формирования национальных государств в интерпретации российских либералов второй половины XIX в. / В. Н. Кудряшев // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 62–68.

180. Лаверычев, В. Я. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX–начале XX века / В. Я. Лаверычев // История СССР. – 1976. – № 3. – С. 46–65.

181. Лаптева, М. П. Теория и методология истории / М. П. Лаптева. – Пермь: Пермский государственный университет, 2006. – 253 с.

182. Ленин, В. И. Кадеты и «право народов на самоопределение» / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва : Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 24. – С. 208–210.

183. Ленин, В. И. Национал-либерализм и право наций на самоопределение / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва : Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 24. – С. 247–249.

184. Ленин, В. И. О праве наций на самоопределение / В.И. Ленин // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва : Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 25. – С. 259.

185. Леонтович, В. В. История либерализма в России 1762–1914 / В. В. Леонтович. – Москва : Русский путь. Полиграфресурсы, 1995. – 560 с.

186. Леонтьева, О. Б. В чем же истинный либерализм? Российский либерализм рубежа XIX–XX вв. в зеркале отечественной историографии начала XXI в. / О. Б. Леонтьева // Прошлый век. Сб. науч. трудов / редкол.: А. И. Миллер (гл. ред.) и др. – Москва : ИНИОН РАН, 2013. – С. 187–222.

187. Либерализм в России / под ред. В. Ф. Пустарнакова. – Москва : ИФРАН, 1996. – 451 с.

188. Лубский, А. В. Альтернативные модели исторического исследования / А. В. Лубский. – Москва : Социально-гуманитарные знания, 2005. – 349 с.

189. Макаров, Н. В. Русский либерализм конца XIX–начала XX века в зеркале англо-американской историографии / Н. В. Макаров. – Москва : Памятники исторической мысли, 2015. – 391 с.

190. Малинова, О. Ю. Две концепции «либерального национализма»: П. Б. Струве и П. Н. Миллюков / О. Ю. Малинова // П. Н. Миллюков: историк, политик, диплома. Материалы международной научной конференции. Москва 26–27 мая 1999 г. – Москва : РОССПЭН, 1999. – С. 462–473.

191. Малинова, О. Ю. Либеральный национализм (середина XIX-начало XX века) / О. Ю. Малинова. – Москва : РИК Русанова, 2000. – 254 с.

192. Мартынов, А. С. Конституционно-демократическая партия / А. С. Мартынов // Общественное движение в России в начале XX века / под

ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – Санкт-Петербург : Типография т-ва «Общественная Польза», 1914. – Т. 3. – С. 1–82.

193. Медушевский, А. Н. Диалог со временем. Русские конституционалисты конца XIX–начала XX века / А. Н. Медушевский. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 488 с.

194. Медушевский, А. Н. Конституционная монархия в России / А. Н. Медушевский // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 30–46.

195. Медушевский, А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия / А. Н. Медушевский // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 3–23.

196. Медушевский, А. Н. Конституционный проект С. А. Муромцева / А. Н. Медушевский // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. – Москва : ИРИ РАН, 1996. – С. 173–196.

197. Медушевский, А. Н. Либерализм как проблема современной западной историографии / А. Н. Медушевский // Вопросы истории. – 1992. – № 8. – С. 167–178.

198. Медушевский, А. Н. Политические теории российского конституционализма XX века / А. Н. Медушевский // Российская история. – 2010. – № 1. – С. 45–64.

199. Медушевский, А. Н. Ф. Ф. Кокошин и русский конституционализм / А. Н. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 2. – С. 179–184.

200. Миллер, А. И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие / А. И. Миллер., Д. А. Сдвижков, И. Ширле // «Понятие о России»: к исторической семантике имперского периода. – Т. I. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 5–46.

201. Миллюков, П. Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России) / П. Н. Миллюков. – Прага : Свободная Россия, 1925. – 192 с.

202. Мининков, Н. А. Введение в теорию научного исторического исследования / Н. А. Мининков. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. – 184 с.

203. Нарезный, А. И. П. Н. Милюков об истоках либерализма в России / А. И. Нарезный // П. Н. Милюков: историк, политик, диплома. Материалы международной научной конференции. Москва 26-27 мая 1999 г. – Москва : РОССПЭН, 1999. – С. 243-251.

204. Нарезный, А. И. Проблемы конституционализма в русской консервативно-либеральной мысли второй половины XIX в. / А. И. Нарезный. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1999. – 128 с.

205. Нарезный, А. И. Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX в. / А. И. Нарезный. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2014. – 193 с.

206. Нарезный, А. И. Чичерин Б. Н. / А. И. Нарезный // Чичерин, Б. Н. Собственность и государство / Б. Н. Чичерин. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 5–34.

207. Национальная политика России: история и современность. – Москва : Русский мир, 1997. – 680 с.

208. Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. – Москва : б.и., – 1992. – 253 с.

209. Непролетарские партии России. Урок истории / под общ. ред. И. И. Минца. - Москва : Мысль, 1984. – 566 с.

210. Новикова, Л. И. Новый либерализм в России / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 132-140.

211. Новикова, Л. И. Три модели развития России / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская – Москва : ИФ РАН, 2000. – 272 с.

212. Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. 4 т. – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная Польза». – 1910–1914.
213. Опыт русского либерализма. Антология. - Москва : Канон, 1997. – 480 с.
214. Пайпс, Р. Струве: Биография. В 2-т Т. 1: Струве: левый либерал, 1870–1905 / Р. Пайпс. – Москва : Московская школа политических исследований, 2001. – 549 с.
215. Пирумова, Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века / Н. М. Пирумова. – Москва : Наука, 1977. – 284 с.
216. Покровский, М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. / М. Н. Покровский. – Москва : Красная новь, 1924. – 232 с.
217. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 2011. – 559 с.
218. Российские либералы: сборник статей / под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 576 с.
219. Российский либерализм середины XVIII–начала XX века. Энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 1086 с.
220. Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 567 с.
221. Секиринский, С. С. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX–начало XX в.) / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. – Москва : Памятники исторической мысли, 1995. - 285 с.

222. Селаидзе, Д. Б. Азербайджанские депутаты в Государственной думе России первого-четвертого созывов / Д. Б. Селаидзе // Вестник межпарламентской ассамблеи. – 1996. – № 2. – С. 24-26.

223. Сеф, С. Е. Буржуазия в 1905 году. По неизданным архивным материалам / С. Е. Сеф. – Москва, Ленинград : Госиздательство, 1926. – 128 с.

224. Скиннер, К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы / К. Скиннер // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 66. – С. 55–66.

225. Соловьев, К. А. Империя после империи: проект Ф.Ф. Кокошкина / К. А. Соловьев // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. – Орел : Госуниверситет – УНПК; Орел : Издатель Александр Воробьев, 2014. – С. 115–122.

226. Соловьев, К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899-1905 / К. А. Соловьев. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 284 с.

227. Суни, Л. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80-90-е гг. XIX в. / Л. В. Суни. – Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1982. – 158 с.

228. Тимофеев, Д. В. Методология «истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века / Д. В. Тимофеев // Новое прошлое / The New Past. – 2016. – № 4. – С. 155–168.

229. Хэфнер, Л. «Конституционно-демократическая партия не менее твердо держится принципа единства и неразделимости России»: либерализм и национализм в российской провинции. 1905–1914 гг. / Л. Хэфнер // Ab Imperio. – 2000. – № 3-4. – С. 91-126.

230. Циунчук, Р. А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения / Р. А. Циунчук. – Казань : ФЭН, 2004 (ООО Антарус). - 415 с.

231. Черменский, Е. Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905-1907 гг. / Е. Д. Черменский // История СССР. – 1965. – № 5. – С. 41–60.

232. Черменский, Е. Д. О социальном облике «освобожденчества» (1902–1905 гг.) / Е. Д. Черменский // История СССР. – 1977. – № 6. – С. 229–231.

233. Шацилло, К. Ф. Из истории освободительного движения в России в начале XX века (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре–октябре 1904 года) / К. Ф. Шацилло // История СССР. – 1982. – № 4. – С. 51–70.

234. Шацилло, К. Ф. Новое о «Союзе Освобождения» / К. Ф. Шацилло // История СССР. – 1975. – № 4. – С. 132-145.

235. Шацилло, К. Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» / К. Ф. Шацилло // Археографический ежегодник за 1977 год. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1981. – С. 111–114.

236. Шацилло, К. Ф. О предыстории «Союза освобождения» / К. Ф. Шацилло // Археографический ежегодник за 1979 год. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1981. – С. 330-334.

237. Шацилло, К. Ф. О составе русского либерализма накануне революции 1902–1905 годов / К. Ф. Шацилло // История СССР. – 1980. – № 1. – С. 62-74.

238. Шацилло, К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика / К. Ф. Шацилло. – Москва : Наука, 1985. – 347 с.

239. Шацилло, К. Ф. Тактика и организация земского либерализма накануне первой русской революции / К. Ф. Шацилло // Исторические записки. – 1978. – Т. 101. – С. 217-270.

240. Шацилло, К. Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901–1914 гг.) / К. Ф. Шацилло // Исторические записки. – 1976. – Т. 97. – С. 50-98.

241. Шелохаев, В. В. Дискуссионные проблемы русского либерализма в новейшей отечественной литературе / В. В. Шелохаев // Вопросы истории. – 2007. – № 5. – С. 3–16.

242. Шелохаев, В. В. Дмитрий Иванович Шаховской / В. В. Шелохаев // Отечественная история. – 2001. – № 5. – С. 107-120.

243. Шелохаев, В. В. Имперская и монархическая составляющие либеральной идеологии (к постановке проблемы) / В. В. Шелохаев // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. –Орел : Госуниверситет – УНПК. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2014. – С. 6-11.

244. Шелохаев, В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции / В. В. Шелохаев. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – 863 с.

245. Шелохаев, В. В. Либеральная модель общественного переустройства России: поиски путей модернизации / В. В. Шелохаев // Либеральная модель общественного переустройства России на рубеже XIX-XX вв.: / сост.: Н.В. Иллерицкая, А.П. Логунов. – Москва : РГГУ, 1994. – С. 28-49.

246. Шелохаев, В. В. Либеральная модель переустройства России / В. В. Шелохаев. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – 280 с.

247. Шелохаев, В. В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения / В. В. Шелохаев // Кентавр. Историко-политологический журнал. – 1993. – № 2. – С. 45-59.

248. Шелохаев, В. В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения / В. В. Шелохаев // Кентавр. Историко-политологический журнал. – 1993. – № 3. – С. 100-115.

249. Шелохаев, В. В. Общественная мысль России как историографическая и теоретико-методологическая проблема / В. В. Шелохаев // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв.

ред. В. В. Шелохаев. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 22-49.

250. Шелохаев, В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема / В. В. Шелохаев // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 26-41.

251. Шелохаев, В. В. Численность и состав кадетской партии / В. В. Шелохаев // Политические партии в России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. – Москва : АН СССР, 1987. – С. 115–130.

252. Шелохаев, В. В. Исторические портреты. Петр Дмитриевич Долгоруков / В. В. Шелохаев, Н. И. Канищева // Вопросы истории. – 2001. – № 8. – С. 68-79.

253. Шелохаев, В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / В. В. Шелохаев. – Москва : Наука, 1983. – 327 с.

254. Шелохаев, В. В. Либеральная модель преобразования России начала XX века / В. В. Шелохаев // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. – Москва : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001. – С. 34–35.

255. Шелохаев, В. В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии / В. В. Шелохаев // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции: сборник статей. – Москва : Наука, 1978. – С. 236-255.

256. Щербина, А. В. Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века / А. В. Щербина // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 225-233.

257. Bulat, W. Zjazd Polsko-Rosyjski w Moskwie 21–22.IV.1905 Roku /W. Bulat // Studia z Najnowszych Dziejow Powszechnych. – Warszawa : б.и., 1962. – Т. 2. – С. 187–208.

258. Copeland, W. R. Relations between the Finnish Resistance Movement and the Russian Liberals, 1899–1904 / W. R. Copeland // Essays on Russian Liberalism / ed. by Ch.E. Timberlake. – Columbia : University of Missouri Press, 1972. – Pp. 90–118.

259. Copeland, W. R. The Uneasy Alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904 / W. R. Copeland. – Helsinki : Suomalainen Tiedeakatemia, 1973. – 224 p.

260. Emmons, T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia / T. Emmons. – Cambridge; London: Harvard University Press, 1983. – 529 p.

261. Stockdale, M. K. Miliukov, Nationality and National Identity / M. K. Stockdale // П. Н. Миллюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. Москва 26–27 мая 1999 г. – Москва : РОССПЭН, 1999. – С. 275–287.

262. Stockdale, M. K. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880-1918 / M. K. Stockdale. – Ithaca; London : Cornell University Press, 1996. – 379 p.

Диссертации

263. Бавкунова, Г. Н. Отечественные либеральные партии начала XX века: национальный аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бавкунова Галина Николаевна. – Брянск, 2003. –189 с.

264. Егоров, А. Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Егоров Андрей Николаевич. – Москва, 2010. – 879 с.

265. Золотовский, Ю. Л. Государственное устройство России в программных документах политических партий в начале XX в.: дис. ... канд.

ист. наук: 07.00.02 / Золотовский Юлий Леонидович. – Воронеж, 1998. – 156 с.

266. Иванников, О. В. Политическая борьба в России по национальному вопросу в первой четверти XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Иванников Олег Владимирович. – Москва, 2005. – 220 с.

267. Канищев, В. Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Канищев Всеволод Юрьевич. – Москва, 2006. – 301 с.

268. Кондратенко, Д. П. Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России, конец XIX в.–февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кондратенко Дмитрий Петрович. – Москва, 1998. – 206 с.

269. Кудряшев, В. Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века: дис. ... д-ра ист. наук 07.00.02 / Кудряшев Вячеслав Николаевич. – Томск, 2013. – 592 с.

270. Макаров, Н. В. Конституционно-демократическая партия в 1905–1917 гг. в освещении англо-американской историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Макаров Николай Владимирович. – Москва, 2002. – 234 с.

271. Фахрутдинов, Р. Р. Татарское либерально-демократическое движение в конце XIX–начале XX вв. идеология и политическая программа: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Фахрутдинов Раиль Равилович. – Казань, 1996. – 214 с.

272. Хабутдинов, А. Ю. Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Хабутдинов Айдар Юрьевич. – Казань, 1996. – 227 с.